

Максим Барбашин

**Институциональная
демократия и социальные
дилеммы**

опыт постсоветских трансформаций

 LAMBERT
Academic Publishing

Максим Барбашин

**Институциональная демократия и социальные
дилеммы**

Максим Барбашин

**Институциональная
демократия и социальные
дилеммы**

опыт постсоветских трансформаций

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum/Imprint (nur für Deutschland/ only for Germany)

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten waren und daher von jedermann benutzt werden durften.

Coverbild: www.ingimage.com <<http://www.ingimage.com>>

Verlag: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Deutschland
Telefon +49 681 3720-310, Telefax +49 681 3720-3109
Email: info@lap-publishing.com <<mailto:info@lap-publishing.com>>

Herstellung in Deutschland:
Schaltungsdienst Lange o.H.G., Berlin
Books on Demand GmbH, Norderstedt
Reha GmbH, Saarbrücken
Amazon Distribution GmbH, Leipzig
ISBN: 978-3-8433-0978-3

Только для России и стран СНГ

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Издатель: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Germany Телефон +49 681 3720-310, Факс +49 681 3720-3109 Email: info@lap-publishing.com <<mailto:info@lap-publishing.com>>

Напечатано в России
ISBN: 978-3-8433-0978-3

АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2011 принадлежат автору и LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG и лицензиарам
Все права защищены. Saarbrücken 2011

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. В поисках демократии	7
Глава 2. Демократия и институциональные возможности	30
Глава 3. Демократия и социальные дилеммы	60
Глава 4. Институциональный распад в демократическом обществе	89
Глава 5. Институты власти, модернизации и демократия	104
Глава 6. Институты демократии и идеология	135
Заключение	152

Предисловие

В современных транзитивных политических, экономических и социальных условиях по-прежнему актуальным является вопрос о направленности процесса демократического развития и гражданской самоидентичности нации, в том числе и в институциональном отношении.

В научной литературе используемые подходы в изучении демократических систем обычно разделяются в зависимости от предпочтений, существующих у ученых, которые изучают узкопрофессионально: философы занимаются философией демократии, психологи не уделяют внимание социальным факторам, правоведы игнорируют психологические процессы. И хотя подобная “специализация” подходит для теоретических целей модельного воспроизводства существующих демократических процессов, она плохо приспособлена для практических целей, для конкретного применения полученных абстрактных выводов. Ученый, проверяя свои теоретические взгляды на практике, может обнаружить, что его теория “не работает”, поскольку реальный объект оказывается сложнее упрощенных модельных схем. Такому специалисту увидеть новые перспективы мешает, по выражению Норберта Винера, “олимп априорности”, сложившийся за многие годы узкопрактической деятельности. Результатом является недостаточная эффективность политологической экспертизы и политических рекомендаций по развитию демократии.

В академическом дискурсе нередко раздаются призывы отказаться от представлений о том, что к проблеме демократии в разных культурных контекстах нельзя подходить с едиными стандартами, признать, наконец, что существует единое понимание демократии. Традиционно демократию рассматривают с позиций неких универсальных социально-политических требований, соответствующих общественным предписаниям справедливости, выборности и разделения органов власти, либо вытекающих из природы самого

общества. Тем не менее, существует достаточно большое число сторонников точки зрения, что понятия “универсальная демократия” в данном случае неприменимо, поскольку отсутствует всеобщее межкультурное согласие в понимании базисных институтов демократии. И хотя обычно демократия в любом обществе понимается как зеркальное противопоставление авторитаризму, не меньшее основание имеет точка зрения (выраженная, в частности, С. Хантингтоном), что между представителями разных культур и цивилизаций не существует согласия в понимании демократии, кроме согласия во мнении, что проблема демократии сложна и имеет большое значение.

Хотя Советский Союз не отрицал значение демократии (понимая ее, в основном, в классовом и “народном” контекстах), демократические идеи стали окончательно доминировать в общественном дискурсе уже в период постперестроечных реформ. Демократия в советское время была связана не столько с институтами прямого волеизъявления народа, сколько с политико-правовыми отношениями между двумя противостоящими друг другу в идеологическом, военном, политическом и экономическом отношениях блоками стран. Чем сильнее становилась экономическая зависимость системы государственного социализма от финансовых займов и внешней торговли с западными странами, тем легче становилось для Запада оказывать давление на эти государства, апеллируя к необходимости проведения демократических реформ. Преследуемые социалистическими режимами социальные слои и группы увидели в ресурсной зависимости Востока от Запада возможность “расквитаться с прошлым”, разоблачая те или иные политические и экономические действия правительства как следствие их недемократической и авторитарной природы. Подобного рода правозащитная деятельность с особым общественным резонансом осуществлялась в восточноевропейских странах “народной демократии”, которые превратились, в результате, в заложников провозглашенных на законодательном уровне собственных демократических норм и институтов. Именно подобное двойное демократическое “разъедание” разрушило идеологическую систему социализма. Слишком уж сомнительными

выглядели политические попытки перестройки того, что перестройки не подлежало – институциональных основ социализма.

Вскоре после разрушения социалистической системы в некоторых из стран Восточной Европы бывшие диссиденты пришли к власти. Эти люди воспринимали демократию как нечто обязательное, но в то же время стремились тем или иным институциональным способом ограничить в избирательных и гражданских правах либо отдельные этносы (как это происходило в начале 1990х в Прибалтике или Грузии), либо тагетированно дискриминировать социальные группы (например, бывших работников спецслужб, членов правящих партий в Польше), осуществляя, как писал, М. Шилер, “совершение актов мести своему духовному прошлому”, подчеркивая, что недостатки советского периода должны были быть устранены за счет тех, кто действительно или предположительно в них виноват, наподобие того как происходит религиозное искупление грехов в христианстве.

В конце 1980х – начале 1990х гг. демократические идеи казались многообещающими и перспективными. Однако быстро выяснилось, что демократия не может быть игрой по “произвольным правилам”. Мало формального провозглашения демократии, необходимо укрепить ее институциональные основы в повседневной жизни людей. Вхождение России в число демократических стран оказалось далеко не таким простым делом, как это могло показаться на первых этапах трансформации систем государственного социализма. Особенно в условиях роста социальной несправедливости и экономической незащищенности граждан.

Транзитивная неустойчивость перехода России на демократический путь развития сопровождалась также недостаточным интересом со стороны академического сообщества к проблеме институтов. В некотором роде недостаток интереса носит объективный характер. В настоящее время довольно трудно определить, в какой степени современные демократические процессы зависят от влияния институциональных факторов, поскольку эти факторы не всегда четко проанализированы общественными интеллектуалами и даже не

всегда им известны. Институциональные процессы, в сущности, игнорируются, причем даже не столько из-за злого умысла, сколько из-за невозможности быть описанными в рамках существующих подходов.

Учитывая важность понимания институционального характера демократии для социального знания и социально-политической практики в российских условиях с целью создания надежной политической основы модернизационным реформам, имеет смысл восполнить существующие в социальных науках пробелы.

Хотелось бы выразить благодарность политологам и экономистам университета Индианы и особенно Нобелевскому лауреату 2009 года в области экономики Лине Остром за интерес к институциональной проблематике, которые они пробудили у меня во время исследовательской стажировки в 2004-2005 гг.

Автор также выражает признательность за поддержку и ценные замечания преподавателям и сотрудникам Южнороссийского филиала Института социологии Российской академии наук и Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета (ИППК ЮФУ), которые оказали содействие на различных этапах работы над монографией.

Глава 1

В поисках демократии

В современном политическом дискурсе демократия представляет собой понятие, в наибольшей степени нагруженное и наполненное различными идеологемами и мифологемами, и поэтому обсуждение перспектив и трудностей демократического устройства переходного общества часто сводится к ожесточенным идеологическим спорам, которые не предполагают нацеленности на поиски решения имеющихся в социуме сложностей, а представляют собой, в лучшем случае, обмен противоположными мнениями между различными заинтересованными сторонами. Такие дискуссии используются в качестве “идеологического оружия”, нацеленного на то, чтобы подобрать соответствующие обвинения, носящие политический характер, и “заклеймить” оппонента, а затем выдвинуть против него стандартный набор аргументов деятелей эпохи “Нового Просвещения”.

Обычно речь идет о четкой политической дихотомии “мы и они”, где понятие “мы” подразумевает право на пропаганду и продвижение “лучшего” с точки зрения пропагандистов образа жизни - с провозглашаемыми хорошими намерениями и целями и неизбежным преодолением сопротивления несогласных. Подобная критика отчасти поднимает “нас” над обществом - чтобы сконцентрировать свой взгляд на мелких деталях, иногда требуется отойти на значительное расстояние. Но помимо того, что люди редко переносят на себя стандарты и правила, установленные для них внешним воздействием, очевидно, что подобные “экзистенциальные демократы” выглядят достаточно чуждыми и не выступают в качестве “значимых других” для большей части населения России. Поэтому их мнения, негодования по поводу каких-либо политических событий или процессов или непосредственные призывы к народу не приводят к существенным изменениям и оказываются просто выпуском наблевших эмоций в “безвоздушное пространство”.

Причины взаимного непонимания здесь лежат не столько в недостатках концептуального характера предлагаемых для заимствования концепций (хотя необходимо учитывать и недочеты подобного рода), сколько в институциональных особенностях и устойчивости социальных систем, которые будут подробно рассмотрены в последующих главах. Хотя надо заметить, что и сама по себе стратегия заимствования или трансмиссии готовых социальных технологий и политических артефактов в иную социально-культурную среду не выглядит особенно убедительной, поскольку не позволяет разрешить проблему “информационной асимметрии”: время, потраченное на заимствования, приходится вычитать из времени, которое можно было бы использовать для творческого саморазвития нации. Это означает, что сегодняшние лидеры будут лидерами и в дальнейшем: Ахиллес никогда не догонит черепаху, если будет плестись позади и копировать все черепаший шаг. Такое копирование, не подкрепленное пониманием культурной и духовной сущности нации, а также институциональной специфики развития государства, и стремящееся к переносу наиболее эффективных, внешних форм чужого благополучия и алгоритмов развития, радующих глаз, неизбежно окажется поверхностным и мало эффективным. Оно снимает всякую ответственность с реформаторов за возможные и неизбежные неудачи в изменении институциональных структур, перенося ее в сферу обсуждения вопросов неточности и/или нечеткости копирования тех или иных социальных условий, подходящих для наилучшего применения заимствованного института. Иначе говоря, оно помогает как правящей, так и академической элите подобрать простые аргументы в пользу самооправдания, необходимого для создания чувства морального самоуспокоения – без всяких на то оснований.

Но главное в другом. Некритическое заимствование служит препятствием для развития творческого субъектного мышления, поскольку выполнение роли создающего мастера переходит к подмастерьям, спорящим между собой о том, кто четче перерисует и повторит по схваченному издали шаблону то, что существует только в единственном экземпляре. Подобная погруженность в

устоявшиеся методы и формы – “дамоклов меч” современной российской социологии. Возможно, определенная всеядность и неразборчивость в академических предпочтениях – а классиками социальной мысли сейчас в России считаются практически все те, кого не переводили и не издавали в Советском Союзе, вне зависимости от реальной ценности или оригинальности содержания тех или иных работ – является следствием прежних идеологических ограничений, своеобразная “остаточная реакция”, неизбежная в своем проявлении после освобождения научного сообщества от существенных социальных деформаций. Сильно сжатая пружина после того, как ее отпустят, обязательно должна пройти некое “избыточное” расстояние, прежде чем вернется в первоначальную и устойчивую форму.

Возможно, российская социология перешла сразу на ступень постиндустриального дисциплинарного развития, не пройдя при этом полностью предшествующих этапов, оставаясь на позициях социологии постмодернистского распада со всеми ее многочисленными отраслевыми теориями “среднего уровня”. Российская политическая социология носит фрагментарный характер. Ее больше интересуют социологические пропорции отношения избирателей к политическим событиям, лидерам или общественным деятелям, а не институциональные взаимоотношения и политическое поведение, из них вытекающее. Есть догоняющее развитие по принципу усвоения максимального объема имеющейся информации и результатов исследований известных западных направлений социально-политической мысли, но немногие ученые пытаются работать в теоретических работах на опережение. Есть большое количество практикующих социологов, но нет собственных оригинальных школ. Причем все часто замыкается на нескольких человек, которые получают “широкую известность в узких кругах”. Активизировалось участие отечественных социологов в различных международных симпозиумах и конференциях, но оно по-прежнему носит несколько провинциальный характер. Из-за недостаточного обмена научной информацией и плохого знания иностранных языков происходит

регионализация социологической науки и ее распад на отдельные академические и образовательно-территориальные анклавы. Кроме того, в российских условиях социология испытывает сильное влияние философии, тогда как на Западе – социальной психологии. В результате формируется две параллельные науки – мировая и региональная или даже местная. Часто необходимость цитирования того или иного западного ученого воспринимается как нечто просто подразумеваемое, даже в тех случаях, когда эта цитата не очень и нужна, и даже тогда, когда на эту же самую тему гораздо убедительнее и/или раньше писали российские философы и социологи. Подобная мода, вероятно, двигает социальную науку в России в некоторой степени, помогая ознакомиться с основными достижениями западной теоретической мысли, однако в настоящее время имеются все основания полагать, что период “пафосного ученичества” должен уже заканчиваться.

Еще одна устоявшаяся традиция, которую можно было бы подвергнуть некоторой критике, состоит в использовании “громких имен”. Безусловно, многие из таких имен действительно являются выдающимися профессорами и исследователями. Но речь не об этом. Социальная наука предполагает высокую степень самовыражения, что проявляется в достаточно свободном стиле написания работ (можно вспомнить хотя бы “драматургические” саморепрезентации И. Гофмана). Научная работа должна носить индивидуальный характер (не рассматривая, конечно, групповые проекты), и не превращаться в сборник цитат для последующего использования. Некоторые авторы, вероятно, полагают, будто добавление в свой текст упоминаний о признанных классиках, вроде М. Вебера или Э. Дюркгейма, существенно усиливает научную значимость представленной работы. Однако исследование не должно становиться университетским учебником (хотя даже в учебном пособии имеет смысл избегать излишней упрощенности), и превращаться в “поминальный” перечень имен, тем более, если эти имена приводятся просто из общих соображений и никак не влияют на структуру и содержание текста. Вне зависимости от степени начитанности и эрудированности автора, именно новое

индивидуальное знание дает ему право считаться ученым. К тому же, даже самый лучший обзор литературы часто бывает недостаточным, и он быстро устаревает. Во многих случаях такие разделы выглядят чужеродными вставками, призванными служить для удовлетворения потребности в сопричастности пишущим лицам. Но данная потребность лучше всего реализуется путем глубокого анализа анализируемой проблемы. И нацелено оно должно быть не на лозунги, а на понимание, а понимание неотделимо от предполагаемой критики. Неся персональную научную ответственность за все сказанное и не прикрываясь именами авторитетных специалистов, необходимо ограничить количество используемых цитат и ссылок только самыми необходимыми или интересными подходами, поскольку принцип “чем больше, тем лучше” здесь не работает. Вне зависимости от степени начитанности и эрудированности, именно новое, “добавочное” и привносимое автором знание дает ему право считаться ученым.

Любой период ученичества имеет тенденцию заканчиваться рано или поздно, и тогда на первое место выходит собственная интерпретация и объяснение (в т.ч. и уже сложившихся демократических систем) и критический взгляд на уже многократно проанализированные проблемы. Наука должна быть интернациональной, но, к сожалению, даже довольно интересные работы часто выпадают из исследовательского внимания западных ученых, если они не написаны или не переведены на английский язык. Такая ситуация вредит одинаково всем сторонам. Очевидно, что ее исправление принесет значительную пользу не только национальным наукам в каждой из ведущих в социологических изучениях стран, но и всему международному научному сообществу в целом. Пока же утрата институционального содержания заимствованных на Западе представлений о демократическом строе как политической системе увеличивает неясность и вносит дополнительный сумбур в и без того кризисное состояние современных социальных и политических дисциплин.

Демократия становится в наше время разновидностью религии, со своим социальным кругом последователей и адептов, священными датами и местами для массовых паломничеств. Со своим кодексом поведения, нормами и правилами ведения дискуссий, которым придается идеологически приемлемая внешняя форма. Язык почитателей демократии во многом напоминает язык сторонников религиозного возрождения – язык благородный и возвышенный, но слабо связанный с реальными общественными процессами. В подобных случаях мировое развитие рассматривается как целенаправленное движение в “царство” будущей свободы, однако “главная сложность в этом подходе к мировой истории – по сравнению с уже созданными региональными и национальными историями – состоит в том, что он зависит от уже известных результатов, и это создает предубеждение в наших взглядах. Появляется сильное искушение излишне подчеркивать элементы прошлого, которые выглядят хорошо связанными с настоящим и игнорировать те, которым не достает таких связей, и провозглашать, что первые имеют причинную значимость, а вторые – нет”¹.

Значительную методическую проблему представляет здесь то, что французский философ Л. Альтюссер назвал “ретроспективной телеологией”, когда решениям в прошлом приписывается гораздо больше смысла и рациональной целенаправленности, чем это могло быть в реальности. “Как симметрическая патология встречается другая особенность: гипертрофия и обожание будущего за счет настоящего Чем нагляднее отсталость, тем больше потенциальность. Экономически это означает возможность просить и брать в долг у развитых стран все больше и больше. Займы - форма преодоления отсталости во имя огромного будущего”².

Современный мир – это мир потерянного таинства и утраченных традиционных и сакральных ценностей. которые были постепенно замещены ценностями идеологическими. Однако отказ от сакрального – это не тоже

¹ Goldstone, Jack A. 2000. The Rise of the West – or Not? A Revision to Socio-Economic History // Sociological Theory 18 (July), p. 176.

² Нива, Жорж. Возвращение в Европу. М.: Высшая школа, 1999.

самое, что и забывание о сакральном. В современном мире слишком много вещей, которые можно понимать, и слишком мало предметов, перед которыми можно застыть в мистическом оцепенении. Религия, даже в качестве красивого мифа, больше не принимается обществом. Особенно ясно это показано в кинематографе, где религия как символический образ становится все более удобным и комфортным “товаром массового потребления”. Явный или неявный пересмотр священных канонов в религиозных течениях сопровождается сакрализацией демократии как общей гражданской ценности.

Религиозный или сакральный подход всегда подразумевает невозможность точного постижения таинственного и неведомого, или, по крайней мере, возможность в любой момент прекратить процесс самого познания, с тем, чтобы не допускать рутинизацию и не разрушать существующее таинство. Для религиозных адептов обсуждение молекулярной структуры своих идолов или икон не просто бессмысленно – оно невозможно. Такая дискуссия просто не будет восприниматься как несущая в себе ценную информацию для будущих или текущих социальных изменений. Поэтому спор верующего с тем, кого он считает еретиком, неизбежно обретает аксиологический характер, т.е. становится спором за победу во имя доминирования собственных ценностей и утверждение своей точки зрения. А иногда даже и во имя доминирования той или иной парадигмы мышления, парадигмы отношения к окружающему миру и обществу. “Она может быть истинной, а может и не быть. Проблема веры в том, что установить это невозможно, так как невозможно отдать предпочтение одному варианту верования перед другими, поскольку все откровенно избегают предъявления каких бы то ни было доказательств...”³. Религиозное мышление неизбежно становится абстрактным и мифологизированным, поскольку оно должно опираться на потенциальные или трансцендентальные возможности, реализация которых затруднена в реальном несовершенном мире.

³ Докинз Р. Эгоистичный ген. Москва. 1993. с. 12.

Понятие “миф” в данном случае не содержит ценностной оценки. Оно указывает, скорее, на амбивалентность и сложность или даже невозможность практической проверки. Миф – это не значит плохо, и антимиф – не обязательно хорошо. Это прекрасно показал Альберт Камю в “Мифе о Сизифе”. Мифом также не обязательно является ложное или выдуманное понятие, в определенной системе человеческих убеждений любой миф является истинным. Он истинен хотя бы уже потому, что воплощает в себе ряд психофизиологических процессов, протекающих в организме человека, и, таким образом, не является случайным. Социализация – это процесс привыкания к разделяемым во всем обществе мифам, а также выделения предпочтений одних мифов другим, отвергаемых и маргинализируемых. Социализация человека предполагает усвоение огромного количества мифов, начиная от таблицы умножения (без которой прекрасно обходится большая часть традиционных народов) и заканчивая демократическими и либеральными концептами.

Демистификация мифа должна быть нацелена не только на вскрытие заблуждений и недостатков прошлого. Она должна поставить под сомнение также те ценностные основы, на которых покоится современное общество. Принудительное принятие даже лучших “священных” мифов не совместимо с критическим мышлением, хотя современный человек и живет в эпоху глобальных сакральных мистификаций.

Не нужно забывать и о существующих академических традициях исследования политического. Позитивистская наука в своем классическом варианте возникла как эмпирическое движение против господства религиозного сознания и духовной мысли, как реакция против некритического доминирования священного отношения в познании человека и природы. Позитивизм в западной науке сопровождался значительными изменениями в устоявшихся социально-политических отношениях и социальной структуре, а также постепенной демократизацией как государства, так и общества.

Средневековые поиски “божественного” в человеческих отношениях и природе закончились во многом неудачно, они не привели к гуманизации социальных отношений, что спровоцировало интерес к позитивизму и критическому разуму, понимаемому иногда в виде бессознательного проявления присущей человеку рациональности и логичности мышления во всех сферах общественной жизни (включая политическую). По мнению позитивистов, то, что непостижимо разуму и рациональному познанию, в сфере общественных отношений существовать не может. Позитивистски объективный и критический разум позволяет видеть дальше и глубже, однако он не может не быть модернизационным и разрушительным, в т.ч. и для традиционных отношений. “Прежде всего, модернизация подразумевает веру в человеческую способность посредством осмысленной деятельности изменить свое природное и социальное окружение. Сознание перемен начинает формироваться, когда люди убеждаются в возможности понять общество и природу, и восприятие этой возможности превращается в убежденность, что общественная жизнь и природная среда могут контролироваться человеком в соответствии с теми целями, которые он ставит перед собой. Это предполагает “прометеевское освобождение”, преодоление фатализма в сознании, освобождение его от веры в подчиненность истории воле богом или рока”⁴.

Очевидно, что для модернизационного освобождения необходимо следование принципам позитивистского мышления и методам логического познания, научиться которым необходимо путем соответствующего гуманитарного образования. Однако сразу же возник вопрос, какое именно образование будет подходящим и по каким внешним результатам можно судить о его успешности и результативности. Ответ на этот вопрос превратился в попытку о преодолении всего того, что в Средние века в человеке рассматривалось как естественное и традиционное, причем преодолении сознательном, преодолении с помощью политической воли. Тем не менее, полностью отказаться от природного в человеке не удалось. В результате в

⁴ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. 2004. с. 14-15.

эпоху, когда контакты между людьми были еще ограниченными, Просвещение породило мифологические истории об экзотизации Другого, миф о Франкенштейне, убивающем своего создателя, миф о чудовище, созданном разумом, нарушающим законы природы. Сон разума рождает чудовищ, но и сознательная работа разума также может порождать чудовищ. Франкенштейн – это пример непродуманной модернизации и неудачного соединения разума и воли, машинной науки и природы. Это пример социального и технологического творчества в условиях ограниченности мышления с помощью имеющихся знаний. Миф о Франкенштейне основан на вере в человека и неограниченность его разума. Для преодоления хаоса окружающего мира человек обязан реализовать то, что заключено в него природой, по крайней мере, в тех пределах, в которых он уверен.

Позитивистские убеждения были присущи протестантам. Поэтому рост интереса к социальным наукам первоначально возник в Англии и Голландии. По существу, протестантизм стал попыткой найти ответы и оправдать несовершенство человека путем использования множества логических силлогизмов. Доказательства здесь предъявлялись от противного. В кальвинистской теологии всегда подчеркивалось, что из веры в религиозное всемогущество логически следует отсутствие predeterminedного развития, так как такое предопределение ограничило бы Божье всемогущество. Подобная неопределенность имела под собой основания и в повседневной жизни людей (в сущности человек мало в чем был уверен).

В период Реформации священность религии была замещена священностью человека, точнее сказать, священностью человеческого разума. И даже возможные ошибки и оговорки признавались значащими и вызывали исследовательский интерес, как, например, это произошло с психоанализом. Делая выводы относительно сложившейся в научном познании ситуации, Артур Коестлер в книге “Сумерки в полдень” замечает: “Мы делаем работу пророков, не обладая их даром. Мы заменили видение логической дедукцией.... Доказательство опровергает доказательство, и в конечном счете, мы

вынуждены возвращаться к вере... Мы выбросили за борт весь балласт, только один якорь удерживает нас: вера в себя”⁵. Точнее сказать, то была вера в человеческий разум.

В постреформационный период торжество разума стало абсолютным и непререкаемым. Оно рассматривалось как аксиома научного познания. Торжество разума стало всеобщим. Священность человеческого разума привела к утверждению священности любых продуктов этого разума, любых процессов так или иначе связанных с разумом. Эстетика красоты ума породила эстетику машины, построенной по образу и подобию человеческого мышления. Причем восхищение побуждала машина как придуманная человеческим разумом и завершенная технологическая конструкция в любом виде, вне зависимости от предполагаемой цели ее использования. Восхищение вызывали и санитарные автомобили, и газовые печи. Отсюда – только шаг до восхищения и процессом самоуничтожения разума, процессом уничтожения человека человеком. Но если человек может создать абсолютно совершенные механизмы и приспособления, поставленные на службу в вечной борьбе с природой, то разве не меньшего восхищения достойны те, кто создает идеальные социальные механизмы, своей слаженностью и гармоничным взаимодействием напоминающие технические устройства? Разве не целью тоталитарных режимов было преодоление варварства в общественной сфере, варварства расового, классового и любого иного, варварства, приводящего к неупорядоченному и неорганизованному взаимодействию индивидов? Разве это не было попыткой организовать социальную материю в наиболее экономичную и эстетичную форму?

Священность эстетики стало одной из причин отказа от священности человеческой жизни, выброшенной за ненадобностью. В мире торжествующего разума место отдельному человеку уже не нашлось. История европейского Просвещения – это прекрасный пример, того, как именно ряд логичных по отдельности действий неизбежно в конце приводят к нелепому положению.

⁵ Koestler, A. 1968. *Darkness at Noon* (New York: Bantam Books), pp. 80-81.

Приводят к абсурду. Просвещение не отказывалось от последовательности и не стремилось к абсурду. Первые из предпринятых философами действий выглядели рациональными, но чем дальше проходил процесс познания, тем увереннее происходит инкрементальное увеличение нелепого и бессвязного. Каждый шаг вперед содержал некоторые структурные ограничения, которые с каждым продвижением раскрывались все больше, пока, наконец, не обращались в свою полную противоположность.

Постмодерн в значительной степени развеял миф о священности человеческого познания. Оно обрело инструментальный характер. Оно стало прикрываться различной идеологической формой, в зависимости от мотивов и предпочтений стремящихся к нему людей. К социальным проектам стали предъявляться повышенные требования: теперь они должны быть не только инновационными. От них требуется гуманистическое содержание, и гуманистическое не в смысле возведения человека на искусственный пьедестал, с которого он потом никогда не сможет спуститься и подниматься на который он во общем-то не хочет и не желает (по-видимому, так оно и было в прошлые времена, но сейчас ситуация немного изменилась). Гуманистическим должно быть отношение к человеку. И это неизбежно ставит под сомнение все то, что могло бы называться “священным”.

Нужно также учитывать нечеткость и расплывчатость многих используемых в социальном познании формулировок, прояснить которые никто не стремится. Подобное подразумеваемое понимание в традициях К. Поланьи⁶ не может служить целям научного познания. Прямой или подразумеваемый запрет на анализ того, что в рамках данной культуры рассматривается как “священное”, является “телеологическим предрассудком”⁷. Он носит идеологический характер, поскольку основывается на заранее заданной цели, достижение которой обычно считается желательным и намечается еще до

⁶ Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя. 2002.

⁷ См. Mann, Michael. 1993. The Sources of Social Power, Vol. 2. The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914 (Cambridge: Cambridge University Press).

начала анализа, и под которую подбираются и/или изменяются необходимые эмпирические свидетельства. Поэтому любая система с жесткой идеологией, наподобие системы религиозных взглядов, обладающей “телеологическим функционализмом”⁸, является внутренне неразрушимой – не существует аргументов, с помощью которых ее ценностные основы можно было бы поставить под сомнение и подвергнуть критическому разбору, анализу или пересмотру.

Демократия – это проблема не только арифметического большинства голосов, тесно связанная с демографическими пропорциями. Как система принятия политических решений она предоставляет определенные возможности для реализации чувства психологического реванша, поскольку проигравший демократические выборы не должен покидать страну и/или уходить из политики. Даже испытав неудачу, он остается в рамках политической системы. Демократия позволяет политическим партиям неоднократно терпеть поражения на парламентских выборах и оставаться при этом демократическими, сохраняя запас надежды и терпения, и ожидая достигнуть преследуемых политических целей в следующих избирательных циклах. Значение имеет и сила мотивации: у проигравшей на выборах политической партии, если она уверена в устойчивости институтов и честности стороны, обладающей политическим преимуществом и применяющей правила, мотивация на достижение успеха не снижается.

Демократия как набор процедурных институтов позволяет политическим лидерам относительно легко оправдываться перед своими сторонниками за поражения. Она также позволяет им не менять радикально принятые в прошлом правила, чтобы получить дополнительные блага. Такие опасения не безосновательны. Соблазн прийти к власти демократическим путем и стать пожизненным диктатором возникает у многих руководителей государств. Но их, помимо прочего, сдерживает понимание, что нарушение закона одной политической стороной приведет к ответным нарушениям со стороны других

⁸ См. Alexander, J. C. (ed.) 1985. Neofunctionalism (London: Sage).

политических субъектов. А значит, общество ждет анархия и политический кризис, при котором пострадают все.

Не нужно переоценивать решение, принятое даже демократическим большинством голосов. Оно не обязательно оказывается наилучшим из возможных альтернатив и предложенных вариантов. Это особенно очевидно во многих африканских и азиатских странах, где свободные и транспарентные демократические процедуры сводятся фактически к двум альтернативам (от которых хотелось бы отказаться), свидетельствующим о жесткости политической системы: или избирательные манипуляции и полулиберальный авторитаризм или победа фундаменталистов, политическая поддержка которых составляет большинство, имеющее право голоса.

И тем более демократия не является неуязвимой для критики со стороны обыденного здравого смысла и научного познания. Конечно, можно считать, что демократия важна для людей – но сложно определить степень этой важности ни полностью, ни хотя бы частично. Обычно предполагается убедить людей (с помощью, например, нового гуманитарного образования или переобучения), что демократический выбор окажется наиболее успешным и будет напрямую связан с дальнейшими материальными благами. То есть в своей основе эти рекомендации содержат простую предпосылку: люди по своей природе демократичны.

Недостаточно просто утверждения, что идеи демократии обладают привлекательностью. Нужно объяснить, почему они ею обладают, и возможно, отнестись к этому положению так, как будто бы оно заведомо неправильно. Это вообще полезный методологический принцип. Если заранее предполагаешь, что в определенном научном положении или тезисе может быть заключена ошибка (иногда в этом лучше даже быть уверенным), ее гораздо проще найти. Более того, ошибка действует на восприятие ищущего ее человека словно магнит на расположенную поблизости стрелку компаса. Она обнаруживается автоматически и практически не требует процедур длительной концентрации, рассмотрения и вмешательства. Подобный критический разбор гораздо больше

повысит качество научной работы, чем многочисленные нравственные сентенции и идеологические аргументы.

Как указывает Э. Геллнер, “теоретики демократии, оперирующие отвлеченными категориями, абстрагированными от конкретных социальных условий, обосновывая демократический идеал, бывают вынуждены затем признать, что в тех или иных обществах он недостижим. Таким образом, апология идеала как бы повисает в воздухе, ибо для многих (вероятно, для большинства) обществ она не имеет никакого смысла”⁹. Теоретики демократии действительно верят, что люди от природы демократичны - даже несмотря на множество эмпирических и исторических свидетельств, что это не так. Для них проблема сводится только к недостаточному уровню образования (особенно социально-гуманитарного), что, в общем-то, является классическим отправным пунктом теории коллективных действий. И хотя можно согласиться с тем, что в обществе есть некоторое меньшинство, которое придерживается демократических взглядов и ценностей из внутренних побуждений, очевидно, чтобы вовлечь большую массу требуются повышенные стимулы участия.

Предполагается, что если подробно объяснить людям, какие именно преимущества ожидают их в будущем, то подобный выбор окажется автоматическим. Если, конечно, “внутренние варвары”, на которых подобные программы не действуют, не будут снова саботировать столь очевидное решение. Собственно, для идеолога, желающего изменить сложившуюся или создать новую политическую систему, главной представляется именно проблема саботажа. Как убедить людей, в том, что лучшая форма устройства общества - демократическая? Значительные финансовые расходы на соответствующее образование и пропаганду вызывает, как минимум, три социальных последствия. Во-первых, пропаганда “демократии витрины” приводит к появлению повышенных ожиданий, а, следовательно, к росту относительной депривации, даже в тех случаях, когда действительно улучшения происходят в политической и социальной сферах. Частично

⁹ Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995. с. 171.

осуществляемые реформы представляют для государства “самое опасное время Терпеливо и долго ожидающее компенсации недовольство, становится, по-видимому, нетерпеливым, когда возможность его проявления захватывает человеческие умы. Простое обстоятельство, что некоторые недостатки были устранены, привлекает внимание к остальным, и теперь они становятся более возмутительными”¹⁰.

Во-вторых, сильное социальное идеологическое воздействие может на определенном этапе вызвать прямо противоположную реакцию – явление, известное всем психологам и педагогам как “реактивное сопротивление” - по принципу: “если то, что мы делаем, сильно критикуют, значит, в этом что-то есть” и “они делают так, а мы поступим наоборот”. Реактивное сопротивление возникает, когда люди чувствуют, что свободе их выбора угрожает некий внешний фактор. Поэтому у них возникает усиленное желание утвердить свою свободу и собственный выбор, часто даже вопреки разумным политическим соображениям, экономическим расчетам и здравому смыслу.

И третье следствие - внешний стимул не создает условий для развития внутренней мотивации. Конечно, за достаточно большое вознаграждение люди будут совершать в сутки некоторое количество неприятных для них действий. Однако после того, как необычные внешние стимулы исчезнут, биологически и социально непривычное поведение вернется в свою привычную форму. Человек привыкает к внешней стимуляции и приспособливает свое поведение в соответствии с внешними ожиданиями, чтобы, например, получить работу или добиться финансирования коммерческого или социального проекта. Но изменение стимула, переключение его на другой предмет, или появления нового мощного финансового источника, направленного в несколько ином направлении, столь же быстро меняет и убеждения. В социальной психологии этот феномен называют “эффектом сверх оправдания”¹¹ – отсутствие внутреннего стимула подразумевает, что внешние побуждения не

¹⁰ Tocqueville, Alexis de. 1955. *The Old Regime and the French Revolution*, translated by Stuart Gilbert. (Garden City; NY: Doubleday). p. 177.

¹¹ Чалдини Роберт. *Психология влияния*. СПб. 2001. с. 95.

интернализуются, т.е. не становятся важными для человека. Не происходит осознание внутренней ответственности за принимаемые поступки поскольку, ссылки на внешние обстоятельства снижают личную ответственность. Поэтому исчезновение стимула по “принципу пружины” сразу же возвращает поведение в исходную точку.

Ситуация усложняется тем, что доказать тезис о несомненном преимуществе демократии не так-то просто даже в практическом плане. Как говорил Орр Джон Бойль, “если предложить людям выбор между свободой и сэндвичем, они выберут сэндвич”. Конечно, данное утверждение воплощает скорее иронию известного писателя. Можно утверждать, что без свободы этот сэндвич, в конечном счете, некому будет производить, поскольку отсутствие свободы плохо совместимо с высоким экономическим ростом. Но помимо очевидной временной аберрации (“лучше синица в руках, чем журавль в небе”), подобные опасения могут в любом случае усилить желание достать сэндвич – пока он еще есть. Вывести из подобного прагматического поведения стремление к демократии достаточно нелегко.

Опасность “тепловой смерти” (говоря словами Д. Лихачева¹²) социального познания в сфере демократических процессов не может быть устранена идеологическими методами. Скорее, даже наоборот. Возрастание роли идеологии особенно отчетливо проявляется в стремлении установить стандарт “политкорректности” по отношению не только к эмпирическим, но даже и теоретическим исследованиям. Политкорректность служит господству правящего класса, поскольку она регулирует доступ к значимому дискурсу, препятствуя возникновению новой модели восприятия, обладающей властью “миросоздания” и “мироразрушения”¹³. В этом случае прежний дискурс, не удовлетворяющий критериям социальной и политической значимости, постепенно становится маргинальным. Использующие “старый” язык и прежние дискурсные интерпретации вынуждены осознать собственную

¹² Лихачев Д. С. Прошлое – Будущему: Статьи и очерки. Л. 1985.

¹³ Goodman, N. 1978. Ways of World-making (Indianapolis, IN: Hackett).

иррациональность и чуждость. Они не просто выражают другое мнение, соглашаются или не соглашаются с общепринятым: они не компетентны в глубоком смысле, поскольку не используют новый язык и не понимают новую “истину”. Подобную форму дискурсивной власти социологи в традициях П. Бурдьё называют “символическим насилием”, которое осуществляет “коллективный интеллект” в контексте “референтного информационного влияния”¹⁴.

Политкорректность не дает возможность открыто говорить о социально-политических, гендерных и особенно этнических и расовых проблемах, тем самым замалчивая их актуальность и не облегчая поиск решения. Стандарт политкорректности заранее предполагает общую направленность перспективных выводов, анализ и эмпирическая проверка которых возможно только в будущем. Поэтому мы все чаще слышим призывы о необходимости “вернуться к истокам”¹⁵, а в конечном счете - сформулировать “новую политическую науку”¹⁶.

Социальное познание должно оставаться нейтральным в ценностном отношении, и поэтому обвинение в отсутствии политической корректности не может являться аргументом при научных дискуссиях. Новые знания или информация в социальных процессах не всегда приводят к положительному результату – вне зависимости от того, какими параметрами этот результат задается. И нацелено оно должно быть не на лозунги, а на понимание, а понимание неотделимо от предполагаемой критики.

Постмодернистская неопределенность в виде “подмены обозначаемого обозначаемым, объективных показателей, относящихся к реальной социальной действительности, знаками”¹⁷ создает определенное давление на университеты и научные организации и вынуждает их предпринимать некоторые

¹⁴ Terry, D. J. and Hogg, M. A. 1996. Group norms and the attitude-behavior relationship: A role for group identification // *Journal of Personality and Social Psychology*, 22, pp. 776-793.

¹⁵ Amilcar Cabral. 1973. *Return to the Source: Selected Speeches*. (New York: Monthly Review Press).

¹⁶ Voegelin, Eric 1952. *The New Science of Politics: An Introduction*. (Chicago: University of Chicago Press).

¹⁷ Панарин А. *Искушение глобализмом*. М., 2002. с. 202.

конформистские действия по изменению устоявшихся норм академической деятельности, чтобы соответствовать ожиданиям грантовых организаций и политических ассоциаций и фондов хотя бы на уровне внешнего принятия требований той или иной программы финансирования конкретного научного направления. Вероятно, Денис Ронг имел в виду нечто подобное, когда описывал “сверхсоциализированное понятие человека в современной социологии”¹⁸. Иными словами, люди становятся слишком чувствительными к мнениям других, и следовательно, более послушными предписаниям совместно развиваемых нормативных систем и ценностей, интернализированных через социализацию так, что подчинение больше не воспринимается как ноша¹⁹.

Конечно, в таких случаях можно утверждать, что рекомендации, полученные в результате выполнения заказанных проектов, будут более востребованы бизнесом, СМИ и гражданскими неправительственными организациями, а борьба за улучшение общества – это и есть задача социальной науки²⁰, но нельзя не заметить, что, говоря словами Эмиля Дюркгейма, социологии угрожает “слишком большой мирской успех”. Поскольку именно некоторая степень успешности мониторинга, прогнозирования и/или объяснения реальных социальных процессов провоцирует новые и амбициозные ожидания, даже если в обозримом будущем они не могут быть реализованы ни полностью, ни хотя бы частично, то, очевидно, что реальные возможности социальных наук по реформированию общества и исправлению его недостатков все время существенно переоцениваются. При этом ответственность за нереализованные ожидания возлагается на науку. В подобной ситуации исследователи социальных вопросов, сталкиваясь с “инквизиторами от идеологии”, неизбежно вынуждены искать фрагментарный и изначально нечеткий ответ на актуальные социальные дилеммы, с тем, чтобы

¹⁸ Wrong D. H. 1961. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology // *American Sociological Review*, 26(2), April, pp. 183-93.

¹⁹ См. Granovetter, Mark. 1985. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*. Volume 91, Number 3 (November), pp. 481-510.

²⁰ См. Katz M. 1998. On Ethnographic Warrants // *Sociological Methods and Research* 25 (4): pp. 391-423.

ненароком не затронуть повышенную идеологическую чувствительность своих “контроллеров” или оппонентов. В результате призывы к демократическим решениям конкретных проблем становятся все более абстрактными и неопределенными²¹.

Необходимость все время придавать характеру научных рассуждений политкорректную форму и заниматься тем самым самоцензурой собственных мыслей существенно снижает качество прикладных социальных исследований, поэтому ученые неизбежно чувствуют себя в роли “обслуживающего персонала” перед тщеславным и неуверенным в себе клиентом. Классическая позитивистская наука все больше превращается в социологию факта или события²², что в целом отвечает попыткам В. Вильсона “уйти от теорий и приблизиться к фактам”²³ и взглядам Э. Дюркгейма, который считал, что любой “социальный факт” следует рассматривать как вещь²⁴, однако искушение использовать собственные суеверия и предрассудки в качестве замены здравому смыслу становится все более непреодолимым. К тому же, “... наблюдение первичного поведения – это рискованный способ определения правил, которые этим поведением управляют... не все поведение ограничивается нормативно. То, что люди регулярно спят, не означает, что существует правило, по которому они должны спать”²⁵.

В условиях множественности методологий, теорий и подходов число твердо установленных фактов, относительно которых споров не возникает, постепенно снижается, поскольку уважительное отношение к неординарным мнениям может быть не только “политической корректности”, но и инструментом политических манипуляций.

²¹ Blommaert, J. and Verschueren, J. 1998. *Debating Diversity: Analyzing the Discourse of Tolerance* (London: Routledge).

²² Bryce, James. 1931. *Modern Democracies*. 2 vols. (New York: Macmillan). pp. 1-12.

²³ Wilson, W. 1956. *Congressional Government: A Study in American Politics* (New York: Meridian). p. 30.

²⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. 1991.

²⁵ Ellickson, Robert C. 1987. *A Critique of Economic and Sociological Theories of Social Control // The Journal of Legal Studies*. University of Chicago Law School. Vol. XVI (January). p. 74.

Хотя данное исследование будет основываться на положениях Алексиса де Токвиля, который как-то сказал: “то, что я ищу, это скорее не факты, а знаки движения идей и чувств”²⁶, нельзя не заметить, что политическая социология становится служанкой практической деятельности, описывающей тот или иной факт или событие, без четких границ между интерпретациями и фактами и без устойчивых теоретических структур (особенно макро уровня), на которые можно было бы опереться в дальнейшем. В академическом дискурсе все больше господствует “механический научный миф”²⁷, представляющий процесс научного познания как безликий и бесконечный конвейер - автомат, на движущейся ленте которого безостановочно появляются перед учеными все новые и новые “сырые” необработанные факты, которые слишком примитивны и которые нуждаются в своеобразной “первичной” обработке и которым необходимо оперативно методологическими инструментами придавать нужную для общества форму.

Исследования общественного мнения и отношения социальных групп к демократическим процессам в России все больше свидетельствуют о распаде “социологического мышления” – тщательный и беспристрастный анализ заменяется неоромантическими историями о прогрессивной, просвещенной и антикоммунистической миссии либералов 1990х годов, а социальная антропология и социология (особенно в американском варианте)²⁸ все чаще ищут “героических персонажей в нижней части городского социального пространства”, которые стремятся преодолеть значительные структурные препятствия во имя либеральных ценностей и идей - “даже перед лицом банкротства эмпирических доказательств в этом”²⁹. Не удивительно, что и создание гражданского общества понимается скорее как “деполитизированная

²⁶ Palmer, R. R. ed. 1987. *The Two Tocquevilles: Father and Son*. (Princeton: Princeton University Press), p. 241.

²⁷ Penato Poggioli, 1971. *Technology and the Avant-Garde // The Theory of the Avant-Garde*, trans. by Gerald Fitzgerald, (New York: Harper and Row, Icon Editions). pp. 131-47.

²⁸ К примеру: Becker, H. S. ed. 1964. *The Other Side: Perspectives on Deviance* (New York: Free Press of Glencoe).

²⁹ Wacquant, L. 1993. *Urban Outcasts: Stigma and Division in the Black American Ghetto and the French Urban Periphery // Report, Institute Journal of Urban and Regional Research*.

совокупность фиксированных жаргонных выражений, чем [как] попытка установить новый социальный и культурный порядок, основанный на новых формах мышления”³⁰.

В научных дискуссиях появляется “социология тождества”, в которой другая (не похожая на исследователей) группа сначала разделяется на две подгруппы: хорошие и плохие, хорошие определяются “совсем как мы”: у них те же стремления к гражданской свободе и либеральным ценностям, вот только возможности у исследователей и у “подопытных” несколько различаются. Тем самым социальные классификации обретают политический характер³¹ в процессе перманентного идеологического противостояния.

Несмотря на многочисленные исторические неудачи, многие либеральные философы и политики продолжают верить в совершенство человеческой природе. Еще Ж.-Ж. Руссо считал, что человек по сути своей хорош, и лишь социальные условия портят его, вытесняют хорошие качества из внешнего социального поведения. Поэтому нужно исправить внешние социальные условия, для того чтобы каждый человек был в состоянии развивать свои способности и личностный потенциал, чтобы хорошее в человеке нашло свое выражение и стало преобладать. То есть задача из заведомо сложной превращается в просто нереализуемую – пробудить внутренние мотивы миллионов и миллиардов людей в такой степени, чтобы они занялись индивидуальным саморазвитием, даже несмотря на отсутствие соответствующих возможностей в обществе и жесткое сопротивление институтов социальной структуры.

К сожалению, теоретики либерального толка склонны замыкать себя в рамках мифотворчества, рассматривая действия по изменению социальной системы как что-то вроде обычных индивидуальных усилий по обучению иностранному языку или новой специальности. Но поскольку внутреннее

³⁰ Beers Daniel. 2004. What Motivates Romania’s Migrant Mayors? An Institutional Analysis of Party-Switching at the Local Level, (Fall), Paper Presented at the Mini-Conference. Bloomington, IN, USA.

³¹ Mitchell, T. 1992. Orientalism and the Exhibitionary Order // Nicholas Dirks (ed.), Colonialism and Culture (Ann Arbor: University of Michigan Press). p. 289.

изменение человеческого поведения – это путь долгий и довольно сложный, на практике сторонники данной точки зрения неизбежно приходят к выводу, что эволюционное развитие нравственного самосознания человека нужно немножко подтолкнуть и немного ускорить. За аналог обыденной убежденности в том, что “терпение и труд все перетрут” принимаются эсхатологические представления о политической воле, которая рассматривается как некая протоплазма, своеобразная первичная материя, из которой “вырастает” все остальное. И главным недостатком при осуществлении любых институциональных реформ указывают именно нехватку этой самой “политической воли”. Это легкомысленный подход. Подобные взгляды еще менее оправданны, чем надежды советских руководителей поэтапно перетащить в коммунизм человека за человеком. Конечно, речь не идет о том, что для развитие творческих способностей нужно создание неких “тепличных” условий. Просто наряду со свойствами или качествами человека, на которого предполагается направить идеологическое воздействие, нужно еще учитывать и институциональные условия общества.

Либерализм критикуется и за то, что он слишком много требуют от людей и от институтов, которые управляют ими³², тогда как в действительности поведение людей носит характер неопределенности. Сверхуверенность либерализма носит иллюзорный характер. Известные социальные свойства общества позволяют утверждать – подобная уверенность не может быть устойчивой. Отсюда следует два варианта возможного (и обычно используемого) выхода по пути преодоления подобного противоречия. Она является либо уверенностью религиозных мистиков, убежденных в существовании некой высшей силы – своеобразного аналога божьей благодати. Либо это уверенность карточного шулера, заранее припрятавшего в рукаве дополнительного туза. “Человечество вообще ... вовсе не непрерывно совершенствуется, не идет неуклонно по какому-то ровному и прямому пути к

³² См. Knight, Jack and James Johnson, 1994. Aggregation and Deliberation: On the Possibility of Democratic Legitimacy // Political Theory 22 (2).

осуществлению добра и правды. Напротив, оно блуждает без предсказанного пути, поднимаясь на высоты и снова падая с них в бездны, и каждая эпоха живет какой-то верой, ложностью или односторонностью которой потом изобличается”³³.

Если отсутствуют соответствующие институты, то провозглашать демократию бессмысленно. Это все равно, что провозгласить таблицу умножения. Необходимо рассмотреть институциональные особенности и специфику различных этапов институциональной трансформации демократических режимов. Они часто выпадают из поля зрения и критиков, и сторонников демократии, но, тем не менее, оказывают значительное влияние на трансформацию общества и государства. Вначале в соответствии с канонами классических позитивистских школ, необходимо сделать несколько общих уточнений методологического характера и договориться о рабочем или потенциальном определении демократии, которое будет использоваться в исследовании. Но в любом случае, необходимо помнить, что институциональные “структуры нужно концептуализировать не просто как накладывающие ограничения на человеческое агентство, а как предоставляющие возможности”³⁴.

Глава 2

Демократия и институциональные возможности

Хотя и существует множество определений формальной демократии, - даже если не принимать во внимание “адъективные” варианты, разрабатываемые в последнее время: консорциальная демократия³⁵, тоталитарная демократия³⁶, космополитическая демократия³⁷, делиберативная

³³ Франк С. Л. Крушение кумиров. Париж. 1924. с. 49.

³⁴ Giddens, A. 1976. *New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretive Sociologies* (London: Hutchinson), p. 161.

³⁵ Lijphart A. 1988. *Typologies of Democratic Systems // Comparative Political Studies* (April), pp. 3-44.

³⁶ Talmon, J. L. 1952. *The Origins of Totalitarian Democracy*. (London: Secker and Warbung).

демократия³⁸, социальная демократия³⁹, “стабильная демократия”⁴⁰, “фасадная демократия”⁴¹, “исламская демократия”⁴², “глобальная демократия” (концепция, предложенная Джоном МакКейном), “управляемая демократия”, распределительная демократия, нелиберальная демократия⁴³ и пр. - самым минимальным набором обязательных признаков по-прежнему является вариант, предложенный еще Й. Шумпетером и С. Хантингтоном⁴⁴. Под “демократией” они понимают политический режим, для которого характерны периодические транспарентные выборы между наиболее достойными кандидатами, честно конкурирующими за получение большинства голосов от взрослого населения, проживающего на определенной территории.

Й. Шумпетер поставил под сомнение принципиальную возможность реализации классической концепции демократии, как не соответствующей общественной природе. Иными словами, по Й. Шумпетеру, демократия является, прежде всего, определенным процедурным способом институционализации политических решений, при котором для их обсуждения, принятия и реализации политическим агентам нужна государственная власть. При демократии власти добиваются исключительно с помощью институциональных средств конкурентной борьбы за голоса избирателей. Результат таких выборов должен определять руководителей как национального, так и регионального уровней, которые формирует государственную политику, в т. ч. внешнюю и военную⁴⁵. Однако на практике развитие электоральных институтов по расширению народного участия и примирения противоречащих

³⁷ Held D., Archibugi D. eds. 1995. *Cosmopolitan Democracy* (Cambridge: Polity Press).

³⁸ Drysek, J., Christian L. 2003. *Social Choice Theory and Deliberative Democracy: A Reconciliation* // *British Journal of Political Science*, 33, pp. 1-28.

³⁹ Giddens A. 1998. *The Third Way: The Renewal of Social Democracy* (Oxford: Polity).

⁴⁰ Vesson R. (ed.). 1997. *Democracy: a Worldwide Survey* (New York: Basic Books).

⁴¹ Devdariani, J. 2004. *Georgia: Rise and fall of the Façade Democracy in Demokratizatsiya* (Tbilisi: Tbilisi University Press).

⁴² Abdelwahab El-Efendi. *Rationality of Politics and Politics of Rationality // Islam and Secularism in the Middle East* / J. Esposito, A. Tamimi. eds. London: Hurst & Company, 2002. P. 168.

⁴³ Zakaria, F. 2003. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad* (New York: W.W. Norton).

⁴⁴ Huntington, Samuel P. 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century* (Norman: University of Oklahoma Press), pp. 5-13.

⁴⁵ Schumpeter, J. 1947. *Capitalism, Socialism, and Democracy*, 2d. ed. (New York: Harper).

и конфликтующих интересов обычно отстает от возрастающего в гражданском обществе требования по дальнейшей демократизации⁴⁶.

В некоторых политологических исследованиях также учитывается сбалансированность всех трех основных ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной, институциональный характер политических партий (т.е. могут ли политические партии легально быть зарегистрированными, действовать в политическом пространстве и бороться за власть) и степень правовой защищенности основных экономических прав населения⁴⁷.

Нобелевский лауреат П. Самюэльсон как-то сказал, что “рост благосостояния означает рост групп несогласных, ищущих собственный путь и поэтому так важно давать людям то, что они хотят”. Экономисты⁴⁸ считают, что демократия (в особенности т.н. “эндогенная”) зависит, прежде всего, от экономического положения граждан и уровня их благосостояния в стране, от наличия экономического роста с умеренными темпами инфляции, постепенного снижения неравенства доходов (т.н. “коэффициента Джинни”), благоприятного международного климата (в т.ч. инвестиционного, поскольку неблагоприятные международные отношения и особенно военные действия крайне неблагоприятно влияют на развитие демократии), и наличие устойчивых экономических институтов (защищающих права акционеров, инвесторов, собственников и т.д.). В частности, наиболее важным демократическим институтом являются правовые гарантии обеспечения прав собственности, поскольку они обеспечивают надежность и потенциальную правовую и судебную защищенность инвестиций экономических субъектов. В целом, существующая международная статистика подтверждает положительную корреляционную взаимосвязь между экономическим развитием, благосостоянием граждан и степенью демократизации государства и общества,

⁴⁶ Huntington, Samuel P. 1968. *Political Order in Changing Societies* (New Haven: Yale University Press).

⁴⁷ Doyle, M. 1986. *Liberalism and World Politics* // *American Political Science Review*, 80, (December), pp. 1151-1169.

⁴⁸ Dahl, Robert A. 1956. *A Preface to Democratic Theory* (Chicago: University of Chicago Press).

поскольку демократии в странах выше определенного (обычно восточноевропейского) уровня благосостояния на душу населения довольно устойчивы, вне зависимости от характера социальных, политических, национальных и/или экономических вызовов, с которыми они встречаются.

Высокий уровень экономического развития укрепляет политическую легитимность, необходимую демократическим режимам, хотя, “чтобы не погрешить истиной, надо сказать, что связь между капитализмом и демократией в лучшем случае незначительная. Здесь различные ставки: целью капитализма является благосостояние, демократии – политическая власть”⁴⁹. Поскольку существует некоторое количество исключений (особенно в азиатских странах), в которых относительно высокий уровень экономического развития сопровождается авторитарным или клановым политическим правлением (и непонятно, произойдет ли переход в этих странах к демократии или нет), и именно авторитаризм часто позволяет совершать прорывные модернизационные скачки за счет концентрации социальных и экономических ресурсов всего общества на нескольких ключевых участках, то существующие статистические зависимости не являются абсолютно убедительными, и во всяком случае, они требуют тщательной эмпирической проверки применительно к каждому случаю.

Можно согласиться с тем, что демократия основывается на сознательном и практически добровольном согласии граждан платить четко установленные законодательством налоги, сборы и другие платежи (хотя и роль государственного принуждения отрицать невозможно), которые власти могут тратить как на содержание эффективного бюрократического аппарата, военного флота и армии, так и на поддержание социальных, экономических и гражданских демократических институтов (в виде партий, СМИ, университетов и т.п.). Именно отсутствие твердого экономического налогового и финансового фундамента не позволяет укрепиться демократии в постсоветских странах, особенно в Центральной Азии и на Кавказе. Высокий уровень теневой

⁴⁹ Сорос Дж. Алхимия финансов. М. 1997.

экономики означает, что граждане в целом уклоняются от налогов, что можно рассматривать как пассивную форму социального протеста. Они не платят за содержание демократического правительства, проведение свободных выборов и работу транспарентных правоохранительных органов (не готовы или не могут – другой важный вопрос). Отсутствие четких экономико-финансовых связей между обществом и государством не позволяет создать устойчивые институты обратной связи, заставляющие чиновников отчитываться в своих действиях перед налогоплательщиками.

Фактическое господство клановых и родственных связей, а также патернализм населения создает институциональные условия для развития национального авторитаризма. В экономическом отношении авторитаризм является довольно справедливым: демократию нельзя получить бесплатно. Если в обществе отсутствуют ресурсы на поддержание институтов демократии или если производительность труда слишком низкая, и большая часть граждан вынуждена перерабатывать на рабочем месте и заниматься самоэксплуатацией, чтобы хотя бы удержаться в зоне черты бедности и купить самые необходимые товары и услуги, и поэтому они не могут уделять даже часть своего свободного времени обдумыванию и реагированию на актуальные общественные проблемы, то очевидно, что политическая система такого общества должна быть антидемократической.

Проблема эксплуатации является одной из наиболее сложной в марксистской теории. Наличие самой эксплуатации не ставится под сомнение. Сложность здесь состоит в “плавающем” определении самой эксплуатации – очевидно, что необходим некий средний, или еще точнее сказать, “нулевой” уровень, путем сравнения с которым человек может по своим трудозатратам определить эксплуатируют его или нет. В этом смысле сверхэксплуатация в демократических обществах происходит путем сдвига социальной нормы.

Исправить неэффективную политическую и экономическую систему обычно не может даже внешнее финансирование со стороны международных доноров и западных стран, создающее “грантовую экономику” (например, в

современной Грузии), поскольку, как показывает опыт Палестины или Гаити, распределение иностранной финансовой и гуманитарной помощи всегда сопровождается ростом коррупции среди отвечающих за подобные вопросы чиновников и деградацией местного производства и сельского хозяйства. Существующие же в таких государствах институты демократии, как и неправительственные организации, оказываются крайне уязвимыми к возможному прекращению или даже сокращению зарубежной финансовой помощи.

Наиболее идеальным, или, другими словами, максималистским, является определение, предложенное Дэвидом Хелдом⁵⁰. По его мнению, в демократии “люди должны быть свободны и равны в определении условий своей жизни, т.е. у них должны быть равные права ... в определении структуры, которая предоставляет и ограничивает возможности, имеющиеся для них, так, чтобы они не могли бы использовать эту структуру для отрицания прав других людей”. Иными словами, для Д. Хелда⁵¹ демократия связана с предоставлением людям реальных возможностей в определении социальных, законодательных и политических условий, которые самым непосредственным образом влияют на их повседневную жизнь. Безусловно, упомянутые выше признаки важны и необходимы для изучения, но с неинституциональной точки зрения интерес в анализе демократии представляют, во-первых, варианты индивидуальных и коллективных стратегий социального развития, которые в данной работе называются диапазоном социальных возможностей (или по Дж. Бьюкенену, “альтернативными окнами”⁵²). Тем самым речь идет о том, что необходимо определить, какие именно структурные возможности имеются для “агентов историчности”⁵³.

Второй пункт направленности анализа – “проблема безбилетника”, возникновение которой, а также методологические и практические трудности

⁵⁰ См. Held, D. 1997. *Democracy and the Global Order* (Oxford: Polity Press).

⁵¹ Held, D. 1996. *Models of Democracy*. 2nd ed. (Stanford: Stanford University Press).

⁵² Buchanan, James M. 1979. *What Should Economists Do?* (Indianapolis: Liberty Press).

⁵³ Touraine, A. 1988. *The Return of the Actor* (Minneapolis: University of Minnesota Press).

по ее преодолению пытается объяснить и спрогнозировать в течение уже довольно длительного времени теория коллективных действий. Последний ключевой пункт связан с “провалами демократии”. Это не только внешние вызовы, представляющие угрозу для стабильности социально-политической системы, но и внутренние недостатки самой ее структуры. В первую очередь, - “функциональная автономия” институтов формальной и неформальной власти. Эти наиболее важные институциональные особенности будут рассмотрены в последующих главах в таком же порядке.

В исследовании институциональных возможностей современной демократии наибольшую помощь в плане методологии может оказать работа К. Левина “Переход от аристотелевского мышления к галилеевскому”⁵⁴. Аристотелевский способ мышления К. Левин отождествлял с описательным подходом, который, в сущности, сводится к собиранию эмпирических фактов, их классификации и выделению на основе этого средних статистических характеристик. К. Левин подчеркивал эффективность иного пути – не от отдельных фактов к их обобщению, не от эксперимента к теории, а от теории к эксперименту. “Это должен быть конструктивный галилеевский подход, - писал К. Левин, - в соответствии с которым задачей ... науки становится не обобщение конкретных повторяющихся событий и формирование на основе этого законов, а построение достоверных теоретических основ, дающих возможность предсказания индивидуальных явлений”. В частности, речь идет о позитивистском изучении изотропного и инвариантного характера действия социальных законов.

Основой исследовательской работы должны также выступить принципы “эластичности методологии” Ч. Миллса, позволяющие свободно менять уровни абстракции, не погружаясь в длительные исторические экскурсы с целью доказательства теоретических положений. Методологической основой используемых в работе неинституциональных концепций является подход,

⁵⁴ Левин К. Разрешение социальных конфликтов. / Пер. с англ. СПб. 2000.

который можно обозначить как “методологический индивидуализм”⁵⁵ или даже “методологический ситуационизм”⁵⁶.

В соответствии с неинституциональным подходом вначале нужно определить, что является социальной возможностью и чем она отличается от групповой или общественной. Джон Дьюи в свое время писал, что источником общественного является “восприятие важных последствий, которые проецируются за пределы людей и ассоциаций, непосредственно создающих их”⁵⁷. Примерно о том же идет речь у сторонников “общественной философии”⁵⁸. Они определяют “общественный интерес” как вариацию, “которую люди выбрали бы, если бы видели ясно, мыслили рационально, действовали бескорыстно и благожелательно”. Это положение, несмотря на его абстрактность (и некоторую неточность), было заимствовано неинституционалистами, рассматривающими “общее знание” уже в более точной формулировке – “все акторы знают x , и они знают, что каждый из них знает, что все они знают x ”⁵⁹. В качестве неопределенной поначалу точки отсчета (а без нее вышеприведенное утверждение замыкается в самом себе) они исходят из предположения об изначальной неуверенности человека в своем будущем, в перспективах социальной жизни и дальнейшего личностного развития. Иными словами, для неинституционального анализа необходимо принять как аксиому, что все субъекты осознают собственную экзистенциальную неуверенность, а также неуверенность тех, кто находится рядом с ними в социальном пространстве. Можно сказать, что подобная неуверенность выступает в качестве основополагающего института всех

⁵⁵ Бурдон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М. 1998. с. 71.

⁵⁶ См. Bourdieu P. And Wacquant L. An invitation to Reflexive Sociology. Chicago. 1992.

⁵⁷ Dewey, J. 1946. The Public and its Problems (Chicago: Gateway Books), p. 39.

⁵⁸ Lippmann W. 1955. The Public Philosophy (Boston: Little Brown), p. 42.

⁵⁹ Coleman, D. 1987. Externalities and Norms in a Linear System of Action // Working Paper, Department of Sociology, University of Chicago.

вариантов неинституционализма, то есть как институционализма “рационального выбора”, так и “исторического институционализма”⁶⁰.

Социальные психологи традиционно утверждают, что элиминирование или хотя бы уменьшение внутренней неуверенности – это фундаментальная потребность человеческого сознания⁶¹. Субъективная неуверенность может привести к чувству неловкости и страха⁶², которые, в свою очередь, будут способствовать уже большей бихевиоральной неуверенности, замыкая тем самым психологический круг. Иначе говоря, люди стремятся почувствовать уверенность относительно мира и своего места в нем, поскольку “субъективная уверенность делает существование значимым и, таким образом, придает уверенность в том, как вести себя и что ожидать от физического и социального окружения, в котором живет человек”⁶³. Причина здесь состоит в том, что человеческая жизнь изначально носит ограниченный характер во временном и пространственном отношениях. Ограниченный характер носит и человеческое мышление.

Человек не может быть уверен в смысле и в аксиологических последствиях предпринимаемых им действиях, не говоря уже в их нравственных оценках, которые результатами и/или последствиями часто выходят за пределы средней продолжительности человеческой жизни. Сложно полагаться или хотя бы доверять добрым намерениям внешнего мира, тем более, если повседневный опыт убеждает в обратном. К примеру, человек не может быть уверен, что все, что он нажил, заработал, и все, чего добился в социальном отношении перейдет к его наследникам. Что достигнутое им не будет в дальнейшем отобрано или попросту уничтожено властями, поскольку

⁶⁰ Kathleen Th. and Sven S. 1992. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis, ed. Sven Steinmo, Kathleen Thelen, and Frank Longstreth (Cambridge: Cambridge University Press), pp. 1-32.

⁶¹ Gaertner, L., Sedikides, C., Vevea, J. L., and Iuzzini, J. 2002. The “I”, the “We”, and the “When” // Journal of Personality and Social Psychology, 83 (3). p. 586.

⁶² Van der Dennen, J. M. G. 1987. Ethnocentrism and in-group-out-group Differentiation // V. Reynolds, V. Falger, and I. Vine (eds.), The Sociobiology of Ethnocentrism: Evolutionary Dimensions of Xenophobia, Discrimination, Racism, and Nationalism (Athens: University of Georgia Press), pp. 39-46.

⁶³ Hogg, M. A., and Mullin, B. A. 1999. Joining Groups to Reduce Uncertainty // D. Abrams, & M. A. Hogg (eds.), Social Identity and Social Cognition (Malden, MA: Blackwell), pp. 253-255.

убедиться в благоприятном для потомков варианте развития событий и лично проконтролировать его успешное завершение он не сможет, - дети обычно переживают собственных родителей. На положительный результат он может только надеяться, он может в него верить или думать об этом, но уверенности здесь изначально не существует – подобная ситуация является классическим примером внесистемной постановки задачи. Родители не могут передавать детям знания и навыки, которых у них нет, а их способ обучения и образ жизни служат явным признаком ограниченности социализированного опыта, поскольку, возможно, именно то, чего они не знают, и понадобится в будущем их потомкам.

Субъективная неуверенность сопровождается с неуверенностью по отношению к социальному, культурному и природному окружению. Конечно, неуверенность в процессе познания не обязательно означает, что вспышки озарения невозможны. Каждый, кто занимался каким-либо видом творческого труда, находился в большей или меньшей степени в таком состоянии духа, когда после продолжительной работы истина или представлялась или, казалось, что представлялась во внезапном озарении. Это может произойти по отношению к какому-нибудь незначительному вопросу или в отношении к теории, проясняющей происхождение Вселенной. Такие переживания бывают в эти минуты очень убедительными: сомнение может возникнуть позже, но в указанные моменты доминирует чувство полной уверенности. Большинство самых творческих произведений в области искусств, науки, литературы и философии является результатом таких моментов. Если необходимо написать работу на какую-то тему, то сначала можно “впитать” все подробности уже известного, пока все остальные части предмета не покажутся хорошо прочувствованными. Тогда в какой-то удачный день можно воспринять целое со всеми его частностями, взаимосвязанными должным образом. После этого остается лишь записать увиденное.

В самой сущности человека заложено стремление развивать и использовать свои творческие качества. Вспышки творческого озарения

встречаются достаточно часто. Но исключение здесь только подтверждает правило. Качество научной работы напрямую зависит от богатства, оригинальности и многоплановости имеющихся творческих идей. Сила озарения, фантазии или творческого духа лишь отчетливей оттеняет ограниченность мышления, которое в обыденных ситуациях заставляет нас прибегать к поискам избыточных доказательств. Одного или даже двух положительных свидетельств тут обычно мало. Человек стремится обычно получить множество подтверждений относительно правильности сделанного выбора, причем их число редко когда бывает достаточным. Подобная ограниченность заставляет испытывать всякий новый вариант.

В человеке нет биологических механизмов, которые на интуитивном или бессознательном уровне указали бы ему, какое именно правило является удачным, а какое неудачным – заранее, еще до того, как он предпримет действия по проверке. Рациональный человек потенциально действует на многих направлениях, не отказываясь ни от одной из возможностей. Но все варианты, испробованные так или иначе методом перебора многочисленных вариантов, приводящих к удачным пробам и неудачным ошибкам, не могут элиминировать экзистенциальную неуверенность. Люди ошибаются в выборе телевизора, так же как ошибаются в выборе спутника жизни. Они устраиваются на несоответствующее им место работы и ненужное образование. Поскольку довольно сложно максимально правильно распорядиться жизнью, то стоимость попыток рационализировать поведение слишком велика. Человек может ставить и решать задачи только те, которые не выходят во временной перспективе за возможную и вероятную протяженность его жизни. Но том, хорошую он прожил жизнь или нет – смогут узнать только его близкие на его похоронах. Невозможно быть уверенным в благоприятном расположении со стороны социальной природы и общества, - и это несмотря на великое множество оптимистических и телеологических учений, утверждающих: Вселенная и все, что в ней есть, постепенно развивается в направлении чего-то лучшего, чем было прежде.

Неопределенность развития не обязательно вызывает пессимизм. Все люди знают, что они смертны, точнее сказать, их смерть предопределена с самого рождения, но лишь немногие впадают в панику и отчаяние из-за того, что не могут изменить законов природы. Однако борьба с перманентной неуверенностью является одной из ключевых проблем социальной жизни. Иллюзию преодоления экзистенциальной неуверенности нельзя получить напрямую, ее нельзя получить в подарок, ни оставить в наследство. Частичное решение предлагают институты религии, которые в целом противятся секулярным конкурентным системам, предлагающий дополнительный искусственный контроль, вроде науки или философии. Во имя преодоления этой иллюзии люди готовы заплатить любые деньги и даже совершать преступления. Это самый дорогой продукт, который всегда содержит в себе элемент торга, мошенничества, жульничества. Его обещают политические лидеры, гражданские организации, супермаркеты и проповедники. Несмотря на свою недостижимость, преодоление неуверенности движет развитием общества.

Одним из основных тезисов М. Вебера⁶⁴ в анализе протестантской этики было положение, что именно неуверенность в собственном спасении заставляет людей внимательно и настороженно относиться ко всем возможным или предполагаемым его признакам. Подобная неуверенность принуждала людей искусственно добиваться внешних подтверждений, которые для независимого внешнего наблюдателя могли бы выглядеть достаточно убедительными, а также стремиться к получению, приобретению и сохранению материальных артефактов, говорящих о жизненном успехе как наибольшей вероятности или даже гарантированности будущего спасения после смерти. Такие внешние признаки должны быть достаточно очевидными, чтобы не вызывать двусмысленных трактовок и интерпретаций. У протестантов таким свидетельством стал материальный и личностный успех, поскольку они

⁶⁴ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества. М. 1994.

проводили параллель между успешностью в этой жизни и загробному спокойствию. “Хорошим людям должно быть хорошо как на земле, так и на небе” – именно этот институт социальных отношений с учетом подходящих климатических, культурных и природных условий, привел к ускорению экономического развития протестантских сообществ Англии, Швейцарии, Голландии, а позднее – скандинавских стран и государств Северной Америки.

Социологическое объяснение психологического процесса преодоления неуверенности предложил в своих работах Г. Гарфинкель⁶⁵, который утверждал, что люди не могут справиться со всей сложностью социальных механизмов и подбором для себя аргументов, оправдывающих внешнее социальное вмешательство в их жизнь (особенно, если эти оправдания можно в принципе бесконечно ставить под вопросы и сомнения). Люди активно сопротивляются возникновению ситуаций неопределенности и непредсказуемости, где их принуждают сразу сомневаться больше, чем это принято в привычных и принимаемых как само собой разумеющееся рутинных процедурах, поскольку когнитивные человеческие способности ограничены. Чем более сложной или неопределенной является ситуация, тем больше ее участники обратятся к поиску привычной рутины и постараются сконцентрироваться только на той сфере, в которой возникают наиболее серьезные проблемы⁶⁶. Такие процессы уменьшают субъективную неопределенность, как в индивидуальных действиях, так и в том, как человек соответствует социальному миру, “делая навигацию в нем более эффективной”⁶⁷.

Этнометодология объясняет возникновение институтов необходимостью преодоления неопределенности, приводящей к тому, что, говоря словами Алексиса де Токвиля, “искусство ассоциаций становится ... матерью

⁶⁵ Garfinkel, H. 1967. *Studies in Ethnomethodology*. (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall).

⁶⁶ Collins. Randall, 1989. *Sociology: Proscience or Antiscience?* // *American Sociological Review*, Vol. 54, #1 (February). pp. 134-139.

⁶⁷ Allport, G. W. 1954. *The Nature of Prejudice* (Reading, MA: Addison-Wesley). p. 19.

действий”⁶⁸. Поэтому можно сказать, что важным, но недостаточным условием появления эффективных институтов является социальное действие, которое навязывает свои внешние последствия другим людям⁶⁹. С подобной логикой появления институтов были согласны и крупнейшие экономисты либерального направления, в частности, Милтон Фридман⁷⁰. В некоторых случаях необходимость договоренности по поводу рамочных действий приводит к потребности установить межличностное доверие или просто создать институт, выполняющий функции по обеспечению уверенности агентов в постоянных интеракциях, как это происходит, к примеру, в экономической сфере. “Фактически любая коммерческая транзакция содержит внутри себя элемент доверия, особенно любая транзакция, осуществляемая в течение некоторого периода времени. Это можно объяснить нехваткой взаимной уверенности”⁷¹. Однако не любой социальный институт потенциально направлен на преодоление изначальной субъективной неуверенности. Поскольку любая социальная транзакция требует до своего начала наличия некоего подразумеваемого доверия, то очень важно, как именно люди в социальной структуре конкретного общества реализуют свои институциональные возможности.

Процесс преодоления субъективной неуверенности необходимо описать институциональным языком. В неоинституциональном анализе наиболее важным является то, что неуверенность в значимости и последствиях собственных действий приводит человека к поиску своеобразных суррогатов подтверждения. В качестве подобного подтверждения выступают определенные социальные образования, нормы, или, еще точнее, институты. Иногда их еще называют “социальными конвенциями”, посредством которых группы приходят к положению возможного равновесия⁷². “Конвенция – это в

⁶⁸ Zetterbaum, Marvin. 1967. *Tocqueville and the Problem of Democracy* (Stanford, CA: Stanford University Press).

⁶⁹ См. Ullmann-Margalit, Edna. 1977. *The Emergence of Norms* (Oxford: Clarendon).

⁷⁰ Фридман М. *Капитализм и свобода*. М.: Новое издательство, 2006.

⁷¹ Arrow, Kenneth, 1972. *Gifts and Exchanges // Philosophy and Public Affairs*, 1 (Summer). p. 357.

⁷² Lewis, D. 1969. *Convention* (Cambridge: Harvard University Press).

основном просто более короткий термин для перцепции части игроков группы о том, как должны остальные играть в игру. В течение всего времени на эту перцепцию воздействует множество сигналов и коммуникаций этих игроков. Репутация игрока – это психологическая перцепция других игроков относительно того, как он предпочитает играть Такую репутацию можно создать прошлой игрой, публичными заявлениями или использованием воображаемых символов и манипуляцией мифа”⁷³.

В экономической литературе довольно часто встречается тезис, согласно которому все сущее, воплощая в себе ту или иную степень пригодности, подвержено постоянному повышению эффективности. Неоинституционалисты считают, что чем реже общество меняет правила, тем эффективнее его развитие, тем больше оно выигрывает за счет экономии ресурсов, которые в противном случае могли бы быть потрачены на изменения и мониторинг за соблюдением новых правил. Такая политика может реализовываться просто методом проб и ошибок, или, как в политической модели Д. Брейбрука и Ч. Линдблома, через процесс “дизъюнктивного инкрементализма”⁷⁴. Очевидно, это не всегда так. Вполне могут быть введены новые эффективные инновации, которые оправдают трансформационные издержки. Однако возможность подобного положительного исхода не является гарантированной - она носит вероятностный характер, предсказать исход реализации которой заранее никто не сможет. Поэтому институциональное развитие демократического государства всегда связано с некоторым риском.

Здесь уместно напомнить функциональное отличие социальных норм от институтов, признаваемое неоинституционалистами. Главное отличие состоит в том, что задачей социальных институтов выступает поддержание, сохранение и последующая передача уже следующим поколениям рамочных социальных конструкций, позволяющих преодолеть онтологическую неуверенность по

⁷³ Miller, Gary M. 1990. Managerial Dilemmas: Political Leadership in Hierarchies // Karen Cook and Margaret Levi, eds., *The Limits of Rationality* (Chicago: University of Chicago Press). pp. 343-344.

⁷⁴ Braybrooke D. and Charles E. Lindblom, 1963. *A Strategy of Decision: Policy Evaluation as a Social Process* (New York: The Free Press), pp. 81-110.

отношению к событиям или явлениям внешнего мира. Поэтому социальные институты рассматриваются обычно в более широком контексте, чем социальные нормы. “Нормы – это ожидания относительно действий – собственных, действий других, или и первых, и вторых, которые обозначают, какое действие является правильным и какое – нет ... это “надындивидуальные” образования, но они структурируют интеракции только тех, кто в том же направлении испытывает воздействие со стороны действия...”⁷⁵.

Таким образом, “институты – это правила игры в обществе или, более формально, созданные ограничения, которые определяют человеческий опыт”⁷⁶. Есть и другие подходящие определения. По мнению Дж. Кнайта⁷⁷, возникновение институтов связано с “основными отношениями между ресурсной асимметрией, с одной стороны, и вероятностью аверсией риска и временными предпочтениями, с другой”, а М. Терри⁷⁸, к примеру, утверждает, что институты - это “орудия сцепления и редистрибуции. Они являются структурными средствами, посредством которых политические победители реализуют свои интересы, часто за счет политических неудачников”. Можно сказать, что “институты влияют на политику, устанавливая нормы, которые служат как консенсуальные правила или создавая властные ресурсы, структурируя совокупность интересов или устанавливая паттерн результатов или исторический “путь”⁷⁹. Чтобы этого не происходило особенно часто, общество стремится оградить себя от радикальных изменений.

⁷⁵ Coleman, James S. 1987. Norms as Social Capital // *Economic Imperialism*. ed. by Gerard Radnitzky and Peter Bernholz. (New York: Paragon). pp. 135, 141, 153.

⁷⁶ Thelen T. and Stein, K. 1990. Historical Institutionalism // Douglass C. North, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* (Cambridge: Cambridge University Press). pp. 2-3.

⁷⁷ Knight, J. 1992. The Spontaneous Emergence of Social Institutions: a Bargaining Theory of Emergence and Change. *Institutions and Social Conflict* (New York: Cambridge University Press), p. 139.

⁷⁸ Moe, Terry. 1990. Political Institutions: the Neglected Side of the Story // *Journal of Law, Economics, and Organization* (6), p. 213.

⁷⁹ см. Peter H. 1992. *Governing the Economy // Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*, ed. S. Steimo, K. Thelen, and F. Longstreth. (Cambridge: Cambridge University Press).

Институты могут предоставить политическим акторам информацию об отношении между политикой и результатом⁸⁰. А иногда – “... об интересах и стратегиях других политических акторах, или напрямую, выступая как форумы обмена информацией (такие как парламентские дебаты, или встречи в комитетах) или косвенно, создавая контекст, в котором можно наблюдать поведение в прошлом, и выводить из него стратегии и интересы”⁸¹. Институты понимаются также как предписания, которые определяют, какие действия (или результаты) требуются или запрещены, и санкции, предписанные, если нарушаются правила⁸². Неточность четкого определения институтов может вызывать конфликты, или позволять уже существующим конфликтам ухудшаться, не обеспечивая ясное руководство того, как именно должна организация реагировать на ситуации с серьезными последствиями⁸³.

В понимании Т. Веблена, институты – это “привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди” или “привычные способы реагирования на стимулы, которые создаются изменяющимися обстоятельствами”⁸⁴. Кроме того, “институты создают базовые структуры, с помощью которых люди на протяжении всей истории добились порядка и таким образом снизили степень своей неуверенности”⁸⁵. Институты возникают даже в ситуациях, которые никак нельзя назвать допустимыми с точки зрения биологической безопасности организма, например, в концентрационных лагерях, как это показал Виктор Франкл⁸⁶.

⁸⁰ Kenneth A. Shepsle and Barry R. Weingast, 1992. Positive Theories of Congressional Institutions, Occasional Paper 92-18. (Center for American Political Studies, Harvard University, December). pp. 13-18.

⁸¹ Robert O. Keohane, 1989. International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory (Boulder: Westview Press), chap. 1.

⁸² Crawford, Sue E. S. and E. Ostrom, 1995. A Grammar of Institutions // American Political Science Review, 89, 3, (September): pp. 582-600.

⁸³ Poteete, Amy R. 2004. The Durability of Collective Action: When do Intentional Communities Survive Challenges? Presented at a Colloquium at the Workshop in Political Theory and Policy Analysis, Indiana University, Bloomington, USA, October 4. pp. 6-7.

⁸⁴ Веблен Т. Теория праздного класса. М. 1984. с. 200-202.

⁸⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. 1997. с. 23.

⁸⁶ Франкл В. Человек в поисках смысла. М. 1991.

Наилучшим является определение О. Янга, который определяет институты как “осознаваемую практику, состоящие из легко идентифицируемых ролей, наряду с наборами правил или конвенций, управляющих отношениями тех, кто занимает эти роли”⁸⁷. Эти правила находятся “в пределах широкого набора потенциально правовых правил, которые теоретически совместимы с конституциональной системой”⁸⁸. Но помимо своего структурного характера, “институт – это коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия”⁸⁹.

Один из американских социологов определяет правило как “сообщение, которое обуславливает и ограничивает ряд действий участников в течение неопределенного периода и при особых состояниях индивидуальных социальных окружений”⁹⁰. Отдельные правила редко могут существовать длительное время, они чаще встречаются в виде институциональных соглашений “... как правил, используемых индивидами, для определения кто и что включено в ситуации принятия решения, как структурируется информация, какие действия можно предпринимать и в какой последовательности, и как индивидуальные действия будут переходить в коллективные решения. Институциональные соглашения выступают, таким образом, сложной композицией правил, которые существуют как правила языка, разделяемого некоторым сообществом индивидов, а не как физические части некоторого внешнего окружения”⁹¹.

Институциональное равновесие выражается в следующем определении С. Крепса: “равновесие действий [актеров] совместимо с предположениями,

⁸⁷ Young, O. R. 1986. International Regimes; Toward a New Theory of Institutions // World Politics, 39 (October): pp.104-122.

⁸⁸ Ostrom, E., Roy Gardner, and James Walker, 1994. Rules, Games, and Common-Pool Resources. (Ann Arbor: University of Michigan Press). p. 39.

⁸⁹ Commons John R. 1950. The Economics of Collective Action (New York: Macmillan). p. 21.

⁹⁰ Montias, J. M. 1976. The Structure of Economic Systems (New Haven, CT: Yale University Press). p. 16.

⁹¹ Kiser Larry L. and Ostrom E. 1993. The Three Worlds of Action: A Metatheoretical Synthesis of Institutional Approaches // Ostrom E. (ed.) Strategies of Political Inquiry (Beverly Hills, CA: Sage). p. 179.

которых придерживается каждый”⁹². По мнению неоинституционалистов, существует следующий алгоритм достижения институционального равновесия и возникновения институтов: “индивидуальная сделка заключается с помощью обязательств тех, кто обладает относительным преимуществом в наличии важных ресурсов. Актеры с одинаковыми ресурсами через серии интеракций с различными членами группы устанавливают паттерн успешных действий в каждом типе интеракций. Когда другие начинают осознавать, что они взаимодействуют с одним из акторов, который обладает этими ресурсами, они изменяют свои стратегии так, чтобы получить наилучший результат с учетом ожидаемых обязательств других. В течение некоторого времени рациональные актеры продолжают приспосабливать свои стратегии, пока не будет достигнуто состояние равновесия. Когда это осознается как социально ожидаемая комбинация стратегий равновесия, устанавливается самоподдерживающийся социальный институт”⁹³.

Нобелевский лауреат Дуглас Норт определяет институты как “навязанные в пределах человеческих возможностей ограничения, которые определяют интеракцию”. То есть “институты – это правила игры, которую придумывают люди”. Институты могут помогать актерам разрешать ситуации “социальных дилемм”⁹⁴, посредством своих действий, реализуемых на трех различных уровнях⁹⁵. “На операционном уровне человек действует в структуре фиксированных институтов и правил ... на уровне коллективного выбора, актеры находятся в структуре институтов принятия решения, чтобы создать правила, которые структурируют выбор на операциональном уровне На конституциональном уровне актеры решают, как будут конструировать

⁹² Цит. по Knight, J. 1992. *Institutions and Strategic Choice: Information, Sanctions, and Social Expectations* // *Institutions and Social Conflict* (New York: Cambridge University Press). p. 54.

⁹³ Цит. по DiMaggio Paul J. and Walter W. Powell, 1993. Introduction // *The New Institutionalism in Organizational Analysis*, ed. Walter W. Powell and Paul J. DiMaggio (Chicago: University of Chicago Press), p. 8.

⁹⁴ Bates, Robert H. 1988. *Contra Contractarianism: Some Reflections on the New Institutionalism* // *Politics and Society* 16, pp. 387-401.

⁹⁵ Kiser, L. and Elinor Ostrom, 1982. *The Three Worlds of Action: A Metatheoretical Synthesis of Institutional Approaches* // Ostrom E. (ed.) *Strategies of Political Inquiry* (Beverly Hills, CA: Sage).

институты принятия политических и коллективных решений. Они определяют, кто сможет участвовать в этих институтах, как будут оцениваться и суммироваться их предпочтения, и какими полномочиями будут обладать акторы, чтобы придавать агрегированным решениям силу. В этом отношении, выборы, которые акторы делают на конституционном уровне определяют самые основные правила политики, - кто что получает, когда и как”⁹⁶.

Подводя итоги проведенному выше анализу соотношения норм и институтов, можно прийти к выводу, что если социальные нормы могут действовать на протяжении одного – двух поколений и со временем изменяться, то очевидно, что сферы их деятельности – ограничены, а функции – узко направлены. Социальные институты, напротив, представляют собой нормы макроуровня, и действуют они на протяжении нескольких поколений. Их цель – обеспечение преемственности и развитие социальной устойчивости в обществе в отдельные, по-видимому, очень непродолжительные промежутки времени. Поэтому “неоинституционализм утверждает, что институты, понимаемые как используемые правила, потенциально могут смягчить социальные дилеммы, которые мешают коллективным действиям...”⁹⁷. Однако понятие “институт” состоит как из некоторого количества общепризнанных правил, так и некоторого количества исключений, которые образуются посредством расширения круга воздействия институтов.

Неоинституционализм – междисциплинарная область, которая изучает закономерности институционального развития и причины, вызывающие или изменяющие это развитие. Неоинституционализм рассматривает общество как сложно организованную и взаимозависимую систему институтов. В методологическом плане неоинституционализм гораздо ближе к постмодернизму, чем к либерализму. Точнее сказать, к этике прогресса,

⁹⁶ Ostrom, Vincent. 1982. A Forgotten Tradition: the Constitutional Level of Analysis // Gillespie J. A. and D. A. Zinnes (eds.). Missing Elements in Political Inquiry (Beverly Hills, CA: Sage). p. 237.

⁹⁷ См. North, Douglass. C. 1990. Institutions, Institutional Change and Economic Performance (Cambridge: Cambridge University Press),

которой придерживается либерализм, и которая требует рационального стремления к результату.

Сторонники неoinституционализма полагают, что в повседневной деятельности люди стремятся преодолеть окружающую их неопределенность посредством создания и/или поддержания уже существующих зон или “островков” локальной уверенности, вне зависимости от природных и географических условий или социального окружения. Именно их называют “институтами”. Они образуются под влиянием естественных социальных процессов, хотя могут носить и сконструированный характер. Институты агрегируют множество конкретных ситуаций преодоления неопределенности в виде коллективных действий всех участников или большей их части, особенно там, где есть признаваемая всеми общая деятельность, польза которой осознается всеми членами. При этом социальное действие является результирующей многочисленных индивидуальных событий, то есть оно рассматривается как “встроенное в последовательность индивидуальных действий...”⁹⁸, поэтому в данной работе под диапазоном социальных возможностей понимаются наиболее распространенные в обществе представления об оптимальных способах социального развития. В свою очередь, каналами их реализации выступают социальные институты. Это понятие шире обыденных представлений об оптимальных путях социальной карьере.

Строго говоря, социальные возможности являются структурными факторами и не зависят от воли или желания отдельных людей. Они выступают порождениями особенностей развития социальной системы и поэтому носят нейтральный характер по отношению к конкретному человеку или группе, хотя государство и аппарат его управления играют важную роль в регулировании доступа к ним посредством своей осознанной или неосознанной политики, включающей возможные ограничения и/или манипуляции. Таким образом,

⁹⁸ Arrow, K. 1983. Social-choice and Justice // Kenneth J. Arrow. Collected Papers, Vol. 1. (Cambridge, The Belknap Press of the Harvard University Press). p. 64.

социальные возможности – это канализированные способы реализации базовых потребностей в соответствии с организованной институциональной структурой. В сфере власти и управления они часто предстают как структура политических возможностей и ограничений.

Социальное ограничение отнюдь не носит националистического характера, и не является родом занятий плохо воспитанных или образованных людей. Его изначальная цель – снизить транзакционные издержки в общественных отношениях. Оно предполагает искусственное ограничение доступа к экономическим и социальным ресурсам и невозможность самостоятельной реализации индивидом социальных прав (на труд, жилье, здравоохранение) без посторонней помощи⁹⁹. “Исключение – не синоним бедности или безработицы, оно означает, что люди изолированы от социального контекста в целом, они не способны ни поддерживать себя, ни заботиться о себе способами, принятыми в обществе”¹⁰⁰, “социально неприиспособленны” и “социально дисквалифицированы”. Если бедным недоступны многие значимые блага, то исключенным – сама возможность доступа к ним.

Наличие в обществе социальных возможностей не обязательно подразумевает, что все люди могут воспользоваться ими немедленно и в равной степени. Существуют определенные временные и социальные затраты, которые индивид должен понести. Находясь в условиях “тотального института”¹⁰¹, например, в местах заключения, человек может значительно улучшить реализацию одних своих потребностей (и ухудшить другие), вступив в сотрудничество с администрацией. Такие возможности вытекают из структуры самой тюремной организации как социального института. И они в целом не могут быть отменены ни по желанию администрации, ни по воле заключенных.

⁹⁹ Ярошенко С. С. Практика социального исключения в постсоветской России // Социальная стратификация: история современность: Тезисы Всероссийской конференции. Сыктывкар. 1996. с. 97-99.

¹⁰⁰ Combating Social Exclusion: The Most Marginalized Groups in Denmark. Copenhagen: The Ministry of Social Affairs. 1995. p. 5.

¹⁰¹ Goffman, Erving 1961. On the Characteristics of Total Institutions: The Inmate World // D. Cressey (ed.), The Prison. (New York: Holt, Rinehart, and Winston). pp. 15-67.

В данном случае институциональная структура диктует выбор, с которым можно согласиться или отвергнуть, но сложно предложить принципиально иную альтернативу. Разумеется, “тотальные” ситуации в обществе достаточно редки. Но возможность социального творчества часто ограничена. И тогда “дороги выбирают людей”. Таким образом, первым вызовом для демократической системы будут поиски ответа на вопрос: что делать с тем меньшинством, которое характеризуется социальной изоляцией и антисоциальным поведением и которое по тем или иным причинам не может или не желает воспользоваться институциональными возможностями, предоставляемыми социальной системой?

Структура управления в обществе и связанная с ней система институциональных возможностей носит позиционный и иерархический характер. Иерархия (как формальная, так и неформальная) играет важную роль в жизни общества, выступая механизмом координации поведения группы и человека. Как говорил антрополог В. Эдварс: “иерархия – это средство поддержания численности на стабильном уровне”¹⁰², поскольку иерархии подразумевают неравномерное распределение социальных и экономических ресурсов между элитными группами и всеми остальными.

Рынок социальных достижений организован таким образом, что ему присуще определенное несоответствие между числом желающих воспользоваться имеющимися лифтами позиционного продвижения и реальными “плавательными дорожками”, которые ведут к желанной цели. Современное общество предлагает относительно небольшой спектр социальных возможностей. Следовательно, многие из тех, кто довольно рано осознает ограниченность своих шансов для успешного завершения этой гонки, отвергнут общие правила игры и попытаются добиться успеха недозволенными (“творческими” или преступными) с точки зрения общества методами¹⁰³. Чтобы

¹⁰² Wynne – Edwards V. C. 1962. *Animal Dispersion in Relation to Social Behavior* (London: Oliver and Boyd).

¹⁰³ Подобные обобщения собраны Даниэлем Беллом см. Bell, D. 1953. *Crime As an American Way of Life* // *Antioch Review*, (Summer), pp. 31-154.

не допустить взрывов открытого недовольства и проявлений акций массового неповиновения, демократическая система должна позаботиться о дополнительных способах ассимиляции маргинальных слоев и аутсайдеров.

Ассимиляция или исключение меньшинства зависит от жесткости демократической структуры – важно, чтобы у людей, которые проигрывают в соревновании социального продвижения на средние и высшие ступеньки общественной пирамиды, оставались “запасные пути”. Правила не должны оказывать слишком сильное давление и диктовать бинарное поведение: или меняйся, или уходи - в соответствии со старой американской поговоркой: “если вам слишком жарко, выйдите из кухни”. Тогда неудача в экономической конкуренции не будет восприниматься как катастрофа, а станет временной неудачей, поскольку человек будет по-прежнему оставаться в рамках единой социальной системы. Или, по крайней мере, через некоторое время он сможет вернуться к экономическому соревнованию с другими экономическими субъектами и демаргинализироваться: “не получилось одно, попробуем что-нибудь другое”.

Однако институциональная сложность состоит в том, что отдельные социальные льготы и преимущества, предоставляемые социальным меньшинствам и аутсайдерам, не выравнивают возможности в позиционной системе (что осуществить довольно сложно), а компенсируют частично “несправедливый” характер распределения социальных благ, поскольку получаемые блага за выполненные социальные действия или реализованные общественные функции включает в себя символическую и/или позиционную составляющую, которая мало связана с индивидуальными усилиями. Чем выше социальная ступенька на лестнице или пирамиде управления, тем большая часть в компенсационных выплатах конкретному агенту, занимающему эту нишу, носит позиционный характер. Подобная плата в определенной степени обычно подразумевает уникальный характер позиции, но иногда является возмещением за преданное поведение и лояльность по отношению к социальной системе.

Выживание любой организации зависит в первую очередь от лояльности тех, кто ею управляет. Поскольку частая смена управляющих по отношению к большинству государственных должностей (особенно высших) грозит неустойчивостью и нестабильностью, то в оплату на высших этажах социальной пирамиды обязательно входит плата за лояльность, по крайней мере, внешнюю. Чем больше получаемые блага, тем крепче связь человека с системой, и тем выше его лояльность. Безусловно, это несправедливо с формально-юридической точки зрения – человеку платят не за конкретный труд, не за редкие качества или способности, которыми, как ожидается, он должен обладать, будучи во власти, и которые он может потенциально применять в своей работе, а просто за имеющиеся в системе структурные перекосы. Любая социальная система может рассматриваться как несправедливая - практически не существует обществ, где выдвижение человека зависело бы только от него самого и его личных качеств, либо обществ, где все бы обладали равным доступом к принятию политических решений¹⁰⁴. Но, решая один вызов, социальная система сталкивается с другим. Теперь нужно позаботиться о компенсациях для тех, кто занимает низшие уровни. В данном случае компенсации предоставляются средним классом, который несет большую часть расходов по сохранению устойчивости системы (за счет позиционной платы тем, кто управляет) и по обеспечению внутренней безопасности системы (за счет компенсационных выплат тем, кто фактически никогда не сможет сменить свой статус на более высокий).

Позиционная организация общества значительно отличается от меритократического идеала, разработанного социологами прошлого века. Меритократия как система социального неравенства по воздействию на общественную структуру немного напоминает химическую реакцию: соединение двух разнородных элементов приводит иногда к образованию осадка на дне и примесей, выходящих из пробирки в виде газа. Для

¹⁰⁴ Ostrom, V. 1997. *The Meaning of Democracy and the Vulnerability of Democracies: A Response to Tocqueville's Challenge*. (Ann Arbor: University of Michigan Press).

меритократов идеальная модель общества состоит из трех слоев. Во-первых, средние слои, которые несут основную социальную нагрузку по развитию и сохранению общества. Во-вторых, низшие слои, т.е. люди, которые по каким-либо причинам не могут конкурировать на равных с основной массой (например, люди с ограниченными возможностями). И есть высшие слои, которые либо обладают уникальными творческими или любыми иными способностями, либо необычайным с точки зрения обыденного сознания везением.

Частично меритократическое неравенство создает повышенные стимулы к достижению людьми лучших показателей в экономической и социальной сферах: чем выше разрыв между богатыми и бедными, тем, предположительно, будет выше мотивация последних к экономической деятельности и их стремление к достижению успеха. Но невозможно четко определения причины неравномерного распределения ресурсов. Разумеется, в соответствии с “фундаментальной ошибкой атрибуции”, люди всегда будут утверждать, что их личное благосостояние – это результат их заслуг, тогда как другим, возможно, платят за близость к власти, а в случае неудачи – другие просто слишком ленивы или плохо образованы. Только при анализе социальной системы невозможно основываться на высказанных мнениях. Иначе мы неизбежно замыкаем себя в логическом тупике: “люди делают то, что они делают”. Это не означает, что проблемой является индивидуальная нечестность конкретных участников (хотя и этот аспект нужно учитывать).

Если относиться к обществу с позиции меритократов, то непонятно откуда берутся ресурсы на поддержание самого общества. И тем более не ясно, как эти ресурсы распределяются. Меритократы не рассматривают институциональный аспект “общественной архитектуры”. К тому же, довольно сложно определить, какую долю в успехе человека составляют его личные усилия, а что является структурным или позиционным преимуществом. Поскольку на этот вопрос четко ответить невозможно, то, очевидно, что все попытки компенсировать социальную несправедливость и создать равные

возможности для низших слоев приведут только к “позитивной дискриминации”, когда люди, получающие льготы и блага от системы, вовсе не собираются что-либо менять в своей жизни и выходить из зависимого положения. Их, напротив, могут устраивать небольшие компенсации, которые они получают.

Воспользоваться институциональными возможностями может только средний класс (и возможно, отдельные представители низшего). Наличие множества университетов (и бюджетных мест для студентов) в одном регионе практически ничего не добавляет в “копилку возможностей” социальных аутсайдеров, дети которых, вероятнее всего, столкнутся с серьезными трудностями уже на уровне школы или даже детского сада. Получаемые ими выплаты тоже являются слишком незначительными из-за довольно большого количества людей, которые претендуют на них.

Средний класс не является однородной массой. Он также, в свою очередь, состоит из нескольких слоев. Эти люди не являются революционерами. Они не собираются ниспровергать систему, напротив, они стремятся ассимилироваться и стать ее частью. И вполне возможно, что новые социальные возможности окажут значительную помощь именно тем его представителям, кому такая помощь особенно необходима. Наличие подобных возможностей в обществе лучше, чем вообще ничего. А продвижение талантливых представителей социальных низов существенно снижает потенциал их пассионарности.

Вариативность институциональных альтернатив снижает мотивацию тщательного выбора оптимального решения. И наоборот, попадая ситуацию логического тупика, социальный агент вынужден отыскивать единственный имеющийся выход (часто тот, с которого придется все начинать сначала). У него просто нет иного выбора. Этот единственный вариант находится достаточно легко методом перебора исключений. При существовании нескольких примерно равноценных вариантов, сделать выбор гораздо сложнее. Это усиливает психологическое давление на агента, принимающего решение.

Горизонтальная организация диапазона институциональных возможностей делает оптимальное решение неочевидным, и тем самым снижает психологическое напряжение по линии раздела элита/население, которое в случае жесткой вертикальной и однонаправленной структуры (к тому же еще и закрытой или полужакрытой), непременно проявится. Если ограничения и процессы социального исключения носят неочевидный характер, то критика части людей неизбежно направляется с социальной структуры на самих себя.

Происходит сдвиг в сторону персональной ответственности самого человека. Нужно также принимать во внимание, что обычно “люди в профессиональной карьере часто не осознают, является ли их мобильность просто изменением в дистрибуции профессий, “счастливым случаем”, который является результатом проживания в стране с большой или малой долей сектора белых воротничков или чем-то вроде “чистого” меритократического движения”¹⁰⁵. И хотя подобная вариативность часто бывает иллюзорной, многие, тем не менее, все равно будут испытывать чувство депривации, из-за того, что, как им кажется, они ошиблись и сделали неправильный выбор. Ведь очень сложно обрести уверенность, что идешь по правильной дороге и в нужном направлении. Еще сложнее понять, достаточно ли было использовано попыток и потрачено сил, чтобы добиться нужного результата. Ошибочный результат поэтому становится личной проблемой человека. Его мысли неизбежно устремляются на поиски другого возможного варианта или сферы деятельности. В любом случае гораздо труднее передвинуть ответственность за неудачу на общество или государство. И это несмотря на то, что достижение субъектом своей цели часто для постороннего наблюдателя выглядит лишь как использование благоприятной внешней ситуации или удачи¹⁰⁶.

Психологическую реакцию можно искусственно усилить, если наряду со стандартом преуспевания правящие круги постоянно пропагандируют массу

¹⁰⁵ Collins R. 1984. Statistics versus Words // Sociological Theory, Volume (2), p. 349.

¹⁰⁶ Dowding K. M. 1991. Rational Choice and Political Power (Aldershot: Edward Elgar). p. 82.

“реальных” примеров преуспевающих людей. И рекомендаций, как стать такими же. Действия по этим рекомендациям не обязательно будут направлены на достижение конкретного результата. Обычно они исполняют роль психологической разгрузки, освобождая человека от навязанной обязанности реагировать на внешние стандарты и вызовы. Подобные надежды редко реализуются, выступая своеобразной вариацией иллюзии “нового понедельника”, когда человеку начинает казаться, что еще возможно некое усовершенствование, начиная с новой недели. На смягчение индивидуальной депривации направлены и такие социальные институты как кинематограф, шоу - бизнес и литература, которые часто подчеркивают важность альтернативного “немонетизированного” жизненного успеха: хороших друзей, крепкой семьи, экологически благоприятной среды обитания и т.п.

Демократия напрямую связана с институциональной вариативностью, она помогает удовлетворить некоторые ожидания людей, однако демократические процедуры – это во многом “витрина” иллюзорного выбора, иллюзия существования большого количества вариантов, которая весьма слабо объясняет реальные структурные ограничения, существующие у различных людей, а иногда и вообще ничего не говорит по этому поводу.

В качестве примера можно указать на американское общество, которое часто называют “обществом второй попытки”. Причины горизонтальной организации институциональной структуры и, как следствие, успешного демократического развития, заключаются в особенностях национальной истории. Как указывала Маргарет Мид¹⁰⁷, неоднородность социального пространства (рассмотренная в работах социологов французской школы Бурдьё П., Дюркгейм Э., Мосс М. и др.) привела к отсутствию общенациональной элиты (по крайней мере, в том смысле, в каком это понимается в Европе). Следовательно, человек, занимающий высокое положение в своем сообществе совсем необязательно занимал такое же

¹⁰⁷ Mead Margaret. 1975. Ethnicity in America // De Vos, George A., and Lola Romanucci-Ross, eds. Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change (Palo Alto: Mayfield). pp. 310-312.

положение в сообществе другого штата или побережья. Но верно и обратное. Неудача в продвижение в одном месте не означает, что тот же результат ждет человека в другом сообществе. Таким образом, “универсальный характер американской идеологии позволил каждому, кто имел желание, стать американцем”¹⁰⁸.

Поскольку не было аристократии, которую нужно было бы законодательно ограничить и политически потеснить, не было нужды и в создании авторитарной государственной власти¹⁰⁹. Отсутствие в США серьезных социально-политических межэлитных противоречий, которые существовали в Европе, сделало возможным непрерывное преобразование политических проблем в юридические через участие институтов судебного и гражданского контроля.

В американском обществе возникли институты, нацеленные на реализацию теоретически неограниченные возможности вертикальной социальной мобильности, тесно связанные с мобильностью географической, и до сих пор если по каким-то причинам карьера не удастся в одном месте, американец может с легкостью переехать, сохраняя прежний потенциал вариативного развития, реализуя чувство психологического реванша и преодолевая страх перед разрушением этой удобной, привычной, комфортной зоны. Многие исследователи подчеркивают значение социальной мобильности как современной “структуры ощущений, способной схватить важность ... нового опыта”¹¹⁰. Особенно просто было переехать в XIX – начале XX вв. до появления современных коммуникаций, когда средний класс в США только зарождался.

Слабые связи между отдельными группами или сообществами являются социальным преимуществом. Чем слабее межличностное сцепление, чем проще

¹⁰⁸ Gleason P. 1980. American Identity and Americanization // Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups, by ed. S. Therenstrom (Cambridge, MA: the Balknap Press of Harvard University Press). p. 32.

¹⁰⁹ Louis Hartz, The Liberal Tradition in America (New York, Harcourt, Brace and World, 1955), p. 43.

¹¹⁰ Thrift, Nigel. 1996. Spatial Formulations (London: Sage Publications). p. 284.

перейти из одной группы в другую, тем проще установить, пусть даже на поверхностном уровне, горизонтальные связи между различными группами. Тем самым формируются обширные профессиональные и родственные сети, которые не только помогают карьерному продвижению, выступая каналами перемещения информации, слухов и новых идей, но и формируют чувство “сообщества”, что в свою очередь, облегчает последующую мобильность. Такая мобильность предоставляет человеку не только средства для решения его социальных и психологических проблем, она также сохраняет стабильность общества, снижая издержки на поддержание системы в устойчивом состоянии. Индивидуальные “клапаны” снижают потенциальное давление протестных движений и неудовлетворенных групп, препятствуя социальному взрыву, поскольку “именно люди, которые чувствуют, что им невозможно реализовать себя, становятся повышено чувствительными к новым возможностям. Для них отрицание прошлого проходит относительно легко”¹¹¹.

Глава 3. Демократия и социальные дилеммы

Одна из ключевых социальных дилемм, найти ответ на которую должна демократическая система, - проблема “безбилетника” и ее частный случай – проблема “стратегического безразличия” широких слоев населения по отношению к любой форме политической организации, а также гражданского и электорального участия в общественной жизни. Безразличие выражается в том, что граждане современных государств предпочитают не прислушиваться к аргументации властей. Как показывает мировой финансовый кризис, они совсем не стремятся “войти в положение” и снизить собственный уровень социальной защищенности, отказавшись от низкой возрастной планки пенсионного возраста, тринадцатой заработной платы, социальных льгот и пособий и пр., пусть даже причины выглядят убедительными: мировой кризис, природные бедствия и т.п., справедливо полагая, что общество выделяет

¹¹¹ Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д. 1998. с. 496.

государственному аппарату достаточные ресурсы, и дальше он должен как-то самостоятельно выкручиваться из кризисов и катастроф.

Существует множество объяснений причин возникновения социальных дилемм. Теории рационального выбора и коллективных действий утверждают: причина в том, что безразличие вознаграждается. Рациональный индивид не будет нести бремя расходов и забот для поддержания какой-либо гражданской организации, созданной для достижения общей благородной цели, или даже участия в общих коллективных действиях в обстоятельствах, когда его собственный вклад в конечный результат будет незначителен, и когда он сможет воспользоваться будущими позитивными благами, не прилагая для этого никаких усилий. Рациональный человек не всегда будет участвовать в избирательных процессах, если уверен, что его голос ничего не значит, или что вместо него могут проголосовать другие. Другими словами, он будет “зайцем”, едущим за счет других¹¹². В таких ситуациях велико желание воспользоваться результатами чужого участия. Это нельзя назвать эгоизмом в чистом виде, но, безусловно, люди всегда предпочитают действовать так, чтобы достичь максимальной выгоды при минимально затраченных усилиях. Это так называемый “оптимум социального поведения”. Стремясь извлечь выгоду из любой ситуации, люди вовсе не обязательно преуспевают в выборе подобного оптимума, но они в будущем стремятся к нему. Рационально мыслящий человек, стремящийся удовлетворить собственные эгоистические потребности и извлечь ситуационно-ориентированную выгоду, предпочитает избегать любых действий с нечетким или неясным будущим результатом, особенно если такие действия требуют значительных затрат времени и ограниченных экономических ресурсов.

В терминах теории игр¹¹³ можно сказать, что демократическое неучастие – это следствие т.н. “равновесия Нэша”, означающего, что пока единственной мотивацией игроков является индивидуальный эгоизм, они не будут

¹¹² Olson M. 1965. *The Logic of Collective Actions* (Harvard: Harvard University Press).

¹¹³ Guth, Werner. 1995. *An Evolutionary Approach to Explaining Cooperative Behavior by Reciprocal Incentives* // *International Journal of Game Theory*, 24 (4), pp. 323-44.

прекращать экстенсивное использование общих ресурсов до тех пор, пока они постепенно не истощатся. Теория игр как вариация теории коллективных действий исходит в своих положениях из признания факта значимости человеческих действий, т.е. из предположения, что действия, совершаемые человеком, имеют логический и разумный характер, и что на более важное действие тратится больше ресурсов и наоборот.

Преодоление проблемы безбилетника обычно связывают с повышением стоимости входа и выхода, созданием периодов как простого, так и привилегированного членства и процессами формальной социализации и легитимного лидерства¹¹⁴. Более высокая стоимость выхода поощряет членов общества работать вместе, чтобы решить проблемы¹¹⁵. Повышение стоимости входа и выхода (например, ужесточение государственных требований к получающим гражданства) помогает отсеять тех, у кого слабая приверженность коллективным целям.

В отсутствие механизма социальной фильтрации индивиды могут присоединяться, чтобы воспользоваться коллективными преимуществами, не внося при этом честного и справедливого вклада¹¹⁶. Для решения проблемы безбилетника важна институционализация приоритетов интересов группы перед индивидуальными эгоистичными потребностями¹¹⁷. Прежде всего, гражданские институты должны возникать снизу. Они обладают большей устойчивостью, чем организации, созданные сверху. Большое внимание необходимо уделить созданию институтов передачи взаимных обязательств¹¹⁸ между гражданами, развитию институтов набора потенциальных кандидатов, которые придерживаются похожих ценностей (путем разработки, к примеру,

¹¹⁴ Kitts, James A. 2001. *Community Ecology: Organizational Dynamics and the Mortality of American Communes, 1609-1965*. Ph.D. Dissertation, Department of Sociology, Purdue University.

¹¹⁵ См. Hirshman, Albert, O. 1970. *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline // Firms, Organizations, and States*. (Cambridge: Harvard University Press).

¹¹⁶ Kanter, R. Moss. 1972. *Commitment and Community: Communes and Utopias in Sociological Perspective* (Cambridge: Harvard University Press).

¹¹⁷ Luft, Joseph. 1984. *Group Processes: An Introduction to Group Dynamics* (Palo Alto, CA: Mayfield Publishing). p. 11.

¹¹⁸ Kanter, Rosabeth Moss. 1968. *Commitment and Social Organization: a Study of Commitment Mechanisms in Utopian Communities // American Sociological Review* 33 (August): pp. 499-515.

системы индивидуальных рейтингов), а также институтов увеличению схожести в ценностях социальных агентов через процесс совместной социализации.

Теория коллективных действий пока не может преодолеть собственные методологические ограничения, не позволяющие ей рассматривать проблему “эндогенных предпочтений”¹¹⁹. Нерешенным остается вопрос, как создать “из ситуации, в которой люди действуют независимо друг от друга, ситуацию, в которой они выберут скоординированные стратегии, чтобы получить больше общего блага или уменьшить общий вред”¹²⁰. Задача носит сложный методологический характер.

Эгоистичный индивид стремится к свободе выбора между различными производителями при заключении рыночной сделки, или даже к свободе от конкурирующих агентов, которые могут представлять угрозу с точки зрения возможного потребления ограниченных ресурсов. Стремление к свободе в повседневной жизни конкретно, а стремление к свободе в чистом виде сложно доказуемо. Если не учитывать идеологические трактовки (версии о тоталитарном характере отдельных народов, исторических или социальных травмах и пр.), то причина носит опять-таки структурный характер и заключается в неравномерности развития социального пространства, а значит - в преобладании у людей различных наборов предпочтений. Тезис о неоднородном характере социального пространства здесь рассматриваться не будет. Он достаточно подробно проанализирован во многих работах известных французских социологов¹²¹. К тому же предшествующий анализ позиционности уже является достаточным свидетельством социальной неоднородности, а также одной из причин институциональной неоднородности, и одновременно – ее следствием.

¹¹⁹ Bowles, Samuel. 1998. Endogenous Preferences: The Cultural Consequences of Markets and Other Economic Institutions // *Journal of Economic Literature*, 36 (March), pp. 75-111.

¹²⁰ См. Ostrom, E. 1990. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action* (New York: Cambridge University Press).

¹²¹ См., в частности, Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. М. 2005.

Демократия должна удовлетворять общественные интересы и потребности граждан. Институциональные предпочтения конкретного человека или домохозяйства носят “пакетный” и комплиментарный характер¹²². Демократические ценности обычно входят в этот пакет как его часть, которая иногда имеет большое значение, иногда меньшее. Хотя сложно определить, что именно является первичными потребностями (за исключением физиологических), которые блокируют развитие личности в случае их неудовлетворения, исторические свидетельства показывают, что демократические устремления в их число не входят. Конечно, если бы удалось найти в коре головного мозга центры, отвечающие за реализацию потребностей в демократии и свободе, наподобие существующих центров речи и мышления, при неумеренном воздействии на которые у человека возникают соответствующие проблемы в общении и социальной деятельности, то это было бы неплохим доказательством в пользу данной теории. Но о существовании подобных центров пока ничего не известно.

Строго говоря, потребность более высокого уровня возникает не тогда, когда удовлетворены все остальные потребности, а когда появляется потребностная возможность, которую можно легко удовлетворить без затрат значительного количества времени и энергии. Например, когда люди приезжают в туристический центр страны или региона и посещают ведущие музеи и выставки. Это не значит, что они уже полностью удовлетворили все остальные потребности более низших уровней, это значит только, что социальная ситуация предоставляет идеальные шансы для удовлетворения именно этой потребности с относительно небольшими издержками. То же самое относится к творчеству, к примеру, в условиях тюремного заключения. Люди не могут удовлетворить одни основные свои потребности, и они переключают их на удовлетворение других, тем самым, компенсируя неудовлетворительный характер первых. Поэтому потребность в свободе с

¹²² Winch, Robert F. 1958. *Mate-Selection: A Study of Complementary Needs* (New York: Palgrave).

биологической точки зрения не могла возникнуть, а с социологической точки зрения такая потребность не может реализоваться.

Свободные и ничем не ограниченные индивиды представляют опасность для любого социума, который может существовать лишь в жестких ограниченных институциональных рамках, да и вообще, максимально свободными от любых социальных ограничений являются только пациенты некоторых больниц с генетическими или психическими дефектами сознания. Перефразируя Вольтера, можно сказать, что люди рождаются с пятью пальцами на руках, но никто не рождается с представлениями о свободе в голове. Если же использовать подобные выражения как приблизительную метафору, то очевидно, что потребность в свободе в широком смысле заменяема. В ряде случаев ее можно обменять на другие, более значимые для человека вещи. “Тотальные институты” предоставляют большой объем льгот и дополнительных благ, будь то государственные спецслужбы или частные корпорации, но одновременно значительно ограничивают свободу действий и суждений в своих пределах и заставляют, хотя бы на уровне внешней толерантности, принять корпоративную этику. Иначе говоря, в соответствии с законом спроса и предложения, в обществе устанавливается цена “демократических издержек” – т.е. совокупность альтернативных вариантов, от которых могут отказаться люди, чтобы сохранить для себя определенную степень свободы. Если транзакционные, социальные и/или психологические издержки слишком велики, а избирательный процесс не позволяет их компенсировать, то демократия оказывается неустойчивой.

Демократия как набор гибких рыночных паттернов предполагает, с одной стороны, необходимость для политических партий собирать голоса избирателей, с другой - социальные или экономические блага, которые может получить гражданин при поддержке и/или голосовании за ту или иную партию. Если стороны соглашаются на объемах и сроках компенсационных обменов, то транзакция проходит успешно. В качестве ресурсов для обмена избиратели предлагают не только возможность потенциального политического выбора, но

и время (которое они могли бы израсходовать на другие цели, в том числе отдых), а также эмоциональные ресурсы (которые требуются для ряда профессий гуманитарного характера), а также транзакционные издержки по поиску информации (о программах политических партий, взглядах кандидатов и пр.).

Временная аберрация показывает, что взаимосвязь между выборным процессом и конкретным уровнем жизни носит неочевидный характер. Подобная взаимосвязь в принципе существует. И ряд исследователей действительно утверждают, что высокий уровень экономического развития обычно означает наличие избирательных институтов и гражданского общества, высокий уровень грамотности и образования, урбанизации и развития масс медиа¹²³. Но с социологической точки зрения установление одних статистических совпадений недостаточно. Слишком часто подобные объяснения предлагаются в качестве подкрепления некой выявленной закономерности, выражающейся в древней изречении “победителей не судят”. Раз некие страны добились экономического прогресса, значит их институциональная структура и социальная организация уже идеальны (или, по крайней мере, близки к этому состоянию). В психологическом отношении социальный оптимизм в вариациях, описанных И. Стейнером¹²⁴ как “истина победы”, создает четкую основу для дальнейших действий в прежнем направлении. Социальные психологи предлагают более четкую формулировку такого правила поведения как “истина, поддержанная победой”¹²⁵. Однако “истина” победит, только когда существует довольно отчетливый и широко

¹²³ Эта точка зрения была поддержана Б. Муром, который писал что “энергичный и независимый класс является незаменимым элементом в развитии демократии. Нет буржуазии, нет и демократии”. См. Moore, Barrington, Jr. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy* (Boston: Beacon Press). p. 418.

¹²⁴ Steiner, I. D. 1972. *Group Processes and Productivity* (New York: Academic Press).

¹²⁵ Laughlin, P. R. 1980. *Social Combination Process of Cooperative Problem-Solving Groups at Verbal Intellectual Tasks* // M. Fishbein (ed.). *Progress in Social Psychology*, Vol. 1, (Hillsdale, NJ: Erlbaum). pp. 127-155.

распространенный консенсус среди членов группы по поводу того, что является, а что не является правильным¹²⁶.

Есть и другие возражения против использования статистических методов для изучения демократических процессов. Некоторые методологи¹²⁷ вообще опровергают каузальные утверждения формы чем “больше х, тем больше у”. По их мнению, такие утверждения не являются истинными, поскольку не обладают логической основой. С. Тернер отрицает, что несовершенные корреляции можно рассматривать как приближенные к истинным каузальным процессам. По его мнению, в логическом отношении, не существует метода перехода от общих предположений (которые всегда идеализированы и совершенны) к беспорядочному миру неточных отношений. Статистика не дает ответа на этот лежащий в основании политической системы вопрос.

Невозможность четкого определения избирательных предпочтений людей стала краеугольным камнем критической теории Вильяма Райкера¹²⁸. Он утверждал, что поскольку все системы голосования носят манипулятивный характер и побуждают людей быть неискренними относительно своих предпочтений, обеспечить “значимые” результаты невозможно. Поскольку нельзя узнать, какие именно избиратели были неискренними, и в какой степени эта неискренность проявлялась при голосовании, то создать демократические институты, которые отражали бы предпочтения всех граждан так, чтобы это можно было проверить с высокой степенью эмпирической достоверности, не получится. В. Райкер¹²⁹ особенно сильно критиковал то, что он назвал “популистской теорией голосования”, истоки которой он отслеживает еще у Ж. – Ж. Руссо. Она основана на идее, что существует воля людей как некий абстрактный общественный феномен, и что демократия – самый надежный

¹²⁶ Kerr, L. N., MacCoun, R. J., and Kramer, G. P. 1996. Bias in Judgment: Comparing Individuals and Groups // *Psychological Review*, (103). pp. 687-719.

¹²⁷ Turner Stephen P. 1987. Underdetermination and the Promise of Statistical Sociology // *Sociological Theory* (5): pp. 28-33.

¹²⁸ См. Riker, William H. 1988. *Liberalism against Populism. A Confrontation Between the Theory of Democracy and the Theory of Social Choice*. (Prospect Heights: Waveland Press).

¹²⁹ William H. Riker, 1964. *Federalism: Origin, Operation, Significance* (Boston: Little Brown). pp. 1-10.

инструмент для определения этой воли как общественных ожиданий по достижению национальных целей. В. Райкер утверждает, что демократический популизм является опасным методологическим принципом, поскольку, как показывает известная “теорема невозможности” Нобелевского лауреата Кеннета Эрроу, узнать или хотя бы определить общую волю любым внутренне последовательным способом невозможно¹³⁰.

Внутренняя непоследовательность создает манипуляцию, которая позволяет в популистских демократиях развиваться тирании. Манипуляция носит характер искусственного увеличения или уменьшения предложенных альтернатив¹³¹. По мнению В. Райкера, поскольку избранные чиновники получают свои места с помощью избирательных манипуляций, свободу можно защитить только сведя к минимуму власть, которую получает каждый конкретный чиновник. Однако подобное пожелание выглядит на практике слишком трудно реализуемым. Признание как ценности индивидуализма, так и требование массовости – одно из главных институциональных противоречий демократии: люди должны оставаться индивидуальными агентами с эгоистичным и рациональным рыночным поведением, но одновременно голосовать так, чтобы большинство голосов обеспечило бы победу той или иной политической программе или партии.

Избирательные процессы, по мнению Дж. Бьюкенена и Г. Таллока, становятся менее эффективными с ростом числа участников. Чтобы политическое решение было эффективным, против него никто не должен возражать. Ведь решение участвовать в избирательных и политических процессах носит добровольный характер. Необходимо согласие всех сторон. Если же число участников сделок на политическом рынке или мобильность самих участников увеличивается, то вероятность единодушия сокращается¹³².

¹³⁰ Arrow, K. 1983. Social-Choice and Justice: Vol. 1 of Collected Papers of Kenneth J. Arrow. (Cambridge: The Belknap Press of the Harvard University Press), pp. 3-4.

¹³¹ Bowles, Samuel 2000. Individual Interactions, Group Conflicts, and the Evolution of Preferences // Steve Durlauf and Peyton Young (eds.). Social Dynamics (Washington, DC: Brookings Institutions).

¹³² Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии / Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М., 1997. с. 126.

Отдельно для достижения добровольного согласия Дж. Бьюкенен отмечал важность разоружения (как говорил Б. Франклин: "Демократия – это договоренность о правилах поведения между хорошо вооруженными джентльменами"). Когда издержки политической войны становятся слишком большими, нужно договориться о том, чтобы перестать стрелять друг в друга.

Ключевое противоречие демократической формы правления заключается в невозможности создать систему, которая бы в максимальной степени учитывала "мотивационную гетерогенность"¹³³. Структурные сложности нельзя изменить ритуальными заклинаниями о необходимости своеобразных жертвоприношений во имя господства отдельных политических идей или поверхностными социально-политическими реформами.

Сформулируем вышеописанное противоречие другими словами. За внешним фасадом демократии скрываются недемократические процедуры. Формально избирательный процесс выглядит справедливым: у каждого человека есть один голос, и выражая свое мнение, он может добавить его в копилку будущей (или настоящей) программы любой политической партии. Подобная точка зрения основывается на убеждении, что голоса всех людей являются равными. Очевидно, что это не так. Предпочтения у людей (не говоря уже об издержках участия) проявляются по-разному.

Здесь можно указать на "принцип различия", сформулированный Дж. Роулсом, который определял социальную полезность альтернативы как равную минимальной и индивидуальной ее полезности¹³⁴. Разной является и стоимость голоса, т.е. социальные, экономические, временные и психологические затраты (включая, например, терпение и внимание), связанные с принятием обдуманного и взвешенного индивидуального решения по поддержке той или иной партии и дальнейшем участии в голосовании, а также финансовой или организационной поддержке "своей" партии (как своеобразный

¹³³ Bolton, Gary and Axel Ockenfels, 2000. ERC: A Theory of Equity, Reciprocity, and Competition // American Economic Review, (90). pp. 166-93.

¹³⁴ Rawls, John. 1996. Political Liberalism. Vol. 4, The John Dewey Essays in Philosophy (New York: Columbia University Press).

институциональный “запас прочности”) в случае, если она терпит поражение на выборах. Разными являются также альтернативные издержки, связанные с возможностью для избирателя, не участвуя в выборах, потратить сэкономленное таким образом время на другие цели или участвуя в выборах, “продать” свой голос, получив небольшое денежное вознаграждение (как показывают послевыборные скандалы в России, “избирательная рента” составляет примерно тысячу – другую рублей), подарок, или некоторое административное поощрение или вообще не использовать его, отказавшись от участия в выборах. Именно от демократической системы зависит, поощряют ли ее институты активное гражданское участие или же побуждают людей к довольно циничному оппортунизму по извлечению кратковременной экономической выгоды из избирательного процесса.

Существует достаточно правдоподобная социально-психологическая концепция, согласно которой время реакции и точность сделанного выбора связаны определенной зависимостью. Качественная характеристика этой зависимости может быть определена следующим образом: человек, чтобы выиграть время, теряет в точности. Точности принятия решения препятствует когнитивная особенность мозга, когда при быстрой переработки информации основная ее часть обрабатывается на подсознательном уровне. И наоборот, стремление к точности выбора между несколькими альтернативами (принимая во внимание т. н. “фоновую информацию”) удлиняет время реакции на вызов.

Неравномерными оказываются и убытки, связанные с неправильным или ошибочным политическим выбором того или иного варианта решения или поддержки той или иной политической партии. И это легко объяснимо: людей мало интересует то, что выходит за круг их непосредственных социальных обязанностей и предпочтений. По ряду вопросов, выносимых на голосование, у людей могут отсутствовать твердые или устойчивые взгляды и убеждения, поскольку их предпочтения часто лежат в других жизненных областях. Тем не менее, усложненность современного общества требует, чтобы люди обдумывали в течение длительного времени важные политические вопросы до

того, как начинали по ним голосовать¹³⁵. Обдумывание снижает издержки двумя способами: во-первых, проясняя уже существующие индивидуальные предпочтения, оно позволяет законодателям подготовить проекты, соответствующие интересам большинства¹³⁶, которые, по крайней мере, не будут отклонены сразу, без предварительного рассмотрения. Во-вторых, оно создает возможность для достижения политического компромисса со взаимными уступками, который будет удовлетворительным для обеих сторон¹³⁷. Для достижения компромисса необходимо постоянно следить за балансом политических сил, уступать по одним малозначимым позициям и твердо стоять по другим, более важным и принципиальным, пытаясь в целом выиграть от компромисса с политическими оппонентами как можно больше. Компромисс подразумевает “срединное” решение, которое, вероятнее всего, сохранится даже при смене власти и частичной замене правил игры и стандартов взаимодействия. Достижение компромисса становится возможным не благодаря прямому политическому противостоянию, а с помощью обходного дипломатического пути. Однако в компромиссе часто оказывается заинтересованным только те социальные агенты, которые понесут основные убытки в случае ошибочного решения избирателей на выборах.

Рыночное поведение является краткосрочным, а рыночная рациональность – это рациональность кратковременной транзакции между покупателем и продавцом с учетом соответствующих транзакционных издержек, количества времени и финансовых ресурсов. Рыночная экономика постоянно продуцирует т.н. “экстерналии” – т.е. “внешние издержки” по отношению к экономическим агентам. Рациональность отдельного экономического обмена может обернуться своей противоположностью, если принимать во внимание стратегические и общенациональные цели развития

¹³⁵ Monroe, Burt, 2005. Democratic Institutions: Theory and Possibility // Electoral Systems in Theory and Practice: Toward an Empirically Relevant Theory of Social Choice, Workshop in Political Theory and Policy Analysis Papers. (IN, Indiana University, Bloomington). pp. 23-56.

¹³⁶ Guttman, A. and Demniss T. 1996. Democracy and Disagreement (Cambridge: Harvard University Press).

¹³⁷ Habermas, Jurgen. 1996. Between Facts and Norms. Translated by W. Rehg. (Cambridge: MIT Press).

общества. К примеру, если долговременным приоритетом развития общества является достижение социальной справедливости, то рыночный индивидуализм должен быть существенно ограничен. И наоборот, долговременные либеральные цели связаны с жестким выбором. Они часто подразумевают, что обществу придется принести в жертву социальную защищенность, коллективные права на высокий уровень социального обеспечения как необходимую плату за ускоренное модернизационное развитие с неизбежным возрастанием маргинализации, ростом употребления наркотиков, проституции, психическими расстройствами и т. д. Очевидно, что если идеологическим приоритетом будет безопасность, то придется пожертвовать частью свободы и наоборот. Речь идет об относительном выборе – невозможно “получать все и сразу” - в некоторых случаях модернизационная политика улучшает одни социальные параметры, с неизбежной компенсацией в виде ухудшения других.

Рациональность неучастия в демократических процессах иногда выступает формой своеобразного “шантажа”. Преимущество часто получает сторона, не обладающая высокими моральными устоями, которая меньше всех заинтересована в политическом компромиссе или у которой преобладают установки на достижения других, более значимых для нее или ситуационных целей, поскольку в силу своей меньшей заинтересованности в конкретной демократической процедуре она может получить больше при рыночном обмене своего участия (или хотя бы нейтралитета и воздержания от голосования) на альтернативные блага. В целом “шантаж неучастия” в процедурах голосования существенно подрывает легитимность политического режима и ставит под сомнение саму сущность демократической системы. Если незаинтересованность в исходе голосования демонстрирует большинство избирателей (абсолютное или относительное), то, помимо того, что избирательные предпочтения искажаются, стоимость отдельного голоса как рыночного актива с альтернативными возможностями по использованию увеличивается. Политические партии становятся крайне заинтересованными в голосах небольших групп избирателей или даже отдельных людей, что

приводит к более внимательному отношению партийных функционеров к повседневным проблемам людей или даже росту количества и стоимости подарков, выделяемых избирателям как своеобразную компенсацию за их участие в выборах и особенно за их голос.

Демократическое неучастие создает проблему “безбилетника”. Это проблема практически одновременного увеличения символического капитала и/или статуса у всех игроков, когда деятельность одного из социальных агентов (например, по продвижению трудового законодательства) увеличивает блага, получаемые другими игроками, вне зависимости от их реальной активности и собственных затрат энергии и ресурсов.

Демократическое голосование как форма нахождения оптимального компромисса может использоваться только среди равных в социальном отношении сторон. Дело здесь не в эгалитаризме, а в том, что все стороны должны быть одинаково чувствительными к потерям в случае неудачного выбора. Если же одна сторона рискует большими издержками, а другая меньшими - появляется опасность разбалансированности целей и больших потенциальных потерь. Причем проигрывает неизбежно именно тот, кому “больше всех надо”.

Демократия поддерживается потенциальными угрозами нарушения правил со стороны ключевых социальных субъектов примерно равных между собой по силе социально-политического воздействия и экономическому положению. Или по Т. Гоббсу, “равными являются только те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе”¹³⁸. Причем желательно, чтобы ущерб от несоблюдения демократических и электоральных институтов для всех ключевых социальных агентов носил был неприемлемый или невозполнимый характер, чтобы этим ущербом нельзя было пренебречь из-за его незначительности. Потенциальная возможность получить невозполнимый вред в случае непредсказуемых или односторонних действий

¹³⁸ Критика взглядов Т. Гоббса, в которых государство трактуется как эффективное институциональное решение проблемы коллективных действий см. Ostrom, V. 1991. The Meaning of American Federalism: Constituting a Self-Governing Society (San Francisco, CA: ICS Press).

приводит к тому, что общество вынуждено создавать демократические институты как площадки для обсуждения общественных проблем (например, законодательные органы власти или неправительственные организации) и одновременно блокировать не договороспособные внесистемные группы, которые лишены электоральной возможности и/или желания договариваться с другими социальными и политическими субъектами. Демократические общества ограничивают участие в политической жизни радикальных групп, которые используют незаконные инструменты политической борьбы или высказывают экстремистские, расистские и/или ксенофобные взгляды.

В Соединенных Штатах демократия возникла как форма институционального компромисса, когда выборность институтов власти, демократической процедуры и государственного управления заменила первоначальное нерегулируемое “ковбойское” насилие социальных групп между собой. Широкая распространенность огнестрельного оружия во второй половине XIX века как материальной основы защищенности локальных групп от других социальных субъектов сделало необходимым поиск институтов договорного характера. Как пишет Кеннет Эрроу, общества “в своей эволюции развили точные соглашения определенного вида по сравнению с другими, соглашения, которые необходимы для выживания общества или, по крайней мере, они в значительной степени способствуют эффективности его функционирования”¹³⁹.

Демократия показала, что не обязательно физически бороться с группами с отличающимися политическими взглядами и ценностями, для продвижения своей точки зрения достаточно получить большинство голосов на выборах соответствующего уровня или путем логроллинга получить лояльность и политическую поддержку со стороны своих союзников или даже оппонентов. Демократический способ управления общества позволяет находить компромисс даже сторонам с неустойчивым положением, стоящим друг напротив друга, и не использовать насилие или угрозы другому субъекту в том, что его

¹³⁹ Arrow, K. 1951. *Social Choice and Individual Values* (New York: John Wiley and Sons). p. 26.

положение ухудшится. Хотя такая угроза вовсе не подразумевает, что она будет непременно реализована (угроза сильнее ее исполнения), но она содержит в себе потенциальную возможность изменения сложившегося соотношения политических сил или распределения экономического или социального капитала, и для нейтрализации и сглаживания резкой трансформации правил игры необходимы институты.

Социальные агенты обычно не знают позицию, которую они или их оппоненты будут занимать в институтах власти в будущем. Конечно, люди могут полностью реализовать свои возможности, поскольку их реализация напрямую зависит от имеющейся институциональной структуры, и с постепенным изменением общества, постепенно меняются и институты. Учитывая “завесу невежества”, у каждого агента появляется побуждение создавать институты, из которых можно извлекать пользу при любых обстоятельствах¹⁴⁰. Не зная, какие институты будут наиболее удачными в будущем, социальные агенты стремятся создавать институты, которые распределяют власть таким образом, что, вне зависимости от того, кто возглавит правительство в будущем, они не понесут серьезных убытков¹⁴¹. Поскольку люди обладают несовершенным знанием об общественных процессах, а динамика социальной трансформации характеризуется бесконечной неопределенностью, то “эволюция институциональной структуры никогда не достигнет состояния равновесия”¹⁴². Таким образом, “в теории или на практике не существует механизма, который объединяет индивидуальные предпочтения в групповые, не нарушая определенные принципы логики и справедливости”¹⁴³.

¹⁴⁰ Firmin-Sellers, Kathryn. 1999. The Concentration of Authority: Constitutional Creation in the Gold Coast // McGinnis, Michael D., ed. Polycentric Governance and Development: Readings from the Workshop in Political Theory and Policy Analysis (Ann Arbor: University of Michigan Press). p. 189.

¹⁴¹ См. Przeworski, Adam. 1991. Democracy and the Market (New York: Cambridge University Press).

¹⁴² Kuhnert, S. 2001. An Evolutionary Theory of Collective Action: Schumpeterian Entrepreneurship for the Common Good // Constitutional Political Economy. (12).

¹⁴³ Arrow, K. 1963. Social Choice and Individual Values, 2nd ed. (New Haven, Conn.: Yale University Press).

Как демократические, так и авторитарные политические системы с набором уже сложившихся связей и отношений между отдельными элементами лучше всего приспособлена для собственного воспроизводства. В авторитарном обществе, где решения чаще всего принимаются на основе неформальных связей и договоренностей, именно вложения в подобную форму долговременного социального капитала будут наиболее эффективным институциональным решением политических проблем. Этот процесс напоминает модель “конкурентной ассимиляции” Дэвида Лэтина¹⁴⁴, которую он разработал на базе анализа поведения русскоязычного населения в странах Прибалтики. Д. Лэтин утверждал, что лучшей индивидуальной стратегией, которая предоставит наибольшие шансы на успешное трудоустройство в этих странах, является изучение местного языка. Поскольку родители осознают, что другие родители будут действовать аналогичным образом, они постараются дать своим детям образование на языке местной государственности.

Если оставить в стороне само содержание данной модели (все-таки этничность довольно сложно сводить к одной лишь внешней рациональности), то можно применить эти теоретические выводы к институциональным процессам развития демократии. Если наиболее влиятельные акторы бизнеса считают, что самым эффективным способом обеспечения безопасности их собственности является неформальная связь с аппаратом чиновников, то именно этот вариант поведения они и выберут, поскольку иначе существует опасность проиграть в конкурентной борьбе. Полная уплата налогов и сборов возможна только тогда, когда их станут целиком платить все экономические субъекты. Иначе при прочих равных условиях уплата налогов автоматически означает, что предприниматель ставит свой бизнес в заведомо неконкурентоспособные условия. Как подчеркивают исследователи, “позитивный аспект неформальных отношений на протяжении многих лет заключается в том, что эти формы и отношения ... являлись способом

¹⁴⁴ Laitin, D. 1996. Language and Nationalism in the Post-Soviet Republics // Post-Soviet Affairs, Vol. 12 (1). pp. 4-24.

выживания (и остаются таковыми) значительной части населения...”¹⁴⁵. Формальные правила (к примеру, в сфере налогообложения) не отвергаются напрямую, скорее социальные агенты ищут пути их обхода в повседневной деятельности. Р. Капелюшников пишет: “В России “вживание” формальных регуляторов приводило к совершенно иному, неожиданному результату – к еще большей активизации “нестандартных” поведенческих моделей и непрерывному расширению их ассортимента”¹⁴⁶. На процесс деформализации существующих формальных норм и правил институциональной структуры указывают и экономисты, которые считают, что углубление разрыва между неформальными и формальными институтами выступает как главная причина стагнации в обществе¹⁴⁷. Неформальные нормы возникают в спонтанном взаимодействии участников, там, где юридические правила оказываются неэффективны, и они обычно не прописаны официально. Они возникают как институциональные пустоты или ловушки, когда определенные отношения не урегулированы формальными институтами и когда предписания оказываются настолько негибки, что не позволяют эффективно действовать в конкретных ситуациях.

Выбираемые бизнес - игроками стратегии “обтекания” формальных правил сопряжены с необходимостью нести особые транзакционные издержки как плату за обход законов и безопасность от соответствующих контролирующих административных органов. “Такие издержки непосредственно зависят от степени вовлеченности субъекта в неформальную практику и могут быть довольно значительными по своим масштабам. Однако они все-таки существенно ниже издержек легализации, т.е. тех затрат, на которые субъекту пришлось бы идти при соблюдении всех формальных

¹⁴⁵ Кузнецова Т. Некоторые аспекты исследования неформальной экономики в России // Вопросы экономики. 1997. №9.

¹⁴⁶ Капелюшников Р. “Где начало того конца?..” (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. №1. с. 145.

¹⁴⁷ Радаев В. Деформация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. 2001. №6. С. 63.

правил...”¹⁴⁸. Работая в “серой” сфере, хозяйственные агенты не просто уходят из-под государственного контроля, но пытаются изменить его порядок в свою пользу путем теневого лоббирования индивидуальных или групповых интересов. Вместо политического оспаривания формальных правил или судебного опротестования способов их применения заключаются деловые соглашения между бизнесом и государством о конкретных условиях реализации этих правил в отношении отдельных агентов и групп агентов.

Демократический режим нуждается в институте независимого суда, но его не нужно рассматривать как некую абстрактную субстанцию, что-то вроде Высшего суда после Апокалипсиса. Независимость судебной власти не должна пониматься как возможность выносить произвольное юридическое решение по собственному усмотрению. Независимость от политического или административного вмешательства не должна пониматься как независимость от закона или общественного мнения.

Суд как институт демократии должен сочетаться с высокой стоимостью иных альтернативных источников и каналов, позволяющих человеку добиться нужного ему решения внесудебным путем или восстановить нарушенные права. Если внесудебные институты есть, и они практически легальные и более дешевые, чем издержки, которые стороны должны понести в случае судебного разбирательства, то спорные вопросы можно решить не обращением в суд, а с помощью третейских, профессиональных и других организаций, участвующих в урегулировании споров и конфликтов между различными сторонами или, как в России путем применения административных связей и телефонного права. Ограничение доступа к другим институциональным каналам подразумевает высокие расходы на поддержание судопроизводства. Наибольшее количество ресурсов на поддержание судебной системы могут выделить самые богатые и развитые страны, поэтому не удивительно, что две трети адвокатов в мире – американцы. Услуги адвокатов и юрисконсультов стоят не дешево, а без их помощи часто даже “справедливое” дело выиграть не очень просто. Поскольку

¹⁴⁸ Жердев В. А. Актуальные проблемы налогового контроля. М. 2001. с. 7.

для получения нужного решения требуются значительные ресурсы, экономическое неравенство в доступе к справедливому суду невозможно отменить. К сожалению, в России «судья стал независим по закону с его неподотчетным и пожизненным статусом. Но этот статус не был подкреплён финансово. Система столкнулась с новой напастью – многое стали решать деньги. Не секрет, что в обиходе арбитражных судов противоправно вошел термин «цена вопроса», а в практике судов общей юрисдикции бытуют и подкуп, и угрозы, и давление»¹⁴⁹.

Такие факторы как известность адвоката, подсудимого или его экономический и социальный статус можно рассматривать как несправедливые преимущества, поскольку характер их распределения между социальными агентами никак не связан с сущностью рассматриваемого дела. Недостаток ресурсов по одним институциональным каналам, с одной стороны, компенсируется коррупцией, манипуляциями, инструментальном контроле и др. - с другой. Это можно рассматривать как стремление общества вернуться к ситуации оптимального (или динамического) равновесия. Так, в российском судопроизводстве экономические возможности бизнеса часто уравниваются административным давлением властей.

Если бизнес – агенты выбивают противоположный стиль поведения и отказываются от существенных финансовых расходов и трат других видов ресурсов на поддержание связей, проведение нужной встречи, получение неформальной поддержки того или иного чиновника, сотрудника административных и правоохранительных органов, то в бизнес - расходы необходимо также включить потенциальную стоимость издержек, связанных с отказом от этой формы деятельности. Результатом будет, вероятнее всего, проигрыш в конкурентной борьбе. А также отказ от подобных попыток в будущем у других заинтересованных субъектов. Применение новой социальной практики неоправданно: слишком большие риски проигрыша в конкурентной борьбе. Поэтому нарушению законов и коррупции в общественном сознании

¹⁴⁹ Яшманов Б. Наши судьи неподсудны. Но подкупны. // Российская газета. 2000.17 апреля.

легко находятся смягчающие обстоятельства. С институциональной точки зрения коррупцию можно рассматривать как один из вариантов решения социальных дилемм, и получения одностороннего преимущества, поскольку чаще проще просто дать взятку, чем тратить ресурсы на адвокатов и согласование противоречащих норм.

Если взаимодействовать с государством на формальном юридическом уровне сложно, если применение законов или других юридических норм предполагает значительные расходы, то экономические субъекты вне зависимости от своего желания вынуждены выходить на неформальный уровень, поскольку законы или не исполняются, или вовсе отсутствуют. Издержки поддержания неформальных отношений часто довольно низкие: фактически речь идет о стоимости телефонного звонка или почтовых расходов на отправленное письмо, вместо дорогостоящих контрактов, нанятых адвокатов и юридических консультантов, что позволяет сохранить часть ресурсов и потратить их на другие, более полезные нужды. Люди обычно предпочитают отойти от закона чуть в сторону и приблизиться к неформальному общению, но закон, как и “мертвый” якорь на корабле, должен создавать свое незримое и фоновое присутствие. Он служит дополнительной гарантией безопасности будущих отношений, и партнеры знают, что если взаимоотношения на неформальном уровне не сложатся, они всегда смогут (правда, с существенными издержками) перейти на привычный и обкатанный путь формализованного взаимодействия по правилам и нормам, которые приняты в обществе.

Неформальные связи не всегда устойчивы, поскольку завязаны на личностный фактор. Что, к примеру, должен делать бизнесмен, если снимают с должности знакомого чиновника или даже переводят его на другую работу? Ведь создавать “с нуля” дружеские отношения с новым и незнакомым человеком сложно. Издержки большие, а гарантия отсутствуют. Другое дело, если взаимодействие происходит на формальном уровне. Тогда личность человека, с которым сотрудничает социальный агент, становится уже не такой

важной. Постоянство правил является самым надежным способом снизить транзакционные издержки: если они и не равны нулю, то, по крайней мере, весьма близко к нему стремятся. Постоянство правил оставляет мало возможностей для произвольного толкования. Если любой человек, вне зависимости от политических взглядов, идеологических убеждений и социальных интересов, применяет правила одинаковым образом, значит, во-первых, не нужно заботиться о переделке закона или принятии нового. И во-вторых, не нужно мешать представителям других групп занимать в обществе такое положение, с которого они могли бы осуществлять операционное применение правил, поскольку можно полагать, что они применяются нейтрально, для всеобщей пользы, а не для блага отдельных лиц.

Коррупция помогает бизнесу фактически избегать общественного контроля, оставаясь в тени отношений неформального характера. Это метод компенсации институционального несоответствия формально задаваемых целей и реальных неформальных возможностей их реализации. Демократические общества менее коррумпированные, поскольку демократия подразумевает существование оппозиции, а значит постоянную критику всех ошибок, совершаемых чиновниками, которые находятся у власти, в том числе ошибок коррупционного характера. Если правящая элита осознает, что издержки для развития общества от продолжения коррупционной деятельности больше возможных издержек от имплементации антикоррупционных действий, то происходит трансформация политики.

Для борьбы с коррупцией предполагается минимизировать взаимодействие граждан с государством, а также провести потенциальную замену чиновников электронными автоматами, действующими ради реализации общего блага. В одном фантастическом романе для выполнения роли руководителей делали специальных киборгов. Однако функции суда не может выполнять компьютер, способный по заданной программе анализировать

качество доказательной базы¹⁵⁰. И, как показывает опыт государственных электронных аукционов и закупок, электронизация связана со значительными трудностями и приносит только минимальную выгоду.

В современной России коррупция рассматривается элитой как средство политического контроля и демонстрации социального статуса как принадлежности к правящему слою. Коррупцированные силовые органы легче использовать как инструмент политического сыска и неформального давления на оппонентов, чем их не коррупцированных коллег. Если начальник знает, что его сотрудники занимаются чем-то незаконным, ретивых подчиненных всегда можно поставить на место. «Размах коррупции в российском государственном аппарате, вызван не какой-то особой «порочностью» или «вороватостью» русских...а причиной более объективной – тотальной отчужденностью власти не только от общества, но и от подавляющей части своих собственных слуг»¹⁵¹. Кроме того, коррупционные связи часто образуют патримониальные сети, спланивающие различные политические и экономические группы на основе совместного неформального “бизнеса”. Чиновнику, который не входит в коррупционные сети и не участвует в “откатинге” или “распилинге” государственного бюджета или сотрудникам правоохранительных органов, которые отказываются “крышевать” криминальный бизнес, делать профессиональную карьеру сложно. Поэтому предпринимателям есть смысл направлять часть средств не на экономическую деятельность, а на внедрение в бюрократические круги, чтобы таким образом защищать свои экономические интересы. В традициях меркантилизма бизнесу выгоднее обслуживать политиков, чем потребителей.

Коррупция зависит от наличия т. н. “социальных сбережений” как социального резерва, который используется в случаях, когда нужно, например,

¹⁵⁰ Портнов В. Мина для фемиды, или как формируются кадры для судейского корпуса // Российская газета. 2000. 25 ноября.

¹⁵¹ Кривошеев В.В. Криминализация общества: сущность процесса, российская специфика. Калининград, 2000. С. 99.

домохозяйствам откупить своих сыновей от армии. Деньги на эти цели откладываются заранее.

Подавление коррупции внешними грантовыми вливаниями, как это происходит в современной Грузии, подавляет экономические стимулы и деформирует мотивы людей. Происходит относительная депривация: одни группы людей, которые получали позиционную (коррупционную) ренту из-за своего статуса, резко депривируются в социальной структуре, а группы, которые получают внешнее финансирование, напротив, укрепляют свое социально-политическое положение. Если общество не может позволить себе хорошо оплачиваемых чиновников, то коррупция, по-видимому, неизбежна как сигнал о структурных недостатках общества.

Чтобы коррупционное нарушение было невозможно или затруднено в максимально возможной степени, ограниченность коррупционного выбора должна быть всеобщей. Но фактически борьба с коррупцией похожа на борьбу снаряда и брони или борьбу с допингом в спорте, которая не приводит к уменьшению случаев применения допинга, а всего лишь совершенствует методы выведения запрещенных веществ из организма спортсменов. Эта социальная дилемма не имеет практического решения, поскольку ключевым институтом как в политических, так и спортивных играх является положение – “победитель получает все”.

Демократия предполагает рациональность поведения и направленность ожиданий социальных агентов, которые не должны действовать нанося себе вред. Ожидания представляют собой эталонный образец, который выступает в виде модельной реализации определенной стратегии поведения, меняя ее направленность в зависимости от ситуационных факторов и внешних условий. Ожидания по отношению к человеческому поведению существует нескольких видов. Во-первых, это ожидания социализированного поведения. Поскольку необходимо регулировать ситуацию, связанную с нарушениями общепринятых норм, общество вырабатывает специальные правила как ожидания их невыполнения в определенных ситуациях.

Рациональность обеспечивает сохранение социальной системы, точнее сказать, препятствует ее изменению. Можно ожидать, что стратегические игроки будут “искать такие институциональные правила, которые предоставят им наибольшую долю благ”¹⁵². Разумеется, не нужно переоценивать индивидуальную рациональность: рациональное поведение каждого по отдельности может привести к всеобщему нерациональному результату, что прекрасно известно из классических “дилемм заключенного” и трагедий “общинных выпасов”¹⁵³. Ведь в случае, если кто-то из участников нарушает принятые институты и получает тем самым несправедливые преимущества, неизбежно происходит сдвиг функциональной эффективности. Другие социальные агенты стремятся к похожим нарушениям. Чтобы этого не происходило демократическая система должна с помощью институциональных санкций возвращаться в ситуацию динамического равновесия, когда “никто из игроков не сможет получить большее преимущество, если он применит альтернативную стратегию, отличающуюся от стратегий других игроков”¹⁵⁴.

Последний рассматриваемый социальный вызов – функциональная автономия институтов власти. При создании социального механизма, направленного на решении какой-то функции, всегда существует вероятность “замыкания – в - себе”, и дальнейшего его использования уже в интересах бюрократии. Исследования в области управления показывают, что в административных организациях происходит сдвиг от целей, которые ставит правительство к целям, более соответствующим собственным интересам бюрократии. Эти цели включают в порядке предпочтения: защита самой организации, расширение ее роли и обычно бюджета, осуществление

¹⁵² Knight, J. 1992. The Spontaneous Emergence of Social Institutions: a Bargaining Theory of Emergence and Change. *Institutions and Social Conflict* (New York: Cambridge University Press). pp. 123-170.

¹⁵³ Blomquist, William and E. Ostrom. 1985. Institutional Capacity and the Resolution of a Commons Dilemma // *Policy Studies Review*, Vol. 5, #2 (November), pp. 383-393.

¹⁵⁴ Цит.. по Knight, J. 1992. The Spontaneous Emergence of Social Institutions: a Bargaining Theory of Emergence and Change. *Institutions and Social Conflict* (New York: Cambridge University Press). p. 168.

правительственной политики¹⁵⁵. Еще отчетливее эту институциональную особенность выразил Гордон Таллок. Он следующим образом перефразировал Адама Смита: “Мы получаем исследовательский грант или социальный чек не из-за благотворительности бюрократа, а из-за его заботы о его собственном, а не об общественном интересе”¹⁵⁶. Усовершенствовать подобную систему довольно сложно. Если мы выстраиваем целевую функцию под реализацию конкретной программы, то нужно смириться не только с тем, что “цель будет оправдывать средства”. Существует вероятность того, что бюрократический механизм будет существовать даже после завершения программы и реализации цели, что может привести к значительным издержкам, и, в конечном счете - к отклонению от поставленной цели.

У процедурной демократии свои “непреднамеренные последствия”. Значение процедуры сложно переоценить: именно процедурная демократия присуща англосаксонским странам. Как пишет Гарри Экштейн, “для британцев процедура – не просто процедура, но почти сакральный ритуал”¹⁵⁷. Но последовательная реализация процедуры (без изменений в соответствии с трансформациями внешних условий) может привести к таким же абсурдным ситуациям, как в случае с целью, - к разрушению самой системы.

Под демократией часто понимают “власть большинства”, но в некоторых случаях принятые им необдуманные решения могут привести к отрицательным эффектам. Если же предусмотреть ситуации институционального выхода из процедуры, то возникает функциональная автономия, от которой необходимо уходить, поскольку одно исключение из правил приводит к другому, потом к следующему и т. д. Речь идет об относительном выборе – между эффективностью конкретного социального решения и необходимостью сохранять рамочные институты по поддержанию системы. “Функцией всех структур является сохранение формы и создание опоры, что, очевидно, требует

¹⁵⁵ Peters, B. Guy. 1984. *The Politics of Bureaucracy: A Comparative Perspective* 2nd ed. (New York and London: Longman).

¹⁵⁶ Tullock, Gordon. 1965. *The Politics of Bureaucracy* (Washington: Public Affairs Press).

¹⁵⁷ Efstein, H. 1996. *Division and Cohesion in Democracy: Study of Norway* (Princeton: Princeton University Press). p. 265.

пожертвовать определенной долей свободы...”¹⁵⁸. В мире нет универсальных организмов – которые обладали бы огромной массой, зубами и когтями и были всеядны. Животные обладают относительными преимуществами, и могут жить в различных экологических нишах. Более специфические механизмы обладают множеством природных преимуществ¹⁵⁹. Единственное универсальное животное – человек, который биологически, однако, очень ограничен. В качестве компенсации ему была предоставлена возможность сознательно изменяться. Для изменений нужен некоторый запланированный потенциал, пределы текущего развития оставляют определенные возможности на будущее. И в каждый момент приходится отказываться от одних альтернатив, чтобы реализовать проекты.

Неизменяемое общество обречено на разрушение, поскольку израсходовав потенциал своего развития, оно не сможет больше изменяться под воздействием внешних вызовов, а когда “механизмы становятся менее специфическими и стремятся выполнять более широкий круг задач, [то], в конечном счете, рушатся под тяжестью тех задач, выполнение которых от них ожидается”¹⁶⁰.

Человеческое сознание в принципе легко воспринимает изменение внешних условий. Если стратегические изменения будут приняты за тактические, а это окажется не так, и выбор будет ошибочным, то человек проиграет. Чтобы снизить вероятность ошибок, рационально мыслящий индивид каждое тактическое изменение воспринимает как стратегическое. Сознание действует здесь как хороший адвокат, который старается зацепиться за каждую двусмысленность или неясность, предоставляемую ему нечеткими формулировками и размытыми положениями. Дальше происходит расширение круга смягчающих обстоятельств до тех пор, пока точное исполнение самой

¹⁵⁸ Цит. по Кара-Мурза Т. Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. М. 2002. С. 159.

¹⁵⁹ Gigerenzer, G., P. M. Todd, and A. R. Group, eds. 1999. Simple Heuristics That Make Us Smart. Evolution and Cognition. (New York and Oxford, Oxford University Press).

¹⁶⁰ Tooby, J., and L. Cosmides, 1992. The Psychological Foundations of Culture. The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture. Jerome H. Barkow, Leda Cosmides and John Tooby. (New York, Oxford University Press). p. 102.

нормы уже не становится фактически исключением. Однако чрезмерно адаптационное общество является также нестабильным, поскольку экономика, сдвинувшись с равновесного роста, не сможет вернуться обратно.

Дилеммы относительного функционального выбора и развития присущи не только социально-политической сфере, но и миру природы, поскольку “совершенство всякого приспособления определяется внешней средой, поэтому приспособление всегда относительно. Приспособленное к одним условиям, к одному уровню организации, оно перестает быть таковым в других условиях, на других уровнях. Панцирь наземных черепах – надежная защита от многих врагов, но не эффективен против хищных птиц, которые в когтях поднимают их в воздух и сбрасывают на землю ... относительность приспособлений выступает не только в пространстве, но и во времени; последнее доказывается фактами вымирания многочисленных органических форм в прошлые эпохи развития биосферы Земли”¹⁶¹. Природа заботится о выживании только отдельных общностей, поскольку предполагается отсекание нежизнеспособных проектов. Природа безжалостна к отдельному индивиду, и социальные субъекты должны заботиться о себе сами, если хотят сохраниться.

С методологической точки зрения проблема социальных дилемм демократии заключается во внесистемной постановке задачи. Существует математическая теорема Курта Геделя, которая гласит: в любой абстрактной системе знаний, начиная с определенного уровня сложности, всегда имеются истинные утверждения, которые не могут быть доказаны средствами этой системы. И ложные утверждения, которые не могут быть опровергнуты. Говоря другими словами, “во всякой достаточно мощной системе истинность предложений системы неопределима в рамках самой системы”¹⁶². Для доказательства или опровержения этих положений требуется использование более развернутой системы знания, в которой, в свою очередь, также будут содержаться истинные, но недоказуемые положения, а также ложные, но

¹⁶¹ Яблоков А. В., Юсуфов А. Г. Эволюционное учение. М. 1989. с. 175.

¹⁶² См. Поддъяков А. Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. М. 1997. с. 16.

неопровержимые, и так до бесконечности. Однако истинность самого утверждения о недоказуемости некоторых истинных положений науки Геделя как раз и удалось доказать. Из теоремы Геделя о неполноте следует логический вывод - невозможно теоретическим путем доказать универсальность найденных законов или принципов и установить степень их истинности, ценности, существенности¹⁶³.

На социологическом языке существующую здесь сложность можно сформулировать в виде высказывания Альберта Эйнштейна¹⁶⁴, который утверждал, что “никакую проблему нельзя решить на том же уровне, на котором она возникла”. Иначе говоря, существуют задачи, которая не может быть проверена методами системы. Задачи, методологически не решаемые. Как говорил Дэвид Юм, “хотя мы можем подбросить мяч и он тысячу раз упадет на пол, у нас нет достаточных доказательств, чтобы утверждать, что он упадет и в тысячу первый раз”¹⁶⁵.

С теоремой К. Геделя связано еще одно важное понятие “алгоритмической неразрешимости”. Речь идет о том, что существуют классы корректно поставленных массовых проблем, допускающих применение алгоритмов, для которых, тем не менее, доказано отсутствие каких-либо алгоритмов их решения¹⁶⁶. А в более сложных системах многозначных, модальных и других неклассических логиках присутствуют еще больше зон несогласия и интерпретации¹⁶⁷. В любой системе есть задачи, которые не могут быть решены в ее рамках и ее средствами. Для этого требуется переходить на следующий, повышенный уровень. Верно и обратное утверждение. Есть внесистемные задачи, которые не могут быть решены в рамках данной системы. Цели, достичь которые заведомо невозможно. Хотя формально логическая система является абсолютно замкнутой, фактически этого не

¹⁶³ Волькенштейн М. В. Энтропия и информация. М.: Наука. 1986. с. 181.

¹⁶⁴ Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 2. М. 1966.

¹⁶⁵ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения. М. 1965. т. 1. с. 203-204.

¹⁶⁶ Плесневич Г. С. Неразрешимые алгоритмические проблемы // Энциклопедия кибернетики. Т. 2. Киев: Гл. редакция УСЭ, 1974. С. 87-89.

¹⁶⁷ Lewis, David. 1986. On the Plurality of Worlds (Oxford: Basil Blackwell).

происходит. Если решение носит по отношению к системе внешний характер, то возникает сложность в поисках внутренних для этого решения опор.

Образуется разрыв между формально заданными целями и фактическими возможностями, разрыв между целью, которая находится на некотором отдалении по отношению к системе, и внешней границей этой системы. Преодолеть подобный разрыв довольно непросто, поэтому дальше начинаются своеобразные “приписки” и подтягивание результатов, получаемых внутри системы, до формально заданных параметров. В социальных системах невозможно начать с начала, системы уже сформированы, остается их только интерпретировать и объяснять. Остается нерешенным вопрос, где взять социальный и экономический “материал” на строительство “мостика” между внутренней и внешней системами, и не возникнет ли почва для злоупотреблений и коррупции. Не приводят ли поэтому демократические реформы в неподготовленной институциональной среде к “сверхстимуляции ребенка, который вырастает слишком быстро”?¹⁶⁸

Глава 4

Институциональный распад в демократическом обществе

Существующие институты с многочисленными структурными перекосями и деформациями являются несовершенными. Чтобы адаптироваться к новым ситуациям, социальные агенты расширяют алгоритмы оценки, трактуя изменения как новые ситуации, точнее сказать, как исключения или как вариации ситуации старой, которая все еще не ставится под сомнение. Человек запоминает: обычно происходит вот так, но иногда – по-другому. И хотя ни причины, ни природа такого изменения человеку точно не известны, подобное исключение фактически расширяет альтернативы имеющихся возможностей и стратегий. Одна стратегия является основной, она ориентирована на главный

¹⁶⁸ Dwight Macdonald, 1964. A Theory of Mass Culture // Mass Culture. ed. Bernard Rosenberg and David Menning White. (New York: Free Press). p. 66.

массив ситуаций и правил, и другая выступает в роли дополнительной и ориентированной, главным образом, на немногочисленные исключения.

Чем выше репертуар институционального реагирования у конкретного социального агента и общества в целом, чем с большим количеством потенциальных исключений оно знакомо, тем проще подобрать эффективный “ключик” к каждой конкретной ситуации и отпереть любую понравившуюся “дверь”. Во внимание принимаются как временные издержки на ознакомление с новой системой правил, так и затраты, связанные как с осуществлением нового института, так и со сложностью овладения ею на уровне, достаточном для применения, пропорциональность затрат и риска предполагаемому вознаграждению, и частотность распространения новой стратегии, особенно в знакомой социальной среде. Эффективность нового института должна перекрывать и временные, и трансформационные издержки.

Традиционное общество стремится подобрать уровень приемлемой эффективности или приемлемых институциональных потерь. Внешнее воздействие приводит к тому, что общность начнет искать инновационные пути развития. Если некоторые из членов традиционного сообщества конструируют новый институт и получают тем самым преимущество в одной из социально-экономических сфер, то в дальнейшем они передают этот опыт своим родственникам, друзьям и знакомым. Потенциальная возможность успеха, связанная с применением новых институтов, часто привлекает образованных и талантливых людей, особенно из молодежи. Приток новых ресурсов перетягивает чашу весов в столкновении старых обычаев с новыми институтами. Это означает, что в долгосрочной перспективе эффективность нового института будет заметно выше, чем старой практики, которая постепенно выходит из употребления. Как правило, старые институты редко осознают потенциальную опасность конкуренции. Когда же опасность осознается, менять что-либо оказывается уже поздно.

Поскольку первоначальный опыт был успешным (а иначе новый институт и не сформировалась бы), его начинают применять все больше людей, что

зависит от надежности источника, который передает инновационный институциональный опыт, и степени его влияния на реципиента. Каждое поколение решает, что именно заимствует из практики прошлого как своеобразного “запаса знаний”. Передается как удачный социальный опыт, так и неудачный, причем различить в начале, какие элементы являются удачными, а какие нет, - не очень легко. Успешный лидер передает удачные правила своим преемникам, а неудачный лидер для копирования переносит неудачные нормы. Подобный перенос сложно контролировать самому человеку. Это вариация на тему “информационной асимметрии” в сфере образования или здравоохранения: сложно контролировать процесс обучения или лечения, тем кто не является специалистом в этой сфере.

Понятие социальных агентов как “осведомленных” и “предоставляющих возможности” подразумевает, что они способны применить свои структурно формируемые способности для работы творческими способами, и если достаточное количество людей или даже несколько наиболее активных из них, обладают достаточной властью, чтобы действовать инновационно, последствиями может стать трансформация самих структур, предоставляющих трансформационные возможности.

Следующее поколение последователей обладает уже некоторыми первоначальными преимуществами по сравнению с представителями других общностей. Положительные преимущества могут стать отрицательными, когда происходит резкое социальное изменение или новый вызов, который вводит в оборот очередную институциональную практику. Сторонники прежнего института запаздывают – им сложнее отказаться от прежнего успешного опыта, чтобы принять практику, последствия применения которой не очевидны. Если новая практика оказывается успешной, то “старая” группа постепенно проигрывает социальное соревнование и опускается на позиции аутсайдеров.

При выборе института значения имеют и субъективные вкусы и пристрастия, и объективные факторы, мало зависящие от человека. Так, например, в спортивной карьере таким фактором может выступить

недостаточный рост или наличие определенного наследственного заболевания. Иногда новая институт появляется как результат случайной или ошибочной трансмиссии, возникшей при применении старого правила. Однако изменение одного правила само по себе не может радикально повысить эффективность социальной системы, тем более, что вся структура и правила этой системы будут бороться с новоявленным мутантом. Чтобы сохраниться как в социальном, так и в психологическом отношении, чтобы изменить конфигурацию правил, успешный актер вынужден предпринимать все силы для изменения окружения, в котором он находится.

Наблюдение за видимыми изменениями или нарушениями правил создает новую возможность, которой можно потенциально воспользоваться. Это не значит, что человек будет нарушать правила в похожих случаях. Но возможность нарушения существует “в запасе”. Значение имеют еще и ожидания конкретной группы людей. Иногда напрямую ожидается, что люди будут нарушать те или иные нормы, если только не хотят обрести в группе маргинальный статус. По существу, попытки создать и навязать в своем применении нормы “не высовываться”, “не делать больше, чем от тебя требуется” и т.п. – а такие нормы распространены не только в школьных или студенческих коллективах, но и во многих профессиональных сообществах и корпорациях, - является бессознательной попыткой социальной группы воспрепятствовать процессу институционального распада и сохраниться как некое целое. Но такая попытка является слабой и довольно иллюзорной, поскольку “исключения порождают исключения” – и процесс институционального распада остановить не удастся. Чем чаще социальные агенты сталкиваются с исключениями, тем больше оснований у них сомневаться в магистрального поведения, и тем больше предвестников будущих конфликтов, институциональные основы которых уже заложены.

Толерантность современного общества, которой одни восторгаются, а другие – осуждают, имеет непосредственную связь с возможностью свободного наблюдения или даже участия в ситуациях, которые в прошлом

рассматриваются как исключительные. Поведение становится более гибким, что меняет привычные для человека ценностные основы и стереотипы поведения. Если исключений слишком много, то очевидно существование множества людей, которые нарушают формальные нормы.

Изменение институтов происходит путем постепенного расширения сферы их применения. Если человек нарушает некоторые социальные нормы и при этом добивается успеха, то общественное сознание нуждается в объяснении. Такую ситуацию должны объяснить себе и “стражи институтов”, те, кто отвечает за контроль над незыблемостью существующих правил. Возможно, успех - просто случайное сочетание невероятных факторов, когда везет одному человеку из множества, поэтому больше такого никогда не получится, а возможно, в обществе происходят некие структурные сдвиги, и теперь самое время менять правила игры. Отличить решения, приводящие только к тактическим преимуществам, от тех, которые принесут стратегические блага, достаточно трудно, поскольку сложно определить, какая именно ситуация возникает в конкретном случае.

Социальные изменения приводят к тому, что появляются группы недовольных. В зависимости от того, насколько такие слои оказываются влиятельными, возникает проблема компенсационных выплат. Но компенсационные выплаты просто за чистое недовольство характером реформ осуществляются редко: сторона, которая в обмен на рынке социальных и политических транзакций может предложить только эмоции, обычно проигрывает. Характер политических изменений носит вид своеобразного аукциона. Конечно, это не означает, что происходит некое мероприятие, на котором выигрывает тот, кто предлагает больше наличных (или безналичных) денег или финансовых активов. Побеждает тот, кто предлагает обществу наилучший альтернативный пакет и более эффективные конкурентоспособные правила. Но вначале необходимо накопить достаточно ресурсов на разработку самого политического проекта.

Успешность трансмиссии институтов зависит от характера внешних или внутренних вызовов. Внешние вызовы обычно носят стандартный характер: любое государство должно решить ограниченный круг задач в экономической, политической, культурной и социальной сферах, а также сформировать национальное единство и общую гражданскую идентичность. При этом в современном обществе модернизация проходит в крайне неблагоприятных условиях роста стоимости практически всех ресурсов (от нефти до пшеницы), технологий (из-за более строгого применения норм авторского права, чего не было в XIX – первой половине XX вв.), рабочей силы и капитала. Стандартные задачи предполагают наличие некоторых общих ответов. Трансмиссия институтов происходит не только в территориальном или региональном отношениях, но и в более широком плане: из одной социальной сферы - в другую, из одной области управления – в смежную, и даже из прошлого времени – в настоящее. Трансмиссия институтов происходит также путем пропаганды их дисперсии в общественном дискурсе и создания иллюзии, что “так делают все”. Если норма значительно распространилась, это означает, что старая уже не работает или работает недостаточно эффективно.

Основным механизмом трансмиссии институтов является процесс институционального распада, которому можно найти аналоги в биологических системах. Разрушение отдельного организма служит стратегическим целям эволюции: каждая отдельная клетка потенциально бессмертна и может существовать неограниченно долго, а любая совокупность клеток неизбежно должна закончить свое существование с помощью распада. Части целого не могут существовать без целого. Слишком крупная и единообразная биологическая система не может адекватно реагировать на новые вызовы, и даже, вероятнее всего, бесконечно расширяясь в экологическом пространстве, не сможет обеспечить себе пропитание. Природа заранее боится себя от появления универсальных и бессмертных организмов, у которых отсутствуют биологические враги.

Невозможно быть уверенным ни в благосклонности природы, ни в том, что человечество является конечным объектом эволюционного развития. Каждый вызов, каким бы незначительным он ни казался вначале и издалека, необходимо рассматривать как существенное препятствие, которое вполне может прервать весь долгий и тяжелый путь эволюционного развития человека.

В социальной сфере, так же как и в биологических процессах, действует закон сверхкомпенсации: любой структурный недостаток или неполноценность компенсируется гораздо шире, чем это необходимо просто для возвращения к первоначальному и предполагаемому равновесию здорового организма. Но верно и противоположное: “нормальное” развитие (в обыденном смысле этого слова) является ограничением потенциального сверхразвития, поскольку не позволяет воплотиться тем вероятным возможностям, которые могут раскрыться только в ситуации существенного ущерба или прямой угрозы выживанию организма. Многие методики спортивной тренировки специально построены на создании искусственной угрозы организму человека, с тем, чтобы спровоцировать дополнительный рост скорости и силы.

Даже если не рассматривать случаи психических заболеваний, при которых отдельные составные части личности борются друг с другом или, к примеру, раковые опухоли, уничтожающие живые клетки, можно утверждать, что внутренняя конкуренция, временами приводящая к уничтожению целостности системы, – одна из свойств живых организмов. В социальной сфере проявляется действие аналогичного закона, обеспечивающего сохранение общества. Любые радикальные отклонения стремятся к срединной линии. С эволюционной точки зрения подобный механизм сопротивления инновациям обеспечивает выживание общности. Если бы каждый лидер начинал радикальные преобразования, полностью отрекаясь от прошлого, то такая деятельность могла бы привести или к удачному исходу, или к неудачному, с двумя соответствующими вариантами: успех или катастрофа. Но бесконечный перебор вариантов означает, что часть из них оказываются ошибочными. И даже единственная ошибка могла бы стать для общины

последней и привести к вымиранию группы. Поэтому сообщество стремится выработать правила по профилактике опасного поведения своих членов.

Природа предусмотрела механизмы уничтожения всего того, что отклоняется от некой определенной нормы. Уничтожение особей, которые представляют опасность для стаи принесет меньший вклад в процесс сохранения и воспроизводства генетического материала, является биологическим механизмом сохранения вида. Природа благоприятствует только виду в целом, но не его отдельным представителям. Социальные дарвинисты часто относят к “неприспособленным особям” наркоманов, алкоголиков, и в целом девиантов. Однако человеческое поведение гораздо сложнее упрощенных биологических схем: многие известные творческие люди никак не соответствовали нормативным представлениям.

Нечто подобным занимаются и генетики, стремящиеся сконструировать организмы с особыми качествами. Но тут есть некоторые отличия. Во-первых, они совершенно точно знают, какой именно организм они хотят получить в результате всех своих преобразований – социальные дарвинисты таким знанием не обладают. И второе отличие – генетики никогда не испытывают моральных и этических колебаний по поводу сознательного уничтожения большинства мутантных вариаций сложного и дорогого экспериментального материала.

Хотя неизвестно, как именно социальные факторы запускают биологические процессы, механизм социальной блокировки нововведений напоминает биологическую защиту от вторжения чужеродного тела в организм. Отбор является селекционным: все, что не дотягивается до некоего минимального уровня, установленного рамкой переменных параметров, либо оставляется на волю эволюционного саморазрушения, либо подвергается сознательному уничтожению. Возможно, некоторые новые вещества или микроорганизмы могли бы принести пользу, но поскольку цена ошибки слишком велика, организм запрограммирован на то, чтобы уничтожать все, что отличается от параметров, заданных в ходе эволюционного развития. Данная норма не очень способствует развитию, но и не дает погибнуть.

Дихотомию “правило/исключение”, зародившуюся еще на заре общественного развития, можно рассматривать как результат спонтанной самоорганизации. В ней заложена своеобразная “защита от дураков” – в случае серьезной ошибки срабатывает внутренняя защита по ограничению опасного поведения.

Институциональный распад как процесс “социального почкования” развивается по алгоритму, схожему с процессами развития организаций: когда внешние элементы системы начинают активнее взаимодействовать с внешним миром, чем с самой системой, прежде нечеткая пунктирная граница между отдельными структурами становится институциональным водоразделом. Университеты создают отдельные учебные и научные подразделения, которые стремятся формализоваться в исследовательские центры, кафедры и факультеты, широким фронтом выступая по всем научным направлениям. Аналогично крупные корпорации проводят внутреннюю реструктуризацию и “разбивают” единую организационную структуру на новые функциональные элементы, что усиливает борьбу за власть и позиции. Так, например, от корпорации Форда отделилось отделение фонда Форда, компания по производству вооружений и т.д.

Большое число оснований обеспечивает устойчивость организаций, но одновременно подрывает стабильность каждого из них в отдельности, а значит - организации в перспективе. Подобно простейшим организмам, организации склонны к размножению, которое не носит механистического характера. Оно зависит от усложненности внутренней структуры организации, особенностей становления ее полифункциональности, а главное – от направленности параллельных потоков ресурсов и информации, если они не завязаны на прежний центр управления так, как это было раньше. В новой ситуации изменения в структуре означают необходимость поиска организационной формы, которая будет лучше приспособлена для того, чтобы соответствовать подобным изменениям. Обычно лидеры рассматривают различные альтернативные проекты, которых не должно быть и слишком много, иначе

большая часть ресурсов сообщества будет расходоваться напрасно. Внутренняя автономность различных частей организации является предпосылкой для ее постепенного распада. Когда происходит изменение институциональной формы, жесткая структура становится формой свободной ассоциации, элементы которой сохраняют свое взаимодействие главным образом в силу привычки. Со временем разрыв усугубляется. На определенном этапе структурного развития организация распадается.

Как только организация обретает устойчивые границы, она становится хрупкой. “Чем более сплочена организация, тем выше уровень ее институционализации; чем больше она раздроблена, тем ниже уровень ее институционализации. Очевидно, что некоторая мера согласия является условием существования любой социальной группы. Эффективная организация требует, как минимум, значительной меры согласия относительно функциональных границ группы и относительно процедур для разрешения конфликтов, возникающих внутри этих границ. Согласие должно охватывать тех, кто активен в системе. От не участвующих или тех, кто учувствует в функционировании системы лишь спорадически и маргинально, согласия не требуется, обычно они и не охвачены общим согласием в той же мере, что активные участники жизни системы”¹⁶⁹.

Неоднородность социального пространства создает дифференциацию организации, различные элементы которой стремится преодолеть эту неоднородность с помощью повышенных затрат внутренних ресурсов. Наличие большого количества законов и норм в одной сфере и недостаток регулирующих правил формального и неформального характера, организованных в институциональный дизайн в другой, приводит к более сильному давлению на одних участках и более слабому на других. Со временем возникает функциональная специализация, связанная с попытками противодействия именно данному виду внешнего давления. Это служит

¹⁶⁹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. 2004. с. 41.

причиной дальнейшей функциональной дифференциации – и одновременно важным фактором, усиливающим ее.

Перспективные организационные формы разбиваются по линиям выбора союзников; среди людей, радикальных первоначально в одинаковой степени, в движении маневра некоторые видят преимущество в том, чтобы присоединиться к более умеренным группам, в то время как другие с той же начальной позиции бросаются в противоположную сторону и стремятся сохранить чистоту своей программы и свободу действия¹⁷⁰.

По мнению Л. Козера, “конфликты, как в рамках, так и между бюрократическими структурами помогает избежать разрастанию ритуализма и остификации, которые нарушают организационную форму”¹⁷¹. Распад организации проходит по линии границ ее элементов, тесно связанных с внешним миром. Хотя взаимодействие происходит на довольно узком участке, структуры и функции внешних элементов организации также дифференцируются. Чтобы противостоять давлению, пограничная оболочка организации укрепляется, получая больше информации и ресурсов. Так же и в природной среде: высокое давление не уничтожает обитателей океанических глубин, оно просто видоизменяет их и заставляет приспосабливаться максимально возможным образом к этой среде. Но обычно только в этой.

Неравномерность внешнего давления создает зоны повышенного и пониженного воздействия на организацию и приводит к социальной деформации как ретрансформации различных элементов внутренней структуры. Менее важные элементы структуры получают меньше ресурсов. Организационные элементы, отвечающие за координацию и устойчивость системы в целом в более выигрышном положении, и стремятся сохранить и упрочнить его. И напротив, не испытывающие постоянной функциональной нагрузки, структуры организации постепенно прекращают существование.

¹⁷⁰ Collins R. 2001. Weber and the Sociology of Religion // Journal of Classical Sociology, Vol. (2), p. 179.

¹⁷¹ Coser, L., 1971. Social Conflict and the Theory of Social Change // Smith C. G. ed. Conflict Resolution: Contributions of the Behavioral Sciences. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press.

Чем четче границы организации, чем более структурированный характер носят каналы взаимодействия с внешней средой, тем больше они подвержены деформациям агрессивной среды, тем проще их изменить. Стремление сформировать устойчивую структуру означает, что заранее задаются параметры будущего распада. Чем неопределеннее границы, тем сложнее на них воздействовать, тем сложнее их деформировать под влиянием внешних воздействий, поскольку деформация поглощается эластичностью. По схожему алгоритму происходит распад неформальных групп в политической сфере. Напоминая старение биологических организмов, он проходит быстрее и с более драматическими последствиями практически с момента рождения.

Распад завершается, когда внутренние элементы прежде единой структуры обретают отдельные и автономные источники ресурсного обеспечения, что приводит к возникновению автономной лояльности. Такая лояльность может раскалывать организацию на две части. Происходит противопоставление целевой лояльности структурной, и люди должны решать за они или против в условиях отсутствия срединной линии и повышенного институционального напряжения. Если лояльность к группе или организации низкая, то внешнее воздействие в форме открытого подкупа или косвенного манипулирования перспективными возможностями может поменять привязанность человека. И наоборот, значительный символический капитал может длительное время удерживать сообщество от распада.

Социальная система вынуждена компенсировать несоответствия между плотностью формальных институтов и неформальных правил. Общественные системы по-разному решают эти проблемы. Наилучшим вариантом является высокая гибкость структуры – т.е. наличие норм, которые уравнивают внешнее давление со стороны агрессивной среды, наподобие того, как это происходит в физических процессах. От гибкости институциональной структуры напрямую зависит характер социально-экономического развития и скорость модернизационного развития. Именно трансформации экологических институтов привели к изменениям в организационной структуре нефтяных

компаний, а также в стратегиях и корпоративной логике менеджмента¹⁷². Особую роль в конструировании институциональных рамок играют специалисты в области права и экономики, менеджеры, перенося инновации из организаций, с работой которых они хорошо знакомы или имплементируя то, что являются частью профессионального знания. В целом, любая профессиональная группа создает “стандарты” в области своей деятельности и экспертизы, например, в области предотвращения ВИЧ¹⁷³. Другой пример: социологи описали роль канадских ассоциаций бухгалтеров в изменении привычных бухгалтерских счетов и институтов, а также принятии “нового организационного архетипа”¹⁷⁴.

Переход к новым институтам предполагает наличие прогресса, то есть, переход от худших правил к лучшим. Бремя доказывания ложится на тех, кто предлагает новую практику. Социологи проанализировали институциональную трансмиссию нормы связи компенсации топ – менеджерам с финансовыми показателями компаний. Советы директоров крупнейших компаний, которые не принимали соответствующие нормы в деловой практике рассматривались экономическими субъектами как безответственные и не защищающие интересы акционеров. И наоборот, те, кто принимали новые правила игры, как бы “вознаграждались” фондовым рынком¹⁷⁵.

Исследователи указывают, что пересекающиеся советы директоров, т.е. личностные связи конкретной компании с сетями национальных корпоративных элит, действовали как горизонтальные связи, облегчающие трансмиссию информации между организации. Тем самым такие инновации в сфере корпоративного управления как “золотые парашюты” и “отравленные

¹⁷² Hoffman, Andrew, W. 2001. Linking organizational and field level analysis // *Organization and Environment*, 14, pp. 133-156.

¹⁷³ Brunsson, Nils and Bengt J., eds. 2000. *A World of Standards*. Oxford, UK: Oxford University Press.

¹⁷⁴ Greenwood, R., Roy Suddaby, and C. R. Hinings. 2002. Theorizing change: the role of professional association in the transformation of institutional fields // *Academy of Management Journal*, 45, pp. 58-80.

¹⁷⁵ Westphal, James D., Edward J. Zajac. 1998. The symbolic management of stockholders: Corporate governance reforms and shareholder reactions // *Administrative Science Quarterly*, 43, pp. 127-153.

пилюли»¹⁷⁶ обретали не только институциональную, но и когнитивную легитимность. “Отравленные пилюли” в случае враждебного поглощения дают возможность купить акционерам новые акции по цене 2 за 1. Подобные “бизнес – рецепты” как способы организации экономической деятельности в рамках четкой институциональной логики¹⁷⁷ возникли среди компаний Fortune 500 в США в 1980е годы как инновационный ответ на возросшую угрозу недружелюбного поглощения.

Трансформация институтов в виде принятия новых технологических стандартов и нормативов заставляет предпринимателей брать новые кредиты и займы и совершенствовать организационный и производственный процессы. Государство, меняя нормативные стандарты социальных или физических объектов, заставляет бизнес подстраиваться под новые требования, разрабатывать научно-техническую документацию, закупать оборудование, применять более совершенные технологии и переобучать сотрудников.

Институты не только принимаются государством, но и конструируются в ходе обсуждения между своими членами специальными институциональными инноваторами (профессиональными ассоциациями, профсоюзными организациями, союзами, неправительственными организациями, фондами, университетами, организациями по аудиту и консалтингу и пр.). В США в сфере здравоохранения численность таких организаций составляет более 100¹⁷⁸. Поскольку удачные институты часто находятся случайно, и невозможно быть уверенным заранее, что инновация оказалась успешной, инноваторы обычно объединяются в рамках институциональных полигонов или инкубаторов (например, в виде Силиконовой долины), которые выполняют функции не только практической проверки и отработки различных вариантов, которые

¹⁷⁶ Davis, Gerald F., Kristina A. Diekmann, and Catherine H. Tinsley. 1994. The decline and fall of the conglomerate firm in the 1980s: the deinstitutionalization of an organizational form // *American Sociological Review*, 59, pp. 547-570.

¹⁷⁷ Whitley, Richard D. 1992. The social construction of organizations and markets: The comparative analysis of business recipes // *Rethinking Organizations: New Directions in Organization Theory and Analysis*, edited by Michael Reed and Michael Hughes. Newsbury Park, CA: Sage, pp. 120-143.

¹⁷⁸ Scott, W. Richard. 1994. Law and organizations // *The Legalistic Organization*, edited by Sim B. Sitkin and Robert J. Bies. Thousand Oaks, CA: Sage.

предположительно, будет использоваться и другими социальными агентами, но и трансформации и замены устаревшего законодательства более совершенным, принимаемым соответствующими законодательными органами

Институциональные полигоны обычно приводят к созданию зон высокой эффективности, результаты деятельности которых помогают справляться с неблагоприятными модернизационными последствиями. Но значительная часть ресурсов, сэкономленных за счет внедрения более эффективных правил, уходит на борьбу с неэффективной внешней средой. Повышение расходов на охрану внутренней системы неизбежно понижает ее эффективность, что тут же вызывает существенный перетек социальных ресурсов из самой системы до тех пор, пока разница между внутренним и внешним давлением не сведется к нулю, пока система не стабилизируется. Во многих модернизирующихся странах, свободные экономические зоны, в которых господствуют либеральные экономические институты и принятые в западных странах бизнес – правила для инвесторов, отделяются от другой неэффективной и традиционной части страны мерами. Иногда, как это происходит в Панаме, высокоэффективные “локомотивы развития” территориально сегрегируются с помощью колючей проволоки.

Но даже такие меры государственного характера не спасают “высокоэффективную” систему от внешних неэффективных институциональных проникновений, поэтому время от времени американцы высаживают там морских пехотинцев с целью наведения порядка. Аналогичные проблемы существуют в России, когда национальные проекты от проведения Олимпиады до строительства транснациональных нефтепроводов используются местными властями как источник извлечения ресурсов, в т.ч. и коррупционного характера. Чтобы неэффективные институты не вытесняли постепенно эффективные, не нужно строить “орбитальные космические станции на Земле”. Требуется повысить “среднюю эффективность” использования ресурсов.

В социально-эволюционном значении институциональный распад не является свидетельством деградации социальных структур, некой навязанной

карой за отрицательное поведение или совершенные ошибки. Перспективы сохранения институциональных исключений, направляющих развитие в обход старых и привычных путей, напоминают шансы биологических организмов с новыми дефектами. Это дело не только личных усилий, но еще и исторического случая, и задача “дарвиновского контролера”, осуществляющего отбор пригодных институтов от совершенно непригодных среди множества неустойчивых норм прямо противоположного содержания.

Распад институтов не есть лишь процесс естественного разрушения, параллельно проходит процесс появления новых институтов, скорость которого напрямую зависит от накопления символического капитала. Чем быстрее произойдет процесс накопления, тем быстрее они могут поставить вопрос о том, надо ли им и дальше оставаться в рамках общей структуры организации. Для ее сохранения, необходимо добиться общественного согласия, достижение которого сводится к поиску приемлемой степени институциональной незавершенности. Если согласия по поводу базовых правил добиться не удастся, это означает начало процесса социально-политической стагнации.

Глава 5

Институты власти, модернизации и демократия

Одной из важных институциональных проблем демократии является проблема контроля над выбором институциональных исключений, поскольку существует опасность злоупотребления ими. Хороший пример подобных злоупотреблений предоставляют голливудские (с начала 1990х гг. и российские) фильмы о преступлениях сотрудников спецслужб. В демократическом обществе должны существовать институты, в соответствии с которыми будут приниматься решения, в каких случаях демократические процедуры неприемлемы, и когда можно принести в жертву тактические блага демократии ради большего стратегического выигрыша в будущем.

Если в обществе существует “центральная зона культуры”¹⁷⁹, по поводу которой все основные социальные силы и группы согласны с устоявшимися культурными оценками, это допустимое и приемлемое решение еще можно найти. Но что делать, если “причастность к общей традиции” отсутствует? Эффективность расходов на развитие институтов демократии сложно оценить, но вполне возможно, что люди приобретут при этом некоторые дополнительные навыки, которые проявятся через тот или иной промежуток времени, когда этого уже никто не ожидает. Если социальные инвестиции направлены на улучшение качества гражданского общества, то очевидно, можно согласиться с разумностью подобных трат, даже если они и не несут обязательно немедленной финансовой и/или иной экономической отдачи.

Демократии можно записать в актив ряд неоспоримых преимуществ. Во-первых, демократия помогает реализовать потребность в сопричастности к принимаемым решениям. Она обеспечивает возможности для политического и гражданского самовыражения. Личный опыт участия в работе местного самоуправления, комитета по законодательству или комиссии по общественному контролю – самый убедительный аргумент преимущества демократии для людей, у которых подобный опыт имеется. Тем самым формируется гражданская лояльность, выходящая за рамки местного сообщества или религиозной группы, и это сплачивает нацию. Конечно, при подобном варианте инструментальная и экспрессивная ценности выбора демократической альтернативы должны совпадать.

Демократия напрямую связана с институциональной устойчивостью и гибкостью государства по отношению к внешним вызовам. Исторические исследования показывают, что октроирование государствами различных прав и свобод своим гражданам в XVIII-XIX вв., особенно с сфере создания организаций гражданского общества, позволило существенно усилить

¹⁷⁹ Shils E. 1961. Centre and Periphery // Polany M. (ed.). The Logic of Personal Knowledge (London: Verso). p. 117.

мобилизационный потенциал самих государств, и, например, создать массовую национальную армию со всеобщим призывом¹⁸⁰.

Принимая и признавая права всех граждан, проживающих на национальной территории, государственная власть получила на праве взаимности более широкий доступ к использованию значительных ресурсов общества, чем это происходило, к примеру, в Средние Века, когда мобилизация общества происходила по сословному принципу, и когда власть практически никогда не могла заставить населения защищать общее государство перед внешним врагом. Ополчение как отдельная военная сила стала значимым фактором именно в эпоху построения национальных государств. Распределение общих социально-экономических и социально-культурных благ (и уменьшение значения сословного принципа в политической жизни) привело к такому же повсеместному распределению обязанностей, в том числе, по отношению к государственной и военной службе. Что и происходило во времена Французской и Американской революций. Частично уступая управление обществом народным массам (и особенно “третьему сословию”), государственный аппарат получил источник дополнительных ресурсов, причем ресурсов с минимальными издержками на использование.

Гражданское общество в странах Европы возникло и длительное время существовало под патронажем государства. Интерес к самоорганизации граждан проявился в эпоху колониальных захватов, когда государственным властям понадобилось использовать весь возможный потенциал развития авантюристов и маргиналов, не входящих в социальную структуру и систему классов, которые составили социальную основу переселенцев на новые земли. Европейские государства сознательно “закрывали глаза” на проявления личностной свободы на колониальных окраинах, либерализм которых изначально носит девиантный и анархический характер. Затем государство

¹⁸⁰ Posen, B. 1993. Nationalism, the Mass Army, and Military Power // International Security 47 (Fall). pp. 80-125.

стало “догонять” общество, и период первоначальной свободы сменялся жестким контролем.

Демократия появилась, когда правительству потребовались дополнительные ресурсы, и участие народа в управлении было расширено. Гражданское общество стало своеобразным “страховочным” институтом, который может взять на себя управление после падения политического режима. И наоборот, слабость государства сопровождается слабостью гражданского общества. В несостоявшемся государстве система взаимодействия с гражданским обществом оказывается неэффективной. К примеру, в Польше XVI-XVIII вв. институты государства были слабы – и это не только не создало институциональных предпосылок для формирования успешного гражданского общества или рыночной экономики, структурные дефекты государственной системы привело к разрушению аппарата власти, а в конечном счете – поглощению и разделу Польши.

С тех пор мало что изменилось. Государство продолжает оставаться институтом по переводу ресурсов общества на внешние по отношению кА н этому обществу цели развития, прибегая при этом как к договоренностям с другими значимыми субъектами, так и к мошенничеству, обману и прямому насилию. Любое усиление мобилизационного потенциала государства требовала и требует от властей сейчас обмена одних активов на другие, т.е. дарование гражданам определенных благ и свобод, с тем, чтобы заставить своих граждан подчиняться добровольно и нести государственные повинности. В тех случаях, когда по различным причинам сделать этого не удавалось, возникают т.н. “непредвиденные последствия”: массовая армия также массово и разбегалась – проблема дезертирства остро стояла не только в русской и советской армиях. С целью сохранения социальной системы демократические власти использовали гражданское общество как источник потенциальных ресурсов и активов. Государственный аппарат использовал их как для национальной безопасности, так и для сохранения власти. Иногда роль

гражданского общества берут религиозные организации, как, например, это происходит с исламскими сообществами в послевоенном Ираке.

Демократия необязательно побуждает в человеке лучшие нравственные качества, как, впрочем, и рынок. Капитализм не предполагает альтруистических целей, поскольку рыночное поведение – это поведение непосредственного эгоизма. Это поведение краткосрочной рациональности, поскольку выбор с точки зрения долгосрочной стратегии уже не является рациональным. Рыночное поведение ориентируется скорее на “здесь и сейчас”, и не рассчитывает на долговременные последствия, которые проявятся в следующем столетии или тысячелетии. Производитель ожидает от потребителя именно эгоистичного поведения. Он рассчитывает, что покупка будет совершена в идеале немедленно. Он не хочет, чтобы потребитель при наличии финансовых ресурсов, сильно обременял себя мыслями о необходимости сохранения окружающей среды в пользу будущих поколений. Такой чувствительный покупатель, скорее всего, откажется от покупки или будет предъявлять к товару повышенные требования. Рынок служит в виде “рамочного правила”, определяющего возможные вариации экономического поведения людей. Рыночное поведение управляет не только экономической сферой, но и социальной, и политической, поскольку рациональный человек одинаково эгоистичен (особенно в краткосрочном аспекте) во всех без исключения сферах.

Издержки на поддержание “демократического имиджа” государства и институтов демократии довольно велики. Постоянно увеличивающиеся расходы общества на поддержание институтов, защищающих и развивающих гуманистические и либеральные ценности, требуют постоянного роста экономической эффективности, что приводит к периодическому затяжному кризису. Демократия связана с предоставлением дополнительных институциональных альтернатив, которые общество должно оплачивать. Не случайно, что экономической основой первых демократий в мире (в Древней Греции и Античном Риме) был именно труд рабов. Издержки демократической

формы правления и тогда были достаточно велики, просто они сдвигались вниз по социальной структуре: платили самые обездоленные слои. Хотя уровень жизни африканцев, которые жили на рабовладельческих плантациях США или Латинской Америки, был фактически выше, чем у их соплеменников, проживающих свободными в тропических африканских лесах, это означает, что нужно создавать системы рабовладения. Подобный вариант уже невозможен.

Демократия в Европе укрепилась в течение нескольких столетий в ходе постепенного накопления символических, институциональных и материальных ресурсов. К примеру, в Англии дороги начали сооружаться еще во времена Цезаря. Конечно, они постепенно ремонтировались, и их покрытие – заменялось. Но это не меняет сути: постепенное накопление как ресурсов и физических объектов, так и готовых социальных практик (своеобразный “институциональный запас”) позволяет сейчас с меньшими усилиями регулировать развитие экономики, что существенно облегчает государственно-частные и общественно-частные отношения.

Если в традиционном обществе для регулирования доступа к ресурсам существуют многочисленные ритуалы самопредставления, нарративные описания в которых включают в себя рассказ о родителях, родственниках, месте проживания и т.п., то в современном обществе такой идентификационный документ как паспорт фактически выступает в качестве институциональной замены подобных ритуалов. За счет снижения соответствующих транзакционных издержек экономятся ресурсы, которые общество может потратить на развитие и/или на укрепление своего адаптационного потенциала к кризисным и экстремальным ситуациям и накапливаются “маленькие преимущества”, которые затем будут реализованы в крупные модернизационные инициативы.

В современном обществе основная часть ресурсов на развитие образования, культуры, науки и гражданского и правового общества изымается из природы в виде полезных ископаемых. В традиционном обществе подобное изъятие ограничивалось несовершенными технологиями и в целом низким

уровнем технического развития. Для проведения модернизации и реализации социальных проектов, разработанных еще в Античности потребовалось первоначальное накопление капитала самыми жестокими методами.

Последние пятьдесят лет на Западе работает школа макроисториков, которые подчеркивают значение длительных трендов в развитии общества. Макроисторическая социология испытала на себе сильное влияние со стороны неомарксизма, более того, ряд видных социологов работают в направлении методологической конвергенции этих двух парадигм. Особенно это относится к группе авторов, группирующихся в публикациях вокруг “New Left Review”. Кроме того, макроистория основывается на переработке взглядов А. Тойнби¹⁸¹ о замкнутых системах исторический вызов-ответ и на представлениях теории рационального выбора о рациональной сущности социального поведения.

Одним из положений макроистории является подчеркивание роли рэкета в появлении национального государства. Чарльз Тилли¹⁸² утверждает, что именно замена частного рэкета (то, что Ю. Крупнов назвал “трофейной экономикой”), государственным позволила накопить достаточное количество ресурсов для создания государств, максимизирующих сборы внутренних доходов. Неудачные проекты пиратских государств и других сообществ т.н. “бродящих разбойников”, которые пытались создать в разное время и на различных островах квазигосударства по распределительным и эгалитарным принципам, продемонстрировали, что успешность государственного механизма зависит от притока ресурсов извне, либо от их изымания из самого общества. Государство появляется, когда высокий ресурсный потенциал позволяет обществу совершить переход на уровень устойчивого развития, когда власти начинают вкладывать средства в развитие социальной и экономической инфраструктуры (наряду с заводами, властям приходилось строить дороги, больницы и т.д.) и правовых институтов.

¹⁸¹ Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс. 1991.

¹⁸² Tilly C. 1985. State-Making and War-Making as Organized Crime // Peter Evans, Dietrich Rueschmeyer, Theda Skospol (eds.). Bringing the State Back (Cambridge: Cambridge University Press).

Пиратские проекты рациональной и социальной организации общества закончились неудачно, хотя были для своего времени инновационными (можно сказать, что в некотором роде напоминали размышления Томаса Кампанеллы в “Утопии”). Это было лучшее, что могла предоставить социальная мысль XVIII в., и тем не менее, тем не менее, говоря словами Й. Шумпетеру, получить, “монополистическую премию” за создание инновации не удалось, поскольку аппетиты таких протогосударств стали превосходить имеющиеся ресурсы на их удовлетворения. Пиратство или рэкет – не самый эффективный способ увеличения ресурсного потенциала. Можно было ограбить галеон, перевозящий испанскую казну, – “государство” существовало, если корабля не было или он задерживался – “государство” разорялось. Рэкетирство предполагает значительную степень случайности. Успешное ограбление нельзя заранее предсказать. К тому же было важно не только ограбить неприятеля, но и привести домой или на свою базу добычу, и обменять ее на те ценности, которые требовались в тот момент. Так же как и ряд морских хищников не возражают против присутствия рядом с ними мелких рыбешек, выполняющих санитарно-гигиенические функции, так и рэкетирство не могло существовать без сопутствующих ему рыночных отношений. Пиратство не предшествовало рынку, оба этих социальных института развивались параллельно. История пиратских государств показывает, что относительно небольшая часть пиратов смогла разбогатеть и обрести известность, большая часть из них либо погибала в первом же бою, либо, скопив немного денег, покупали землю и становились фермерами. Как и в мире природы, хищники добиваются успеха в относительно небольшом количестве случаев.

Экономическая практика государств Персидского залива показывает, что можно вполне обойтись без первоначального накопления капитала путем ограблений колоний, рабовладения и т.п. Даже не самое эффективное извлечение природных ресурсов в виде ближневосточных нефтяных компаний позволяет избежать социальных потрясений, поскольку разрешает в принципе обходиться без традиционных длительных процедур по согласованию

политических интересов всех заинтересованных сторон, без многочисленных и трудно эффективных авторитарных попыток подавить оппозиции, без военных переворотов и бунтов и т.д.

Со времен Античности и Средневековья Европа использовала несколько стратегий для укрепления ресурсного потенциала наций - государств. Наиболее эффективной из них оказалось создание устойчивых гражданских структур в политической, культурной и религиозной сферах. Отношения между государственным аппаратом и гражданским обществом носили характер взаимно выгодного симбиоза. Стороны, сотрудничая в сфере государственно-частных отношений, относились друг к другу с подозрениями и сомнениями. Тем не менее, они нуждались друг в друге для реализации общих модернизационных целей. Говоря словами Ф. Броделя, они являлись “взаимодополняющими врагами” – все вместе их разделяло, но материальный интерес заставлял жить вместе¹⁸³.

Институты современного общества как результат распада синкретичного труда, характерного для традиционного общества, позволили максимально использовать каждый имеющийся клочок земли, ресурс и институциональный потенциал, в отличие от обществ древности, которые тратили большое количество ресурсов на символические пирамиды и другие подобные проекты. Если в традиционном обществе профессиональное разделение труда фактически отсутствует, каждый человек вынужден заниматься практически всеми видами труда одновременно, то современное общество получает экономический выигрыш за счет институтов, которые стали выполнять финансовые, транспортные, страховые, консалтинговые и пр. специализированные функции, так и более полного, чем в традиционном социуме, использования символического капитала, как и любой другой формы социального капитала.

Распад традиционного общества сопровождается ростом символизации

¹⁸³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. В 3 т. М. 1986.

активов. Появляется больше государственных и национальных наград и почетных должностей, предлагая которые местной элите, в обмен на получение политической поддержки. Человек, нагруженный символами (в форме дипломов, наград, специальных званий, неформальных связей), может участвовать в экономических отношениях, не занимаясь напрямую производством, продажей или предоставлением услуг, поскольку специальная рента возникает за счет облегчения доступа к другим ресурсам и расширения круга социальных возможностей. Нужно также учесть, что символизация физического капитала может приносить существенную прибыль обществу длительное место. Хотя, конечно, для жителей Древнего Рима или Египта было бы лучше, если бы ресурсы, используемые для создания пирамид или Колизея, применялись, например, для улучшения образования или медицины, но тогда история цивилизации сложилась бы по-другому. Современному Египту и Италии созданные в прошлом символические активы приносят далеко не символическую стоимость, являясь центром притяжения туристических потоков.

Э. де Сото¹⁸⁴ высказал предположение, что развития институтов государства главным является формализация уже существующих неформальных правил, прежде всего, права собственности. По мнению Джеймса Скотта¹⁸⁵, в традиционном обществе (в южных штатах Америки в XIX - начале XX и во Франции в XVII-XVIII вв.) права собственности защищены с помощью системы покровительства, когда представители элиты обеспечивают защиту клиентов, используя свое привилегированное положение. Формализация отношений собственности приводит к укреплению правовых и социальных институтов, необходимых для долгосрочных инвестиций, капитализации активов и экономический рост. Однако нужно отделить отношения собственности от институциональных отношений. Формализация прав

¹⁸⁴ Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М. 2004.

¹⁸⁵ Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник / Теодор Шанин, В.П. Данилов, Джеймс Скотт и др.; Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект Пресс. 1996.

собственности имеет смысл, только если можно взять кредиты с низкой процентной ставкой, если существует большое количество специализированных юридических и финансовых институтов и если эти права собственности будут признаваться другими экономическими субъектами. Иначе говоря, для формализации собственности нужно, чтобы существовали рыночные институты, которые делают эту формализацию возможным.

Элино́р Остро́м¹⁸⁶ приводит пример удачного структурирования коллективных неформальных норм и традиционных прав собственности в небольшой рыбацкой деревни на юге Шри Ланки. Рыбаки разделили право на ловлю рыбы между собой в зависимости от дня недели и точного места: ловить можно было либо на скалах, либо в гавани. Система постоянной ротации участков ловли снизила поводы для конфликтов между отдельными рыбаками и даже стала способствовать их взаимной кооперации. Право собственности тесно связано с совокупностью взаимных прав и обязанностей в общины. Рыночные преобразования в виде свободной продажи прав на вылов рыбы в строго определенном участке побережья в строго определенные дни фактически является бессмысленным: если нет помощи со стороны других рыбаков, то справиться с установкой сложных сетей крайне сложно. Такая сделка по купле/продаже и вовлечению нового участника в рыбную ловлю фактически не произойдет, если нет согласия со стороны всех остальных рыбаков.

Остается неясным вопрос, можно ли считать причиной возникновения подобных институтов сложные внешние природные условия (в частности, тяжелый труд рыбаков, для осуществления которого требуется помощь нескольких человек), и что произойдет, если, к примеру, изменятся природные условия и сделают труд слишком сложным, или наоборот, облегчат его. Что будет в случае использования новых технологий и инструментов, которые позволят труд в одиночку? Не приведет ли это к уничтожению совместных

¹⁸⁶ Ostrom E. 2003. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. (Cambridge: Cambridge University Press), pp. 149-157.

институтов? В данном примере существует и опасность внесистемного вызова, и Э. Остром упоминает об этом: деятельность крупных рыболовецких кампаний в море, которые, естественно, не учитывают интересов местных жителей побережья, приводят к постепенному уменьшению количества рыбы. Даже если не рассматривать внесистемные вызовы, ясно, что в традиционной общине право собственности является составной частью пакетного соглашения, куда входит и подразумеваемое использование общим колодезем, и взаимные обязательства перед соседями, вплоть до необходимости соблюдения общих праздников. Вначале требуется атомизировать общину, традиции и обычаи, которые являются институциональными аналогами юридического права собственности в современных государствах.

В традиционном обществе в условиях сильной взаимосвязи индивидуального и группового сознания отсутствуют современные институты (например, налоговые). Институт дара, описанный Марселем Моссом¹⁸⁷, выполняет примерно такие же функции социальной редистрибуции, что и налоговые службы. Несовершенные и непродуктивные нормы, ограничивающие взаимодействие с “непривычными” социальными категориями, “экзотическими другими” и пр., благодаря традиции, социализации и ритуалу могут господствовать на протяжении поколений, поскольку слабо связаны с критериями эффективности, особенно эффективности, понимаемой в экономическом смысле. Снижая неопределенность существования, они представляют собой своеобразный “жертвенный огонь”, на поддержание которого необходимо расходовать ресурсы сообщества.

Динамика развития общества заключается в поисках динамического институционального равновесия между порядком и стагнацией, которая может привести к гибели, и присущей социальной материи стремлению к энтропии, иначе говоря, к беспорядку и хаотическому состоянию. Обладая необходимым

¹⁸⁷ Мосс М. Очерк о даре // Общества, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. М. 1996.

запасом прочности, в пределах которого исключена возможность потери заданной системной устойчивости, общество выдерживает действия внешних сил. Это фактически ставит перед традиционными институтами задачу поддержания определенного, а зачастую и значительного уровня энтропии.

Принцип энтропии говорит о том, что все процессы в замкнутой системе ведут к увеличению ее распада. Переход происходит в направлении увеличения неупорядоченных и нестабильных состояний общественной системы, иными словами, от менее вероятных состояний к более вероятным. Как известно из теории систем, энтропия замкнутой системы может либо возрасти (в случае необратимых процессов), либо оставаться постоянной (в случае обратимых процессов). Большая часть технических процессов происходит как в прямом, так и в обратном направлении, причем, если такой процесс происходит сначала в прямом, а затем в обратном направлении и система возвращается в исходное состояние, то в окружающей среде и в самой системе не происходит никаких изменений. Всякий процесс, не удовлетворяющий этим условиям, называется необратимым. Обратимые процессы – это идеализация, поскольку на практике как технические, так и социальные процессы являются необратимыми.

Традиционное общество не является абсолютно замкнутым. Чтобы преодолевать энтропию и поддерживать жесткость и устойчивость традиционной системы в рамках динамического равновесия, необходимо все время затрачивать ресурсы. Иногда затраты настолько велики, что превосходят технологический уровень развития конкретного общества и рост его ресурсной базы. Затраты особенно возрастают, когда появляются внешние вызовы, не характерные для традиционной системы, на которые сложно подобрать адекватные ответы.

Традиционное общество охранительно и консервативно, с подозрением относится к инновациям, а оценка новых институтов во многом осуществляется по аналогии со старыми. Традиционное общество часто представляют как нечто застывшее и неподвижное, наподобие ледяных скульптур в царстве вечного мрака и холода. Это не совсем так. Отсутствие прогрессивного движения не

есть признак полного застоя. Можно провести аналогию с физическими процессами. Даже на тело, находящееся в состоянии покоя, действует множество сил, причем самых различных. И его внешняя неподвижность является лишь свидетельством того, что в каждый конкретный момент замеренного промежутка времени результирующая всех сил равна нулю. Другими словами, воздействующие силы “поглощают” друг друга. Внешняя неподвижность традиционного общества является признаком огромной работы, проделанной социальными силами.

Институты позволяют социальной системе сохраняться, передавая информацию и знание, социализированный обыденный опыт, которые воспринимаются как естественный и подразумеваемый порядок вещей будущим поколениям. И хотя механизмы научения встроены в живые существа¹⁸⁸, из-за того, что полностью учесть уроки прошлого не возможно и институты должны совершенствоваться, каждое поколение должно привнести в социальную практику настоящего новые стратегии или их отдельные элементы, которых не было в прошлом. При этом “если инновации принимаются социальной системой, то они в той или иной форме стереотипизируются и закрепляются культурной традицией, подобно тому, как прошедшие естественный отбор мутации и их рекомбинации закрепляются в генетических программах биологических популяций”¹⁸⁹.

Хотя совсем не обязательно, что детерминированные силы природы встроены в людей тем же способом, которым они встроены в предметы мира природы¹⁹⁰, общие закономерности, присущие материи, сохраняются. Для сохранения ситуации динамического равновесия, увеличению давления внешней силы должно соответствовать увеличение давления внутренней, направленной в противоположную сторону или с противоположным знаком.

¹⁸⁸ Fodor, Jerry F. 1987. *Psychosemantics: the Problem of Meaning in the Philosophy of Mind* (Cambridge: MIT Press).

¹⁸⁹ Маркарян Э. С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // *Методологические проблемы этнических культур: Мат. Симпозиума*. Ереван. 1978. с. 86.

¹⁹⁰ Inden, R. 1990. *Imaging India* (Oxford: Blackwell), p. 2.

Традиционное сознание предполагает, что единственный способ добиться совершенства – скопировать образцы прошлого. Несмотря на большие ресурсы, затрачиваемые с целью привести результирующую сил не к нулевому положению, прогрессивного развития в традиционном обществе не происходит. А после того, как заканчиваются имеющиеся в ней ресурсы, общество постепенно разрушается.

Сами традиции не имеют непосредственного экономического значения, они являются, скорее, символическим выражением общества. Но они не создают рабочие места, не вкладывают капитал в оборудование, повышающее производительность труда, и не расширяют налогооблагаемую базу. Зависимость традиционного общества от ресурсного притока извне приводит к его повышенной неустойчивости и нестабильности. Однако традиционное сообщество может существовать только за счет “внутреннего горения”, оно вынуждено использовать внутренний человеческий капитал для поддержания незыблемой структуры, для сохранения доставшихся из прошлого норм и правил поведения. Нельзя сказать, что традиционное общество существует автономно по отношению к ресурсным законам функционирования социума. Ресурсы для его функционирования требуются так же, как и для обществ индустриальных времен и эпохи постмодерна, которая рассматривается как современный процесс поиска нового, однако в отличие от последних, которые стремятся извлечь ресурсы из природы, традиционное общество извлекает их из самого себя.

Рыночная и нерыночная экономики соответствуют разным социальным пространствам, отличающимся неравными возможностями доступа к ресурсам. Экономика традиционного общества не является монетизированной. Она построена на принципах бартера и редистрибуции, которые подробно проанализировал Б. Малиновский и М. Мосса в многочисленных этнографических описаний, а также на том, что этнограф А. Стратерн¹⁹¹ называет “изменяющееся неравновесие”. Это понятие не существует в

¹⁹¹ Strathern A. 1975. *The Rape of Moka* (Cambridge, UK: Cambridge University Press).

обществах, где используют проценты, поскольку проценты отменяют долговые отношения, а не возобновляют их. Материальные блага сначала аккумулируются элитой, а затем перераспределяются в рамках традиционного сообщества. Правящая элита стремится компенсировать отставание и совершить догоняющий модернизационный переход от традиционных систем обмена к рыночным отношениям. Однако вырваться вперед обычно не удается. Свободная трансмиссия институционального опыта модернизации приводит к тому, что в выигрыше далеко не всегда оказывается все общество:

Социальная активность молодежи в традиционном обществе фактически постоянно подавляется, во многом потому, что именно молодые люди являются теми социальными агентами, которые могут провести трансформации (все социальные революции носили ювенальный характер). В качестве примера можно привести часто практикуемый во многих племенах культ священного оружия. Оно служит не просто для передачи опыта, знаний, навыков социализации будущим поколениям, но и сдерживает всплеск социальной энергии, поглощая ее. Схожие функции выполняют и многие религиозные ритуалы, которые формировались длительное время. Им можно подобрать современные аналоги. Изготовление священного топора из камня мало чем отличается от неэффективных, длительных и сложных практик подготовки советских солдат.

Решения, принятые в прошлом социальными агентами, влияют на текущие и будущие социальные решения. Этот феномен называют “QWERTY-логикой”. Поскольку существует проблема накопления неудачного предшествующего опыта, который деформирует социальную структуру, и может привести к ее разрушению, накапливающиеся со временем традиции неизбежно приходится пересматривать. Чтобы построить новое здание – нужно освободить место, сначала разрушив старое, и давно известно, что временами необходимо отбрасывать прежние методы, чтобы дать дорогу новым идеям. Причины в ограниченности ресурсов, места и материалов для нового строительства: мало кто строит поверх тридцати этажного небоскреба

следующие тридцать этажей. Не удастся воспользоваться и старым фундаментом (например, религиозным): любой фундамент от перегрузок сдавливается и разрушается. Можно использовать только нормы, которые носят нематериальный характер. Например, технологии строительства – в самом общем виде. Но даже они время от времени нуждаются в значительном пересмотре.

Модернизация происходит при нарушенном институциональном равновесии, когда появляется импульс и движение, когда сторонники развития внезапно добиваются кратковременного политического преимущества, когда разрушается внутренняя структура традиционного общества и возникают новые институты. Проблема модернизации заключается в необходимости искусственным образом сдвинуть традиционную систему из движущейся по кругу системы равновесия, часто переходящей в стагнацию.

Модернизация требует большого количества ресурсов. Важность новой институциональной практики для доступа к ресурсам хорошо показана в известной поэме Н. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо?”. Одним из героев этой поэмы является бывший каторжанин, который преступным и достаточно жестоким методом пытался предотвратить модернизационное развитие сообщества в виде строительства небольшой дороги, – под его руководством заживо закапывают немца-подрядчика. С институциональной точки зрения этот эпизод является прекрасным свидетельством тех трудностей, с которыми сталкивалась элита традиционного общества, желавшая произвести его модернизацию. Чтобы извлечь ресурсы из традиционного общества, нужно было построить к нему дорогу, но чтобы построить дорогу, требовалось потратить те самые ресурсы, которые еще только предстояло извлечь в отдаленном будущем. Выход, предложенный в поэме, был довольно неплохим (если не считать его последствий в виде убитого немца), но на все реформы, требуемые в развивающихся обществах, умных немцев обычно не хватало, а часто используемые модернизационные практики в виде многочисленных банковских и внешних займов, продажи концессий и прав на добычу полезных

ископаемых, исключительных прав на торговлю определенными товарами и т.п. привели к постепенному закабалению стран третьего мира, вырваться из замкнутого капкана многочисленных долгов и заимствований многим из которых уже невозможно.

Институциональный распад традиционного общества можно сравнить с расщеплением атомного ядра, сопровождаемого большим выбросом неконтролируемой энергии в окружающую среду. Чем жестче институциональная структура традиционного сообщества, обычно горизонтальный эгалитаризм как общая идентичность в котором сочетается с жесткой иерархией между старейшинами и всеми остальными, тем сильнее возникнет в ней стремление к определенной свободе, точнее говоря, к реализации возможностей в ранее подавляемых сферах – т.е. стремление ликвидировать институциональную недостаточность. Тем сложнее, и тем с большими трудностями будет происходить процесс “освобождения”. Это может привести к взрыву, если продолжить аналогию с ядерными процессами, но если такому процессу придать характер управляемого развития, то он сможет существенно увеличить потенциальный институциональный уровень общества, что, в конечном счете, приведет к росту благосостояния. Разрушение традиционного общества приводит к временному “ресурсному всплеску”, что на уровне социального поведения проявляется как рост институциональных возможностей. Оно сильно сдерживает именно наиболее активных и эффективных молодых людей, таким образом, именно молодежь в случае распада традиционных структур может реализовать себя одной из первых. Но это способствует также и развитие всего общества.

Традиционное общество не может создать механические и институциональные основы для извлечения природных ресурсов (из-за своей технологической отсталости), а с другой стороны, оно не может ориентироваться на получение ресурсов на бесконечную экспансию своей деятельности в отношении родственных или схожих ему сообществ, как из-за своей внутренней слабости, так из-за закрытости. Отчасти причины носят

идеологический характер: это беспочвенные надежды сохранить привычный и приемлемый уклад. Но “предположение, что будущее похоже на прошлое, не основано на каких-либо аргументах, но происходит исключительно из привычки”¹⁹². Поэтому единственным вариантом возможного развития остается только опора на внутренние силы. То есть только вариант развития, который возможен с опорой на внутренние социальные ресурсы местной общины, племени или этнической группы.

Специфику традиционного общества проще всего показать при его сравнительном анализе с современным городом. Город как социальный организм - довольно сложное образование. В нем отдельные социальные группы выполняют в принципе взаимозаменяемые функции и социальные роли, реализация которых к тому же существенно облегчается с использованием современной техники и технологий. Если предположить, что часть специалистов в любой сфере общественной жизни покинет пределы города, вряд ли это скажется на городской жизнедеятельности и нанесет существенный вред остальным членам городского общества.

В традиционном же обществе отказ любой значительной части населения от выполнения своих функций может привести ко всеобщей катастрофе. Именно традиционное общество является тем видом социальной организации социальных отношений, в которой преобладает человеческий фактор. Такое общество вынуждено выживать за счет ресурсов, которыми обладают ее члены. Поскольку любая миграция или даже незначительный отход от совместной деятельности части ее членов приведет к существенному снижению общего количества ресурсов, получаемых в настоящем или в будущем времени в форме, удобной для потребления, миграции обычно стараются помешать. К примеру, в Японии низкий уровень миграции связан с корпоративно-коллективистским и достаточно замкнутым характером распределения социального престижа, когда принадлежность к социальной корпорации имеет

¹⁹² Юм. Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения. М. 1965. т. 1. с. 203-204.

высокую значимость для индивида, в отличие, к примеру, от персонифицировано – иерархического распределения престижа в Европе.

Традиционное общество стремится предотвратить использование ресурсов за его пределами с помощью институтов, создающих внутренние запреты, и формальных кодексов ограничительного этноповедения. Иногда для удержания активных членов общества от предполагаемой миграции в условиях жестких конфликтов между соперничающими территориальными и национальными лояльностями используют идеологические, патриотические и идентификационные аргументы.

Чтобы сохранить традиционное сообщество необходимо либо понизить диапазоны социальных возможностей у всех альтернатив сразу, либо понизить социальный статус потенциальных “беглецов” (поскольку высокий статус связан с высоким диапазоном социальных возможностей, что, в свою очередь, уменьшает лояльность к каждой из альтернатив), а еще лучше – отгородить их от внешнего мира, чтобы человек, лишенный всяческих альтернатив, обретал только одну преданность. Территориальный патриотизм выполняет функции регулирования количества ограниченных социальных ресурсов, необходимых для нормального функционирования социума. Патриотизм – это ситуация локального идентификационного “закрепощения” человека с территорией, однако неудивительно, что часто возникает прямо противоположная реакция у людей, которых сильно ограничивают.

Общность прошлого совсем не предполагает общность будущего. Самые богатые и образованные граждане являются обычно “гражданами мира”. Причина не в том, что у них недостаточно патриотизма или отсутствует “связь с родной почвой”. Просто у них столь много информации и знаний о самых различных социальных и культурных феноменах, и они являются центром соперничества столь большого числа лояльностей и идентичностей, что на долю каждой из них (например, лояльности к государству) остается очень мало сил и времени (и возможно, психологических ресурсов в целом). У них слишком высокий социальный статус, а значит, слабая внутренняя лояльность

по отношению к любой конкретной группе. Их поведение по отношению к любой группе автономно, и они могут в любой момент от нее отдалиться. Причем не просто отдалиться и ухудшить материальное или социальное положение, а подняться на более высокие позиции. То есть, фактически улучшить свой статус. Их профессиональная карьера и дальнейшая социальная жизнь весьма слабо связана с самой группой. И даже в случае ее полного распада (например, в случае экономического краха предприятия или социальной дезорганизации института), они всегда найдут себе место. Это так называемые “социальные лидеры” или “социальные звезды”. Не они заинтересованы в существовании группы (поскольку тот набор благ, который им может предоставить любая группа слишком незначителен с точки зрения общего фона получаемых из различных источников благ), а группа заинтересована в их сопричастности к групповой деятельности. Лидеры (даже бывшие и “лидеры с периферии”) всегда выступают в качестве символа достижения как своеобразная “витрина группы”.

Можно отказаться от предоставления особых преференций управляющим, но помешать институциональной дифференциации в группе все равно невозможно. Такие действия могут побудить лидеров только покинуть организацию еще быстрее. Кроме того, ограничивающее решение означает выбор неудачного пути - с точки зрения развития инновационных технологий. Поэтому обычно социальная общность предпринимает экстраординарные меры по созданию дополнительных благ: чаще всего символического характера – присваивают почетные звания, награды, титулы. То есть нарушенное равновесие в сторону перекоса другим лояльностям социальная общность пытается элиминировать, положив на свою чашу склонившихся весов дополнительные блага, которые предположительно будут в некоторой степени укреплять привязанность человека к своей группе. Часто отделение от старых знакомств происходит на внешнем уровне – человек переезжает на новое место службы, в другое здание или даже просто меняет кабинет. В социальном отношении он отгораживается от бывших друзей. Он уже по другую сторону

пространственного раздела. У него новые права и обязательства. У него новые блага и привилегии (фактор, тоже имеющий значение). Его семью приглашают на другие мероприятия и праздники. Дети переходят в новую школу. Дом снимается в новом районе. Для старой группы он становится другим. Пространственная и социальная сепарация неизбежно приводят к психологическому отделению. Чем сильнее были связи прошлого, тем сильнее произойдет отделение – в соответствии с компенсационным механизмом человеческой психики. Разорвать сильные прошлые связи не очень просто: даже при возвращении на “нулевой уровень” значительные эмоциональные и психологические издержки неизбежны, поскольку все равно человек осуществляет движение в сторону, противоположную той, в которой человек двигался прежде. Совсем не обязательно, что дружеские связи с прежней группой сохраняются.

Доверие людей к старым связям и знакомствам начинает снижаться – они уже не кажутся столь необходимыми, как раньше. У человека появляются “запасные пути отхода”, пути социального отступления, причем иногда он может сознательно уделять повышенное внимание именно подготовке этих запасных путей. Теперь дальнейшая работа в организации уже не выглядит предопределенной. Он не ставит больше перед собой крайних дилемм. Он знает, что у него есть влиятельные союзники в других смежных институтах, которые помогут ему, которые заступятся за него, если произойдет кризис, и он потеряет то место, которым обладает сейчас. Поэтому сам факт получения человеком официальной должности уже подрывает вчерашнее неформальное единство команды. Теперь они на разных ступенях. Теперь они взаимодействуют не просто как друзья, но как коллеги. Теперь на место общей идентичности и лояльности возникают дополнительные лояльности уже по отношению к конкретной должности, что приводит к формированию различной позиционной идентичности. Теперь расширяется круг общения человека – и появляются многие новые приятельские связи, некоторые из которых также станут такими же дружескими, как и прежние. В некоторых случаях люди

могут покинуть своих бывших друзей и устремиться в “свободное плавание”. А значит, появится новая неформальная лояльность. Снижение формальной лояльности к организации является наиболее общей причиной ее кризиса. Мотивы и предпочтения людей по отношению к собственной организации различаются на каждой стадии институционального распада.

Человек совсем не обязательно испытывает положительные чувства к сообществу, в котором он родился, вырос или в котором он работал. Близкие и дружеские отношения между людьми могут привести к возникновению как положительных, так и отрицательных эмоций. Встречаясь с неодобрением и холодным отношением к важным событиям или действиям, люди могут накапливать отрицательные чувства к своим коллегам или даже мешать им в отместку. Личное знакомство является чем-то вроде дополнительного фактора, кратковременной проверкой, показывающей, на что способен человек в одной из ситуаций. Однако даже личное знание не является свидетельством абсолютного доверия. Проблема предательства и перехода на противоположную сторону в военных конфликтах традиционно затрагивается не только в художественной литературе и детективных фильмах. При этом перебежчики, хорошо знают само сообщество, и именно это знание вызывает в них гнев и раздражение. Как писал Льюис Козер¹⁹³, самый надежный союзник – это тот, который сражаясь за собственное дело, уже “сжег за собой все мосты”. Это тот, который не может вернуться обратно. Именно к такому положению стремится традиционное общество.

Среди другие возможных факторов межличностного охлаждения не последнюю роль занимают политические и идеологические разногласия. Споры на подобные темы обязательно присутствуют, хотя и в подавленной форме, даже в рамках сообщества, и они выходят на поверхность, как только им представится для этого благоприятная возможность. В такие моменты усиливаются биологические и психофизиологические факторы: инстинкт

¹⁹³ Козер Л. Основы конфликтологии. СПб. 1999.

самосохранения заставляет человека совершать действия, с которыми в другой ситуации он бы не согласился. Безусловно, инстинкт самосохранения является самым продолжительным, с наибольшим влиянием на поведение человека и группы. Часто начинается паническое бегство и поиски выхода. Кто-то стремится спрятаться и переждать. Некоторые тут же переходят на сторону победителя. Биологические силы в принципе нельзя поставить под контроль, но социальные факторами их действие можно ограничить.

В истории общества есть немало примеров, когда добравшиеся до власти правящие тираны и палачи обрушивали всю силу своей ненависти и жажды истребления именно на родственные им этнические народы, а иногда даже на бывших соплеменников. Чем сильнее отделение, тем сильнее заводится психологическая пружина, направленная в прежнюю сторону: сознание стремится вернуться к привычному. Чем сильнее заводится пружина, тем больше усилий прикладывает человек, чтобы это движение пружины преодолеть. Чем сильнее заведена пружина, тем сложнее ее дальше сжимать. Чем больше человек тратит усилий, тем меньше инкрементальный результат от каждого дополнительного действия, и каждой дополнительной затраченной единицы энергии, тем ниже эффективность потраченной энергии, тем отчетливее осознание бессмысленности совершаемых действий и тем крепче желание довести психологическое разрушение до логического завершения. Поскольку уничтожить психологическую пружину, связывающую его с прошлым, человек напрямую не может (она часть его когнитивной структуры), хотя возможно, и очень хотел бы стереть неприятные или ненужные в данный момент воспоминания, то отрицательные эмоции канализируются именно к месту соединения воспоминаний о прошлом с другой социальной общностью или группой. То есть к истокам появления психологической “пружины”, первым фактам и событиям, повлиявшим на ее укрепление.

Неформальный характер воздействия ставит под сомнения проблему легитимности. Человек не может опираться на институциональную легитимность, которую дает ему официальная должность (ее у него просто нет

или она слишком незначительна в рамках политической структуры), он не может опираться и на легальность законных методов управления (поскольку предполагается, что, действуя в тени, он будет если не в прямую нарушать многочисленные положения и правила, то хотя бы творчески относиться к необходимости их безусловного исполнения и соблюдения, вынося за скобки все те нормы, которые выглядят устаревшими для текущей деятельности или которые просто мешают осуществлять ее более эффективным образом). Человек может использовать только те неформальные связи, которые привели его к власти. Они не обязательно являются прочными. Во властной сфере, как и в обычных межличностных отношениях дружеские связи между людьми – это все-таки редкость, и тесное взаимодействие по решению конкретных управленческих задач может с таким же успехом привести к развитию взаимной зависти и недоброжелательности. Новое руководство объективно заинтересовано в увеличении тяжести вины тех, кто только что ушел. И тогда данное обстоятельство можно использовать как оправдание для нынешнего положения дел. Можно объяснять тяжелой исторической ситуацией, которую приходится исправлять в течение столь длительного времени. Все эти меры направлены на создание эффекта контраста, в результате формируется удачливый образ лидера, который справляется с трудностями, даже, несмотря на значительные завалы, остающиеся с прошлого. В случае же неудачи (которая без сомнения будет носить относительный характер, ведь ей можно легко подобрать более тяжелую по масштабам катастрофу из прошлого), всегда можно оправдаться, сказав, что слишком тяжелый груз прошлого не позволит привести к успеху.

Любая формальная организация, причем вне зависимости от формы собственности, сферы деятельности или времени ее создания и функционирования, заинтересована в высоком мастерстве и профессионализме своих членов, и только во второй степени – в лояльности. Неважно, будет ли это преступная группа, занимающаяся нелегальными поставками чего-то запрещенного, или юридическая фирма, оказывающая консультационные

услуги бизнес - сделкам транснациональных компаний: они все одинаково заинтересованы в высоком профессиональном уровне своих сотрудников. Но организация также заинтересована и в лояльности своих членов, причем лояльности не только внешней по отношению к целям и задачам (что, конечно же, тоже неплохо), но и внутренней лояльности. Тут действуют прямо противоположные социальные процессы: чем выше уровень человека, чем профессиональнее он подготовлен, чем выше социальный и символический капитал, которым он обладает, и чем шире круг знакомых в сфере его деятельности – тем быстрее он может покинуть организацию. Тем больше конкурентов, желающих заполучить такого сотрудника. Если у человека появляются новые лояльности, источники легитимности, виды деятельности, это означает, что при неизбежно возникающих конфликтах выбор может быть сделан совсем не в пользу организации, имеющей все основания ожидать подобного положительного выбора.

В некоторых случаях организация сама поощряет горизонтальный карьерный переход: тогда создаются сети бывших сотрудников, которые в дальнейшем стремятся поддерживать свою связь с *alma mater*. Но такие ситуации редки. Широко распространено мнение: если человек работает в организации, он сохраняет ей лояльность и верность. Однако это не всегда так. Хорошо организованным, высоко моральным людям сложно мириться с функциональными недостатками и разногласиями между коллегами. И если сначала на структурные недостатки внимание не обращается, со временем они становятся все отчетливее. Личные отношения между людьми далеко не всегда складываются удачно и легко. Чем выше уровень материального и социального благополучия (и благосостояния) в группе, тем ниже внутригрупповая лояльность по отношению к общим нормам. Это правило справедливо и для профессиональных групп, и для традиционных сообществ.

Миграция существенно меняет структуру социальных диспозиций в традиционном обществе. Изменение внутреннего отношения человека к территории проживания приводят к изменению габитуса, по П. Бурдьё, и

диспозиций, связанные с другими социальными агентами. Миграции увеличивает неопределенность по отношению не только к будущим событиям (что довольно естественно), но и по отношению к прошлому. Поэтому традиционное общество создает институциональные барьеры для активных людей. Оно стремится, чтобы миграционный выбор не был слишком частым, и чтобы альтернативные проекты не выбирались.

Институциональные запреты на миграцию связаны с недооценкой убытков от ее ограничения. Отрицательное решение вопроса о миграции для конкретного специалиста сможет причинить ущерб только ему самому и никому больше. Мигранты значительную часть денег отправляют в своем сообщество в виде помощи семье и родственникам. Мигранты знакомятся с новыми технологиями и институтами, которые могли бы приносить пользу. И, наконец, преуспевающие мигранты служат своеобразными агентами влияния, даже неосознанно. Ведь, по сути, они являются демонстрацией высокого уровня развития своего, а положительная оценка их деятельности в значительной степени переходит и на положительную оценку государства вообще. В повседневной жизни такое встречается довольно часто: отношение к конкретному человеку с определенной этнической принадлежностью в некоторой степени переходит и на страну проживания или происхождения этого человека. Чем больше преуспевающих людей из России (конечно, без эксцессов, принятых в среде современных чиновником и бизнесменов), включая работающих в сфере информационных технологий, тем положительнее будет восприниматься Россия в целом. А это, в свою очередь, окажет существенное влияние на решения, принимаемые теми или иными иностранными политиками или бизнесменами по поводу конкретных внешнеполитических событий или решения инвестировать в экономику.

Мигранты также хороши на должностях “внешних управляющих”, что помогает преодолеть проблему преемственности и тесных связей между управляющими и управляемыми. Анонимные в социальном отношении люди (пока они еще не включены в социальные контакты, и их никто не знает из

местного сообщества) гораздо более беспристрастно относятся к судьбе института или организации (а иногда даже и с большим безразличием), и уж, конечно же, они не будут предпринимать никаких усилий для того, чтобы скрыть все предыдущие ошибки и просчеты.

Миграция (если только она не происходит у всех членов группы одновременно) является потенциальной угрозой для групповой безопасности, что усиливает внутреннюю конкуренцию, недоверие и междоусобную борьбу. Это превосходно понимают лидеры тоталитарных сект и религиозных движений. Часто они требуют от своих приверженцев отказа от семейных и профессиональных связей, присущих в “прошлой” жизни. Они стремятся ограничить любые посторонние контакты своих сторонников, и особенно, принудить их отказаться от собственности, которой обладают: недвижимость, акции, наличные средства и пр. Любая “старая” связь может стать угрозой для внутренней лояльности – и тогда групповая идентичность окажется в проигрышном положении. Поэтому количество времени на общение с внешним миром в таких сектах стремятся ограничить, а устойчивые родственные связи – разорвать напрямую. Это не значит, что человек полностью отказывается от своих старых связей и отношений, он продолжает их использовать, но уже меньше, чем это было раньше.

Иногда тоталитарные секты стремятся создать новую общность или даже некое подобие “семьи”: привычные семейные роли распределяются между одинаково десоциализированными индивидами. Подобные действия направлены на снижение каналов возможной институциональной поддержки, а значит, и внешних каналов, с помощью которых могут возникнуть потенциальные лояльности, соперничающие и конкурирующие между собой. Человек, лишенный прошлого или хотя бы отказавшийся от прошлого в своих поступках и словах, будет больше привязан к своей теперешней жизни в режиме “здесь и сейчас”. Такой человек чувствует себя неустойчиво, он инстинктивно стремится ухватиться за то, что находится вокруг него, словно утопающий, ищущий соломинку. Ограничение прошлого - это то, к чему

стремятся тоталитарные секты. Их лидеры требуют отказаться от прошлых воспоминаний, или, по крайней мере, пересмотреть их под новым углом. Однако личность человека не может выдерживать психологические нагрузки, не опираясь на свой прошлый опыт и навыки.

Поскольку речь идет о внутренних переживаниях и мыслях, совершенно не доступных внешнему наблюдателю, территориальная или патриотическая привязанность человека обычно проверяется по “внешним признакам”. Именно так, по мнению М. Вебера¹⁹⁴, протестанты проверяли собственную богоизбранность: соответствует ли человек внешним признакам удачи и предприимчивости. Если у человека есть склонность в предметам и вещам других культур - он ненадежен, поскольку наряду с внешней лояльностью (которую довольно легко заметить), может существовать и лояльность внутренняя (которую заметить гораздо труднее). Чем больше инокультурных вещей – тем больше свидетельств будущего распада социальных связей в гомогенной группе. Чем больше свидетельств распада – тем он необратимей и тем сильнее желание ему воспрепятствовать. Традиционное общество стремится предохранять себя от распада. В отличие от мыслей или чувств, социальные общности всегда представляют собой объекты физического мира: люди, сооружения, нормы, документированные в письменных источниках. Как физические объекты они уязвимы. Поэтому борьба за патриотизм, за уничтожение других лояльностей, начинается с борьбы за уничтожение материальных предметов других культур.

И наоборот, чтобы вызвать в человеке привязанность к новой группе, элите нужно уничтожить или, хотя бы, понизить привязанности ко всем старым общностям. Но тотального уничтожения тут недостаточно. Одновременно нужно показать положительные качества новой группы, чтобы вызвать у человека сильное желание ими обладать, стать частью группы, и тем самым стать лучше. Поэтому уничтожение прошлых привязанностей возможно только

¹⁹⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М. 2002.

частично: иначе возникнет длительная депрессия и подавленность, и новое конструирование будет невозможно.

Патриотизм, а также локальная идентичность сильнее именно в традиционном сообществе, особенно отделенном в географическом положении, то есть в сообществе, которое может использовать как методы прямого институционального принуждения, так и симпатию единства образа мышления и взаимной симпатии, а также ожидания будущей пользы от связей в самых различных ситуациях, или наоборот, из-за опасения возможного будущего вреда, что непременно произойдет если подобные связи будут человеком легко прекращены и безрассудно разорваны.

Хотя обычно традиционное общество рассматривается как социальная организация, которая в наибольшей степени соответствует природным законам, институциональный анализ традиции показывает, что, напротив, это общество противоречит основным законам социального развития и основным принципам развития общественной материи. Эти законы не нужно понимать в детерминистском смысле: замысел природы отличается от замысла человека написать книгу или построить дом.

Традиционное общество объединяет общая история, происхождение, культура и символы, традиции и праздники, которые как символический капитал гарантируют сохранение и удерживают его от распада. Внутри традиционного социума люди не особенно интересуются тем, что происходит за пределами их мира, их повседневного взаимодействия и комфортной зоны, в которой им привычно находиться, пока это не затрагивает их самих самым непосредственным образом. Традиционализм поддерживается желанием людей сохранить сложившийся порядок, а также нежеланием неожиданных потрясений и перемен.

Исходя из нынешнего уровня достигнутых знаний как в физической, так и в социальной сфере, можно с определенностью утверждать, что традиционное общество существует только в условиях ограничительных правил традиционалистского поведения. Однако в современных условиях создать

однонаправленную систему, при которой все остальные каналы развития и альтернативные лояльности окажутся заблокированными, довольно сложно.

При модернизации происходит ускоренный экономический и социальный рост, создающий новые институциональные варианты развития маргинализированных в прошлом групп. Современное общество состоит из множества различных групп с противоположными интересами. В результате люди, которые раньше просто отвергались традиционной средой, и не испытывали к ней особой лояльности, получают дополнительный импульс развития и могут обогнать тех, кто двигается по накатанной дорожке в общем традиционном потоке.

Модернизация предполагает распад традиционных институтов как локальных участков субъективной уверенности. Это процесс постепенного институционального замещения традиционных практик новыми институтами с целью более эффективного расходования социальных ресурсов. Передача нового институционального опыта происходит несколькими путями:

1. подражание уже имеющимся институциональным моделям. Тут действует внешняя привлекательность либо “оболочек” институтов, либо социальных агентов, активно продвигающих их. У институтов, которые выглядят перспективными, больше шансов, что их выберут в конкурентной борьбе.
2. имплементация, предполагающее перенесение новой институциональной практики,
3. институциональная адаптация,
4. обтекания, при которой люди стараются не замечать существенных перемен и организовывать свою жизнь так, чтобы новые нормы затрагивали их как можно меньше и практически не воздействовали на их непосредственную жизнь.

Модернизация зависит от институционального потенциала как общего количества формальных институтов и неформальных норм, регулирующих экономические отношения. Институциональный потенциал государства связан

с его промышленным потенциалом, а законов и институты должны адаптироваться к социально-экономической ситуации.

Институты никогда не достигают ситуации оптимального равновесия, поскольку в структуре правил рыночного поведения всегда происходит ситуационная нормативная оптимизация. Некоторые институты устаревают, происходит своеобразная институциональная амортизация, иногда возникает избыточность институтов, что создает между ними латентное, а иногда и открытое напряжение.

Глава 6

Институты демократии и идеология

Не позволяя создать авторитарное общество сверхлидеров, которые могли бы захватить на длительное время власть в обществе, и тем самым помешать его дальнейшему развитию, демократия как политический режим, соответствующий духу глобальной эпохи, обеспечивает легитимность и престижность национального государства, что помогает правящей элите реализовать потребности в психологической и информационной включенности в мировое сообщество, а также в “просвещенном образе” перед “внешней аудиторией” и “значимыми другими”, в частности, гражданскими организациями.

Рассмотренные институциональные особенности демократического устройства как возможного ответа на поиски решения социальных дилемм носят дискуссионный характер. В зависимости от идеологических предпочтений, мотивов политических действий, неучтенных альтернативных возможностей и непредвиденных социальных последствий демократия означает различные вещи для различных людей. К примеру, американский политолог Р. Даль¹⁹⁵ определил три “необходимых условия” (контроль за военными и полицией со стороны избираемых чиновников, демократические убеждения и

¹⁹⁵ Даль Р. Введение в теорию демократии. М. 1992.

политическая культура, и отсутствие существенного иностранного контроля, враждебного для демократии) и два “благоприятных условия” (современная рыночная экономика и слабый субкультурный плюрализм) для развития демократии. Государство является демократией, если существует конкуренция между людьми и организованными группами (особенно общественными организациями и политическими партиями) за наиболее важные и эффективные позиции государственной власти (в регулярные промежутки и без использования насилия).

Одним из наиболее принципиальных утверждений теории структуры является положение, сделанное в духе бихевиоральных теорий: социальная структура оказывает гораздо большее влияние на возможности, имеющиеся у человека, чем его личные качества. Демократическая структура должна быть институционально гибкой и предоставлять возможностей для развития всех тех, кто был лишен социальных перспектив в рамках старых общественных отношений. В этом отношении важно направлять усилия на создание демократической культуры. Политические реформы в России недостаточны, и требуется “демократическое углубление”, чтобы произошла интеграция демократических ценностей в политическую культуру. Социальные науки призваны помочь в развитии этой задачи. Однако всегда существует определенная “фоновая погрешность”. Какие бы точные методы, заимствованные из естественных наук, не применялись, ведущей в социальных дисциплинах является все-таки субъективная интерпретация объективного мира, субъективность, может быть, очень близко приближенная к реальным общественным процессам, но так и не достигающей точности описания всего многообразия жизни.

Как на демократическую форму, так и на политическое содержание демократического режима мощный отпечаток накладывает идеология. Источниками возникновения идеологии является социальная, экономическая, политическая действительность, в процессе которой идеологические идеи обогащаются и трансформируются. Но это не означает, что научный дискурс

нужно заменять идеологическими баталиями, в которых борьба за общее благо пересекается с борьбой за власть. Тогда ситуация становится тупиковой – спор сторонников различных идеологий напоминает разговор адвентиста с буддистом. В лучшем случае стороны могут спокойно выслушать, но не слышать друг друга, поскольку аргументация каждой из сторон носит характер “идеологического трафарета” – все то, что не укладывается в начерченные рамки, отбрасывается сразу. Стороны говорят на волнах “разной длины”.

Сложности начинаются уже с самих попыток организовать научные дискуссии. Дискутировать в идеологической парадигме достаточно сложно, поскольку приверженность демократии в подобных случаях часто объясняют ссылками на нечто высшее и непостижимое разуму, или как минимум, обыденному сознанию большинства людей. Идеологические запреты и попытки ограничить научное познание в целях сохранения определенных культурных и нравственных парадигм развития общества основываются только на страхе перед конкуренцией и потери доминирующего положения – и ничего более. И если научная дискуссия не может в максимальной степени быть приближена к позитивистской объективности, идеологические вопросы можно разрешать лишь путем эмоциональных призывов или путем угроз, в крайнем случае, путем применения насилия.

По вопросам факта, можно обратиться к науке и научным методам наблюдения, но по вопросам идеологии, по-видимому, аналогичного метода решения возникающих трудностей не существует. Такие идеологические конструкции построены, главным образом, на факторах веры, а значит, на факторах узких и однобоких. В настоящее время указание на “священный” характер того или иного социального института слишком часто используется людьми, которые не хотят и/или не могут провести научное исследование должным образом. Ссылки на идеологические ценности являются здесь не более чем свидетельством неудачных попыток скрыть непредвиденные последствия их анализа или существующие в работе логические неувязки. Достаточно бессмысленно использовать идеологические ярлыки. Невозможно

“объяснить” что-то, просто давая ему наименование, даже если это “нормы” или “правила” или “культуры” или ... “дискурс” – не больше, чем объясняя гравитацию “гравитационной склонностью”¹⁹⁶. Можно, конечно, проводить статистический анализ погодных условий. И все-таки иногда полезнее просто выглянуть в окно.

Любой индивид не только воспринимает идеологию с помощью разума. Он определенным образом ощущает, чувствует, эмоционально реагирует на государственную идеологию, соглашается с ней или желает ее быстрее изменения. Идеология помогает хорошо представить результат, на достижение которого направлено модернизационное развитие. Но она не должна восприниматься как панацея для решения общественных проблем, своеобразное религиозное таинство и в силу этого мощное и непреодолимое. И если это действительно так, то споры по поводу идеологии неизбежно оборачиваются в борьбу за власть, включая власть пропаганды и власть определения предмета социологического исследования.

Вопрос свободы любой науки является фундаментальным¹⁹⁷ для познания. При этом свобода подразумевает возможность предлагать любые мыслимые варианты объяснения того или иного социального процесса, оперируя при этом научными категориями и понятиями, т.е. рациональным способом реагируя на социальную реальность в целом. Едва ли возможно признать априорное несоответствие какого-либо фактора или варианта интерпретации методологическим рамкам науки только потому, что он не согласуется с заранее начертанными идеологическими конструкциями. Но, несмотря на внешнюю разумность подобного утверждения, весьма немногие люди стремятся точно придерживаться его в поведении. То, что временами благие намерения приводят к неблагоприятным результатам, прекрасно понимали и в прошлом. Для подтверждения можно привести высказывание

¹⁹⁶ Collins R. 1989. Sociology: Proscience or Antiscience? // American Sociological Review, Vol. 54, No. 1 (February), pp. 134-139.

¹⁹⁷ Berman, H. J. 1954. The ‘Right to Knowledge’ in the Soviet Union // Columbia Law Review, (54), p. 749.

Пьера де Пона на заседании Французской ассамблеи 12 сентября 1790г.: “Джентльмены, существует приятный обычай, с которым очень легко снизить резкость дискуссий – не предполагать дурных намерений. Нужно быть великодушным к намерениям и считать, что они хорошие, и, по-видимому, они действительно таковы. Но мы не должны быть великодушными к противоречивой логике или абсурдному мышлению. Люди с плохой логикой совершили больше невольных преступлений, чем люди с плохими намерениями, действовавшие сознательно”.

Идеологические разногласия по поводу развития российского общества и государства стали одной из институциональных причин неудачи демократических реформ конца 1980х – начала 1990х гг. Номенклатурные лидеры, покинув еще не затонувший коммунистический корабль, практически за одну ночь стали демократами и рыночниками. Они указывали, что в трюме была вода, корабль одряхлел морально и физически, бушевал шторм и надвигались скалы. И это было правдой. Но корабль держался на плаву, вместо того, чтобы выполнить свой долг и постараться его спасти, коммунистические бонзы предпочли сбежать под шум с криком “Тонем!”, прихватив корабельную кассу и выбросив за борт тех, кто пытались им помешать. Многие члены экипажа и пассажира погибли. Кого-то разорвали подоспевшие акулы. Выиграли только крысы. Они были и в советское время. Но прятались глубоко в трюмах, боялись показаться на свету. В постсоветский период они стали хозяевами жизни.

Криминалитет стал доминировать вначале в экономической, а затем политической, общественной и духовной сферах, а бандитские понятия как инструмент согласования и/или оправдания коммерческих интересов стали основой институциональных сделок как между бизнес – агентами, так и между бизнесом и государственными органами различных ветвей власти.

Криминализации общества способствовала и авторитарная политика властей. Либеральные преобразования проводились декретными методами, без учета негативных социальных последствий от возможного применения. Этим

реформам не были свойственны жалость и гуманизм по отношению к уязвимым социальным слоям, которые понесли ощутимые экономические потери и внезапно оказались в новых демократических и рыночных условиях не приспособленными социальными аутсайдерами.

Процесс получения прибыли был напрямую связан с отсутствием профессиональных знаний у конкретных экономических агентов и недооценкой ими истинной стоимости тех ресурсов, которым обладало государство и потенциальной возможности получения связанной с этим прибыли. Поскольку по причинам экономического характера уточнить это было невозможно, то для государственных властей опасность недооценки того, чем они обладали или, наоборот, переоценке, того, что им срочно требовалось, была абсолютно реальной. Экономия на поиске подходящей информации только увеличивала потери. В ходе приватизации как криминал, так и люди, приближенные к власти и бывшие полуподпольные бизнесмены стали использовать возможности приобрести физический капитал в виде бывших советских заводов по относительно невысокой цене и тут же перепродать его по цене реального рынка.

Радикальные политические и экономические изменения разрушили общественную систему, социальные институты, которые необходимы для сохранения системы в стабильном состоянии, оказались дискредитированными. Правительства либеральных реформаторов приняло политику подавления и доминирования, а не институционального компромисса. Воспринимая государство по идеологическим причинам как “ночного сторожа”, ответственность которого должна ограничиваться временными интервалами (только ночью) и строгим функционалом (только функции охраны), власть, тем не менее, активно использовала свой потенциал насилия и подавления.

В России так и не сложилась культура партнерства, ответственности и сотрудничества, ценности взаимного мирного сосуществования людей пусть даже с диаметрально противоположными идеологическими взглядами не были признаны ни государством, ни обществом. Испытывая сильную

психологическую депривацию и желая осуществить месть по отношению к своему прошлому, пришедшие к власти либералы сознательно разжигали в общественном сознании угрозы в виде реванша коммунизма и т.н. “красно-коричневой чумы”. Обида на советское прошлое носила персонифицированный характер, упоминались реальные или воображаемые травмы, пострадавшие родственники и пр.

С классической либеральной точки зрения институциональное пространство можно сравнить с футбольным полем. Задача государственного арбитра должна состоять лишь в том, чтобы разграничить границы этого поля, и дать набор неких новых правил, после чего все остальные решения игроки должны предпринимать сами. Однако устойчивые правила игры так и не были созданы, во многом потому, что институциональная нестабильность позволяла государству играть роль арбитра между различными политическими и экономическими группами интересов, и в любой удобный момент изменить правила так, чтобы маргинализировать те или иные группы в общественном сознании и лишить их политического влияния. Государства – самые хищные общественные институты¹⁹⁸, поскольку структурируют свое взаимоотношение с бизнесом и гражданским обществом таким образом, чтобы оказываться в выигрыше в любой ситуации.

Смирившись с авторитетным стилем политического руководства (хотя и полагая, возможно, авторитаризм в традициях А. Пиночета временным явлением, либералы верили, что другого выбора у них не было. Краткосрочные тактические цели политической борьбы оказались важнее долговременных стратегических планов достижения в обществе социального согласия и создания устойчивых институтов. «В этих условиях, естественно, повысился уровень самостоятельности аппарата: освободившись от роли слуги, он без шума, но весьма эффективно отвоевывает себе роль хозяина общества»¹⁹⁹.

¹⁹⁸ Ostrom V., David Feeny, and Hartmut Picht, 1993. Rethinking Institutional Analysis and Development: Issues, Alternatives, and Choices, ed. San Francisco: Institute for Contemporary Studies Press, pp. 43-68.

¹⁹⁹ Волжанкин И.А. Служебные преступления. М., 2000. С.102.

Созданной институционализированной машиной поддержания и использования образа врага в политических целях уже следующее поколение чиновников воспользовались в конце 1990х гг., используя практически те же самые идеологические аргументы против олигархов и поддерживающих их отдельных политических движений либералов. Вместо угрозы коммунистического реванша власти антидемократические действия оправдывали возможным “реваншем олигархов”. С начала 1990х государство всегда держит идеологического туза в рукаве: когда не хватало логических и/или математических аргументов в пользу власти, просто упоминают о политических угрозах национальному благополучию.

Современные идеологии построены как идеологии морального или нравственного ниспровержения. Это не столько идеологии фактов, сколько интерпретаций, не столько анализа, сколько эмоций. Предполагается, что тот, на кого они направлены, почувствует, вероятнее всего, угрызения совести или вообще некую неловкость, и тут же исправится, дабы не смущать своими аргументами и взглядами устоявшееся и привычное большинство. Иначе говоря, идеологические обвинения содержат некую образовательную или даже воспитательную функцию, причем стороной, которая по своему внутреннему призванию должна заниматься подобным воспитанием, оказывается именно сторона, оперирующая с идеологическими обвинениями и направляющая общий ход дискуссии. С этой позиции часто предпринимаются попытки пересмотреть “неудобные” социологические концепции, особенно в “пограничных” междисциплинарных зонах, затрагивающих гражданство, расу, этничность или гендер. Идеологические споры особенно очевидны в области социологии этничности: конструктивисты заведомо уверены в безнравственности и/или расизме своих методологических оппонентов – примордиалистов²⁰⁰. Однако функцию идеологического воспитания лучше все-

²⁰⁰ См. подробнее: Барбашин М. Ю. Неинституциональная концепция этничности в контексте основных направлений современной этнологии // Социально-гуманитарные знания. 2008 №12. с. 110-117.

таким образом оставить специалистам в области педагогики и не смешивать ее с социальным познанием.

Нельзя сказать, что идеологический метод является неинтересным или заведомо бессмысленным. Берется политический факт, и из этого факта путем логических соотношений с идеальной идеологической моделью делаются некоторые выводы, относящиеся к социальным или культурным сущностям нации, дальше делается следующий вывод политического характера и т. д. Это, так сказать, облегченный вариант интеллектуального “исследования”. Сюжет и герои известны, их действия и аргументы тоже. При удаче можно даже получить некоторое “новое знание” – представления о тех или иных особенностях политической системы, не рассмотренные предшественниками автора, - новые теоретические конструкции или упоминания о редко встречающихся источниках. Однако наличие на поверхности моря нефтяной пленки совсем не является свидетельством огромных шельфовых запасов в том районе. И чтобы узнать это совершенно точно, нужно все-таки спуститься в кажущиеся опасными и враждебными глубины и провести соответствующие исследования.

Психологически идеологическая последовательность легко запускается, но ее довольно трудно остановить. Из бесконечного разнообразия жизни, вытаскивая только один или два элемента, и пытаясь использовать их как шаблон для односложной оценки всех остальных, идеология неизбежно оборачивается насилием над мышлением, природой и обществом. Идеологические мотивы закрывают пути к познанию, поскольку изолируют в социальном значении мышление человека от приема критической информации, не соответствующим идеологическим шаблонам, и ограничивают его заранее заданные ценностные структуры и не позволяют их поставить под сомнение. Хотя мышление человека изолировано в физическом смысле одиночества людей, случайно пришедших на землю, и отделено от мышления других людей, по самой своей природе оно должно быть свободным. Ограниченное мышление

приводит к ограниченным социальным формам, и человек приучается жить с осознанием этого факта.

Проблема идеологизации социального познания стоит не только в России. Распад советологии как отдельной научной дисциплины существенно повлиял на институциональную структуру американских университетов. Если в постсоветской России бывшие специалисты по научному коммунизму стали политологами, то в Соединенных Штатах советологи быстро переделали свои вывески под специалистов по Евразии. Однако методы и приемы написания работ остались теми же самыми, что более чем удивительно – ведь на Западе никогда не стояла проблема с нехваткой источников.

Сложился определенный академический канон. Любая работа, посвященная Советскому Союзу, должна обязательно включать в себя ссылки на набор затертых до банальности художественных произведений, посвященных авторитарным режимам (наподобие Дж. Оруэлла или Е. Замятина), труды Ф. Хайека²⁰¹, З. Бжезинского²⁰² и некоторых других. Иногда в список источников добавляют двух-трех бывших советологов из ранних эмигрантов. Впрочем, конкретные источники почти не имеют значения. Главное – должен быть выдержан “общий дух”. То есть, нужно показать всю негативную сущность советского режима (названия некоторых монографий могли быть стать сценариями для голливудских фильмов: “Личность против Системы”), внутренние пороки и изъяны, которые привели к, конечно же, неизбежному краху. Иногда можно вставить эпизод и/или главу, посвященную современной России. Сюжет тот же: борьба темных сил с силами света. Ну и последний штрих, - в конце должна появиться уверенность, что светлые силы обязательно победят. А как же иначе? Отклонения от данного канона весьма редки, поскольку “шаг влево, шаг вправо наказывается...”. Точнее сказать, не

²⁰¹ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. М. 2006.

²⁰² Бжезинский З. Большой провал. Агония коммунизма // Квинтэссенция: Философский альманах. М. 1990.

наказывается, но воспринимается в американских академических кругах, скажем так, неоднозначно.

Сошлюсь в виде примера на одну подобную дискуссию с западными академическими кругами. На один из научных семинаров университета Индианы было полностью посвящено анализу научной работы одного известного специалиста по Советскому Союзу. В этой работе анализировалось изменение отношения ко времени как к социальной категории в Советском Союзе. Однако в качестве одного из основных источников фигурировал, конечно же, Дж. Оруэлл. Дискуссия долго протекала вокруг стандартных вопросов, обычно поднимаемых при обсуждении Советского Союза, пока мной не был задан довольно простой вопрос примерно в следующей форме: “Было ли советское общество индустриальным или традиционным?” Понятно, что восприятие времени в традиционных и индустриальных обществах существенно различается, и сложно проводить дискуссию, четко не определив в соответствующих терминах советское общество.

Подобные вопросы только кажутся легкими из-за своей обманчивой формы. Вероятнее всего, они вообще не имеют правильного решения или какого бы то ни было удовлетворительного ответа, поскольку очевидно, что в ответе на вышеприведенный вопрос можно указать или тот или другой вариант, или оба, или даже больше двух вариантов ответов или их некую смешанную совокупность. Такой вопрос неизбежно затрагивает проблему “традиционности” в современном обществе вообще, а возможно, и проблему современной индустриальной культуры. Однако ответы на “вечные вопросы” не только завораживают в интеллектуальном отношении. Такие вопросы трудны, однако именно ответы на трудные вопросы двигают научное знание. Только уточнив (прежде всего, для самого себя) экономические, социальные и культурные основы анализируемого общества, исследователь сможет уверенно двигаться дальше в научном познании. В противном случае его движение будет поверхностным скольжением. Только установив прочную методологическую основу понимания структурных процессов, исследователь может переходить

уже собственно к тем вопросам, которые непосредственно интересуют его самого.

Уход социологической мысли в идеологический мистицизм представляется главной опасностью. Идеологию нужно все-таки отделить от знания, и моральные ценности от научных аргументов. Наука не должна играть роль гувернантки и указывая, твердить – что хорошо или плохо, нравственно или безнравственно. Такое положение дел не может считаться удовлетворительным.

Социальное познание должно оставаться нейтральным в идеологическом отношении, наличие или отсутствие каких-либо ценностей, отстаиваемых автором, не может являться научным аргументом. Принятие некоторых положений на веру наносит ущерб самому познанию. принятие в качестве идеологических аксиом положения, которые в действительности аксиомами отнюдь не являются, приводит к своеобразного привыкания здорового человека к костылям и палочке, а затем – и к тому, что ряд жизненно важных двигательных функций будут атрофированы. “Позитивная дискриминация” является началом конца и часто не только в интеллектуальном отношении. Однако на данное обстоятельство обращается пока недостаточно внимания.

Конечно, идеология как рамочная социальная дилемма, ограничивающая выбор, облегчает как написание книги, так и ее прочтение. Правда, в этом случае изучение научной работы больше напоминает археологические раскопки с соответствующим инструментарием постмодерниста: дифференциацией, деконструкцией, выделением метафор и определением значений. Идеология все чаще вмешивается и направляет социологический анализ, а иногда и подправляет то, что ее не устраивает под маской безликой “политической корректности”. Возможно, что процесс идеологизации социального знания носит объективный и неизбежный характер. Возможно, это особенность и символ нашей эпохи. Возможно, что, пытаясь ему противостоять, социологи окажутся в роли Сизифа, к тому же Сизифа, закрывающего глаза на то, что всем остальным кажется слишком очевидным.

Однако и в этом случае необходимо более тщательно относиться к социальному знанию, чтобы в стремлении к наиболее точному описанию субъективности, не загонять себя в угол субъективизма, поскольку наличие нескольких конкурирующих между собой взглядов на одну и ту же проблему совсем не означает, что они являются равноценными.

Линейная система идеологических координат должна быть заменена подвижной рамочной методологической конструкцией. Идеология закрывает пути к познанию, поскольку она навязывает заранее заданные идеологами и политтехнологами ценностные структуры и не позволяет их поставить под сомнение. Из бесконечного разнообразия политической жизни вытаскивая только один или два элемента и используя их как шаблон для односложной оценки остальных политических процессов, идеология неизбежно оборачивается насилием над природой и обществом. В этом отношении идеология противостоит науке. К знанию, которым обладаем, необходимо относиться не как к стене, поставленной на пути дальнейшего обдумывания, а как неустойчивому равновесию акробата на проволоке, неустойчивой поверхности, которая и не земля, и ни вода, которая объединяет в себе и сушу и водную гладь, и которая обеспечит путь к дальнейшему совершенствованию и прогрессу науки. Равновесию, которое, возможно, не выглядит столь удобным, как четкие и непререкаемые идеологические догмы, но которое обеспечит нам путь к дальнейшему социальному совершенствованию. Эта работа может сделать некоторый шаг в прояснении этого положения, поскольку изучение демократических и институциональных процессов не может не быть структурным и макросоциальным.

Идеологические представления о том, что за внешним фасадом демократического правления, которое может наблюдать, скрывается некая таинственная власть, действующая из-под ширмы, наподобие ловких фокусников или кукловодов, держащая в своих руках все нити реального управления и верховодящая наподобие марионеток политическими фигурами, партиями и правительствами и всеми теми, кто открыто стоит на политической

сцене под светом пристального общественного внимания, существуют достаточно длительное время. Теории “тайных заговоров”, появляющиеся в полупонаучных работах и бульварной прессе дают обильную пищу размышлениям подобного рода. Подобные конструкции не нужны при анализе демократических процессов. Подобные вещи не только трудно доказуемые по самой своей природе, они неизбежно направляют нас на псевдорелигиозную почву, поскольку предполагают существование некоего таинственного знания жрецов, недоступного непосвященных, и наличие неких супергуманоидов, действующих решительно и непреклонно, наподобие искусственного разума и подчиненных ему роботов в фантастических фильмах. Очевидно, что подобные представления достаточно существенно противоречат нашим знаниям об особенностях природы человека и общества. Дело не только в отсутствии технологий, позволяющих осуществлять тотальный контроль. Основная причина все-таки в заведомой неполноте и ограниченности человеческого разума. И хотя невозможно быть уверенным абсолютно точно, исторические свидетельства показывают, что природа человека не очень сильно изменилась. Основные закономерности развития институциональных и демократических процессов в различных обществах примерно одинаковы, с учетом, конечно же, их культурной и идеологической специфики.

Социальные законы действуют так же, как и физические. И отменить их невозможно. И хотя нужно избегать неоправданных аналогий и переноса свойств живых систем на неживые, волюнтаристское поведение по отношению как к естественным и техническим, так и общественным системам заканчивается катастрофой. Не меньшая катастрофа угрожает обществу в случае нарушения социальных законов – даже если для этой цели используются усложненные математические процедуры. Нестабильность может означать сдвиг стабильности, так что небольшой шаг приведет к катастрофе. Или она может означать неравновесное поведение, так что экономика, сдвинувшись с равновесного роста, не сможет вернуться обратно. В качестве примера можно привести установление континентальной блокады французским императором.

Но попытка опровергнуть объективные закономерности экономической интеграции и единого рынка ни к чему хорошему не привела. Примерно к такому же провалу привела и современная попытка ограничить развитие отдельной взятой экономической системы во время действия программы “Нефть в обмен на продовольствие”. В теории изменение системы внешними стимулами можно осуществить. Но на практике нужно неизбежно заранее договориться, кто из акторов будет нести “трансформационные издержки” или распределить их между заинтересованными сторонами. В противном случае правящие элиты перекалдывают эти издержки на низшие социальные слои, что совершенно не способствует росту популярности демократических реформ.

Идеологизация представляется в настоящее время главной опасностью для социальных наук. Борьба против одной идеологии с помощью другой - занятие довольно бессмысленное. Если ученый для объяснения чего-либо прибегает к идеологическим конструкциям, ограничивающим выбор, то он расписывается в собственном методологическом бессилии. Берется некоторый факт, из которого путем логических соотношений делаются некоторые выводы, относящиеся к политическим сущностям. Далее делается очередной политический вывод, но уже по поводу будущих или желательных социальных действий, которые нужно предпринять для изменения тех самых переоцененных в начале сущностей. Такой метод довольно сомнительный - нужно относиться к анализируемому положению так, как будто бы оно заведомо не является правильным.

Необходимо отказаться от эсхатологического и идеологического взгляда на демократическое устройство как на режим, к которому придут рано или поздно все сообщества и народы, и пересмотреть этику прогрессизма, уверенность в “конце истории”, потенциальной решаемости поставленных перед человечеством вызовов, наличие идеальных социальных конструкций, к которым должны стремиться все и т.п. Одновекторная направленность либерального прогрессизма и чрезмерная уверенность в целях, в подходящих задачах и предполагаемых результатах напоминает коммунистическую

идеологию. Переход политиков и консультантов от одной идеологии к другой, сопровождался, как и в советское время, новой интерпретацией исторических фактов, вырванных из общего цивилизационного контекста, только теперь в виде Прометея оказывается социальная наука, а в виде орла, клюющего печень, - очередная победившая идеология. Речь не идет о том, хорошая ли это идеология или плохая. Социальные явления вообще очень сложно анализировать с идеологической точки зрения.

Создание этой работы побуждалось желанием вернуть социологии ее предметность, поскольку слишком часто идеологические оковы навязываются на социологическое знание, которое по своей природе должно оставаться свободным.

Идеологизация социальной науки – это ее распад, поскольку противоположные взгляды сосуществуют только в различных плоскостях и не пересекаются. И тогда все неудобное и трудно опровергаемое можно просто назвать идеологически “не политкорректным”. Консервативность, непринятие сенсационных результатов и трактовок и требование четких определений (можно сказать даже операционализаций) классических позитивистских школ все чаще ставится под сомнение. Есть ли другие альтернативные взгляды на окружающую нас реальность? Может ли существовать либеральная наука и не приведет ли это к реализации прогнозов Дж. Оруэлла? Четких ответов на этот вопрос у научного сообщества пока нет. Настоящая работа также не претендует на окончательность выводов. “Мы выступаем лишь за разъяснение подлинной диалектики истории, которая, с одной стороны, не позволяет людям лишь обретать, не теряя ничего из того, что терять не хотелось бы, а с другой стороны, способна неожиданно востребовать “потерянное” на новом витке своего развития и, вопреки всему, строго спросить с людей за его несохранность”²⁰³.

Успешное демократическое развитие зависит также от социальных агентов: традиционно роль проводника успешных социальных технологий в

²⁰³ Момджян К. Х. Введение в социальную философию. М. 1997. с. 21.

России (и не только) играет интеллигенция. По мнению Л. Колаковского²⁰⁴, интеллигенция может играть роль, священника, шута или философа. Священник обычно занимается постоянной критикой общественного порядка. Он развивает утопичные или трансцендентные взгляды, создавая идеал более рационального и лучшего общества, которое затем приходит в противоречие с существующим обществом: “священник – это страж абсолюта, он сохраняет культ заключительного и ясного, как содержащегося и подтвержденного традицией ... шут обеспечивает ироническую критику, но она отличается от священника в том, что скорее ориентирована эмпирически, чем морально, и таким образом, создает имманентную, а не трансцендентальную критику”.

Л. Колаковский развивает свою мысль следующим образом: “шут – это тот, кто находится в хорошем обществе, но не принадлежит к нему, и дерзко обходится с ним, кто сомневается во всем, что кажется самой собой очевидным. Шут ... наблюдает ... сбоку, чтобы за очевидным обнаружить неочевидное, за конечным – неконечное...”. Шут рассматривает рациональное и неизбежное как случайное и временное²⁰⁵, выполняя функцию социального контролера (а также балансира в конфликте интересов, как это показано в пьесах Шекспира). Иногда к ролевому набору интеллигенции добавляют роль инженера или, точнее, волшебника²⁰⁶. Очевидно, успешное демократическое развитие напрямую зависит от умения социальных агентов наиболее удачно сочетать в себе все перечисленные выше роли.

Демократические системы невозможно создавать “с нуля”. Всегда с прошлых эпох остаются отдельные социальные институты (например, церковь), формирующие институциональное многообразие. И если идеологическое желание выступает как внешний запрос на большую демократизацию, никак не связанный с институтами системы, оно практически не реализуемо.

²⁰⁴ Kolakowski, L. 1968. The Priest and the Jester // *Toward a Marxist Humanism. Essays on the Left Today*. (New York: Grove Press). p. 33.

²⁰⁵ Jacobs, R. and Smith, P. 1997. Romance, Irony, and Solidarity // *Sociological Theory* 15(1): pp. 60-80.

²⁰⁶ См. Bourdieu, P. 1987. Legitimation and Structured Interests in Weber's Sociology of Religion // Scott Lash and S. Whimster (eds.). *Max Weber, Rationality and Modernity* (London: Allen and Unwin).

Институциональное “решение должно приниматься с учетом того, каким образом необходимо поступать с неизбежными неопределенностями, на какой риск можно пойти, какие чрезвычайные обстоятельства должны учитываться в планировании и какими ресурсами должно быть обеспечено такое решение”²⁰⁷. Однако реализовать подобный сценарий довольно непросто. Проще сконструировать социум, в котором будет “больше закона и меньше порядка”²⁰⁸.

Заключение

Русскому общественному сознанию присуща склонность к философствованию. Русский человек слишком сильно погружен в самого себя. Им управляет неверие. Неверие ни в ценности Запада, ни Востока. Неверие в ценности маскируется цинизмом и отражается в иронии. Все, что попадает на русскую землю, изменяется, обретая новую окраску и утрачивая привычную. Легковесные французские романы превращаются в назидательные эпопеи, дискуссионные идеи немецких философов – в жесткие идеологические и партийные линии, либеральные надежды, высказанные американскими просветителями, – в хищнический капитализм и квазидемократию. Мысль, пришедшая со стороны, мысль, высказанная кем-то другим и незнакомым, мысль с блестящей внешней оболочкой, но не прочувствованная изнутри, оставляет русского человека в полном равнодушии.

Подобно мифологическим существам или саргассам, все захваченное и случайно попавшее в России навсегда застревает, неизбежно изменяется, теряя и форму, и ценность, и саму сущность. И над всем этим довлеет стремление и извечное желание поддерживать искру разума и мышления, но разума – неудовлетворенного, а мышления – ищущего. Заимствуя у других народов

²⁰⁷ Kay J. J. , Regier H. A., Boyle M. and Francis G. 1999. An Ecosystem Approach for Sustainability. Addressing the Challenge of Complexity // Futures (31). p 738.

²⁰⁸ Ellickson, Robert. 1991. Order Without Law: How Neighbors Settle Disputes (Cambridge, Mass.: Harvard University Press). p. 286.

недостающее и не хватающее, русский человек добавляет именно поиск и неудовлетворенность к тому, что уже имеем. Неудовлетворенность тут же выступает причиной нового поиска, а поиск всегда приводит к новой неудовлетворенности. Русский народ – народ вечного разочарования, но как приятно временами чувствовать себя разочарованным. Стремление к абсолюту сочетается с удивительным, едва ли не безрассудным желанием отказаться от всяких абсолютных ценностей вообще. Неправы те, кто указывают на тупик вечного движения по кругу, наподобие движения суточного времени, на сомнительность, фрагментарность и беспомощность прогресса.

Теории изучаются, чтобы их опровергнуть, ценности заимствуются, чтобы поставить их под сомнение (стоит ли сожалеть о подобных ценностях) но процессы неизбежно направляются вспять, и вот мы уже забываем, что заимствовали и учили. Не случайно, что именно в Советском Союзе было столь сильно развитое движение изобретателей и рационализаторов. Скорее рационализаторов, чем изобретателей, хотя сложно сказать, какая роль глубже, поскольку она фрагментарна.

Увлеченность идеологией опьяняет: в российском обществе совершенно утрачено чувство направления. Быстрое понижение давления дезориентирует, и тогда в обществе отказываются от норм, и отбрасывается мораль. Тем же, кто волею судьбы оказался внезапно наверху и ближе к поверхности, почему-то вдруг становится все равно: их охватывает странное усталость и даже какое-то безразличие. Быстро забыты страхи во время предыдущего подъема и тяжелый период адаптации. Из благостных побуждений не были предупреждены те, кто оказался на глубине, что их ждет в процессе возвращения. В результате демократы так и не смогли стать гарантами и опорой нового демократического порядка. Если у совершившего ошибку при погружении водолаза есть возможность тут же попасть под наблюдение опытных и знающих врачей и специалистов, то в ситуации демократической декомпрессии помочь было некому сообщить о необходимости соблюдения техники безопасности, тем, кто слишком быстро поднимался с темных глубин на поверхность. Находящиеся на

километровой глубине должны использовать определенные правила безопасности, отличающиеся от аналогичных процедур, необходимых для тех, кто застрял на глубине в сто метров. Такие техники вовсе не носят дискриминационный характер. Они просто облегчают выживание.

Чтобы у людей, которые могут и не выдержать отрицательных последствий демократической декомпрессии, не возникало стремление к авторитаризму, чтобы потенциальная энергия российского общества была преобразована в раскрывающуюся энергию творчества и созидания, демократические институциональные преобразования должны быть постепенными. Подобные рассуждения могут показаться затертыми клише – что-то вроде уроков, которые приходится усваивать и дома, и в школе в те моменты, когда родителей и учителей охватывало рвение к высказыванию поучений. Став взрослыми, люди относятся к подобным фразам снисходительно, отмахиваясь от них, как от банальностей. Безусловно, сейчас особое время, и в стремлении жить в приятном и красивом окружении сплошного удовольствия нет ничего страшного, просто подобный стиль не совместим с развитием и достижениями граждан. Если же целью общественной жизни ставить именно самореализацию творческого потенциала, то нужно научиться строить демократию, не обращая внимания на щедрые посулы авторитаризма. Это нелегко. Но общества, которые так живут, - это общества созидателей.

Теории демократии в западном варианте (и ее российские политологические аналоги) испытывают на себе все сложности неоднозначного времени, в котором мы живем. И в любом случае вопросы сущности демократии, ее институциональных основ, а также выполняемые ими функции будут вызывать жаркие споры не только в академических кругах, но и в целом в обществе.

В настоящее время трудно определить, в какой степени современные демократические процессы зависят от влияния институциональных факторов, поскольку эти факторы не всегда четко проанализированы общественными интеллектуалами и даже не всегда им известны. Институциональные процессы, в сущности, игнорируются, причем даже не столько из-за злого умысла, сколько из-за невозможности быть описанными в рамках существующих подходов. Учитывая важность понимания институционального характера демократии для социального знания и социально-политической практики в российских условиях с целью создания надежной политической основы модернизационным реформам, необходимо восполнить существующие в социальных науках пробелы в изучении социальных дилемм, что способно оказать существенную пользу в понимании специфики демократии в глобальном изменяющемся мире. Монография адресована социологам, философам, политологам и всем, кто интересуется проблемами развития демократии и институтов в современном обществе.

Максим Барбашин

Барбашин Максим Юрьевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета, старший научный сотрудник Южнороссийского филиала Института социологии Российской академии наук

9

783843 309783

978-3-8433-0978-3